

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (17)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2015**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 1 (17)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2015**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.
председатель

ректор ГБОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.
заместитель председателя

президент ГБОУ ВО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.
заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.
главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Жириков И.Г.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачев С.П.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.
ответственный секретарь

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГБОУ ВО МГПУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Карпачев С.П.</i> Масоны-иностранцы в российских ложах XVIII–XIX веков. Компаративный анализ	8
<i>Долакова М.И.</i> Финансово-экономические реформы С.Ю. Витте	15
<i>Сидоровнин Г.П.</i> Конфликт П.А. Столыпина с императором: пролегомены к гибели монархии	21
<i>Юрьев А.И.</i> Подготовка и проведение Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов (4–28 мая 1917 года)	30
<i>Хайретдинов Д.З.</i> Духовно-образовательные традиции нижегородских татар	33

Новейшая история России

<i>Фекердинов И.С.</i> Советский ВПК накануне Великой Отечественной войны в оценках российской историографии.....	42

Всеобщая история

<i>Павлов А.А.</i> Плебейский трибунал в немецкой историографии XIX века.....	49
<i>Мажитова Ж.С.</i> О функциях биев в казахском обществе: некоторые подходы современных российских и казахстанских исследователей к проблеме	60
<i>Копоть Е.М.</i> Антиохийская православная церковь и русское присутствие в Сирии при патриархе Герасиме (1885–1891 гг.).....	68
<i>Кузьмин С.Л.</i> Русско-Монгольское соглашение 1912 года и независимость Монголии	80

<i>Рябота М.А.</i> Восточный вопрос как направление британской внешней политики в годы Первой мировой войны.....	88
<i>Лазутина А.Е.</i> Роль Исмаила Урбена во франко-алжирских отношениях	98

Критика. Рецензии. Публицистика

<i>Супрун М.Н.</i> Полярные конвои в воспоминаниях американских ветеранов Рецензия на монографию М. Scott «Eyewitness Accounts of the Murmansk Run, 1941–1945» (The Edwin Mellen Press, 2006. 240 p.).....	107

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2015, № 1 (17).....	109

Требования к оформлению статей.....	111

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Karpachyov S.P.</i> Masons-Foreigners in the Russian Lodges of the XVIII–XIX centuries Comparative Analysis	8
<i>Dolakova M.I.</i> Financial and Economic Reform of S.J. Witte	15
<i>Sidorovnin G.P.</i> Conflict of P.A. Stolypin with the Emperor — Prolegomena to the Fall of the Monarchy	21
<i>Yuriev A.I.</i> Preparation and Conduct of the First All-Russian Congress of Peasants' Deputies (4–28 May 1917).....	30
<i>Khairtdinov D.Z.</i> Spiritual and Educational Traditions of Nizhny Novgorod Tatars	33

Modern History of Russia

<i>Fekerdinov I.S.</i> The Soviet Military-Industrial Complex before the Great Patriotic War in Assessments of Russian Historiography	42

General History

<i>Pavlov A.A.</i> Tribune of the Plebs in German Historiography of the 19 th century	49
<i>Mazhitova Z.S.</i> On Functions of Biys in Kazakh Society: Some Approaches of the Current Russian and Kazakh Researchers to the Issue	60
<i>Kopot E.M.</i> The Orthodox Church of Antioch and Russian Presence in Syria under Patriarch Gerasimos (1885–1891)	68
<i>Kuzmin S.L.</i> Russian – Mongolian Agreement of 1912 and the Independence of Mongolia	80

<i>Ryabota M.A.</i> The Eastern Question as a Direction of British Foreign Policy during the Years of the First World War.....	88
<i>Lazutina A.E.</i> The Role of Ismail Urbain in French-Algerian Relations.....	98

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Suprun M.N.</i> Polar Convoys in the Memories of American Veterans. Review of the monograph by M. Scott «Eyewitness Accounts of the Murmansk Run, 1941–1945» (The Edwin Mellen Press, 2006. 240 p.).....	107

«MCTTU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2015, № 1 (17)	109

Style Sheet	111

История России: с древнейших времен до 1917 года

С.П. Карпачев

Масоны-иностранцы в российских ложах XVIII–XIX веков. Компаративный анализ

В статье проводится сравнительный анализ групп масонов-иностранцев, работавших в российских масонских ложах второй половины XVIII века и первой четверти XIX века. Основным методом, использованным для подготовки данного материала, явилась унифицированная анкета. В ней были заложены такие показатели, как фамилия, даты жизни, участие в масонских ложах, профессиональная и общественная деятельность

Ключевые слова: масоны; модернизационная парадигма; компаративный анализ.

Объяснение критериев рассматриваемых групп дано в моей статье, посвященной иностранцам в русском масонстве второй половины XVIII века [3: с. 18]. Для исключения повторного счета в работе использовался классический хронологический метод исторического исследования. В частности, масоны-иностранцы, работавшие в российских ложах в течение всего исследуемого периода, отнесены к XVIII веку, несмотря на то, что часто пик их деятельности приходился на XIX век (Ланжерон, Ришелье и др.).

Наши расчеты [3] проведены на основе Энциклопедического словаря А.И. Серкова [5]. Во второй половине XVIII века из 3118 масонов российских лож иностранцев было 350 человек или 11 %. В первой четверти XIX века из 5577 масонов иностранцев было 420 или 7,5 %. Таким образом их абсолютная численность увеличилась на 20%. При этом «удельный вес» иностранцев в российском масонстве сократился с 11 до 7,5 %, что свидетельствовало о том, что масонское движение в стране развивалось преимущественно благодаря российским подданным.

За рассматриваемые периоды произошли достаточно значительные перемены в национальном составе масонов-иностранцев, работавших в российских мастерских.

Таблица 1

Масоны-иностранцы в русских ложах XVIII и XIX веков¹

Национальность	Численность в XVIII в.	Удельный вес в %	Численность в XIX в.	Удельный вес в %	Численность в XIX в. по сравнению с XVIII в. + / -
Немцы	203	58,0	171	40,7	-32
Французы	42	12,0	94	22,4	+52
Англичане	24	6,9	7	1,7	-17
Австрийцы	18	5,1	41	9,8	+23
Итальянцы	14	4,0	33	7,9	+19
Шведы	10	2,8	6	1,4	-4
Швейцарцы	9	2,6	30	7,1	+21
Евреи	8	2,3	3	0,7	-5
Голландцы	7	2,0	9	2,1	+2
Остальные, неизвестной национальности и без ее указания*	15	4,3	26	6,2	+11
Итого:	350	100	420	100	+70

Анализ данных таблицы показывает, что в первой четверти XIX века в российских ложах среди иностранцев ведущей по численности национальной группой оставались немцы при уменьшении их относительной доли с 58 % до 40,7 %.

Значительно по абсолютным и относительным показателям увеличилась группа французов. В российское масонство в связи с революционными событиями во Франции вступали монархисты-эмигранты. Во время наполеоновского нашествия его участники, попавшие в плен, подчас принимали российское подданство и входили в культурную элиту страны. Например, участник похода Наполеона в Россию А-Ж. Дезарно был пленен, остался в России, стал известным художником-баталистом, академиком живописи, был «братом» петербургской ложи Соединенных друзей.

Выявленные нами данные о французах-масонах в отечественных ложах в определенной мере свидетельствуют, что война 1812 года и заграничные походы русской армии, благодаря которым победители воспринимали такую часть культуры побежденных, как масонство, приближали тем самым

¹ Группировка по национальностям проведена в соответствии с материалами нашей статьи «Иностранцы в русском масонстве. 2-я половина XVIII в.» [3: с. 19].

страну «второго эшелона» развития к основному мейнстриму мировой цивилизации [2: с. 22].

Увеличили свою численность и долю в изучаемой группе австрийцы. Отличительными чертами австро-венгерской эмиграции в России являлись высокая концентрация в ней высокоинтеллектуальных специалистов из карпаторусов и сербов. Более заметными в российском масонстве стали итальянцы и швейцарцы. Несмотря на установление союзнических отношений между Россией и Великобританией в период Наполеоновских войн, сократилось английское влияние на отечественное «королевское искусство».

Разработанная нами унифицированная анкета, в которой были заложены такие показатели, как фамилии масонов-иностранцев, даты их жизни, участие в масонских/ой ложах/е, профессиональная и общественная деятельность, позволяет дать ряд характеристик рассматриваемой группы.

В частности, на ее основе выявлен возраст масонской инициации иностранцев в первой четверти XIX века. Соответствующие данные сведены в таблицу 2.

Таблица 2

Возраст масонской инициации

Возраст инициации	Австрийцы	Итальянцы	Немцы	Французы	Остальные	Общая числен.	Доля возрастной когорты в %
20–29	5	3	20	8	9	45	39
30–39	4	6	31	5	4	50	44
40–49	3	2	9	0	1	15	13
50 и более	2	0	1	1	0	4	4
Итого:	14	11	61	14	14	114	100

Выявленные сведения о времени вступления в масонство показывают, что средний возраст масонской инициации составлял: у австрийцев — 37 лет, итальянцев — 33 года, немцев — 32 года, французов — 30 лет, у остальных (англичан, голландцев, греков, датчан, швейцарцев) — 28.

По сравнению с XVIII веком возраст масонской инициации несколько повысился. Особенно это видно у австрийцев, итальянцев и немцев, у которых самая репрезентативная выборка, т.е. соотношение общего количества масонов в группах и выявленного возраста инициации. Она составляла у них 33 %. Повышение возраста вступления в «братство», очевидно, было связано с тем, что в этих национальных стратах увеличилась доля интеллектуалов, возраст которых был заведомо выше, чем в других профессиональных когортах.

По сравнению с XVIII веком [3: с. 19] среди вступавших в масонские ложи уменьшилась доля лиц молодого возраста (20–29 лет) с 49 % до 39 %,

увеличилась доля лиц 30–39 лет с 38 % до 44 % и старшей возрастной категории (40–50 и более лет) с 13 % до 17 %.

Минимальный возраст инициации составлял 20 лет. Отмечен он только у 4-х человек: итальянского купца, немецкого военнослужащего, российского чиновника грека Ф. Гунаропуло и А. Лерхе, будущего активиста масонского движения и крупного российского администратора.

Максимальный возраст инициации обнаружен у отставного поручика Бессаровича (56 лет), доктора медицины Летмюллера (52 года) и француза — полковника русской службы Морелли (66 лет).

Таким образом, одна из ведущих черт портрета иностранцев-масонов — достаточно однородный возрастной состав. В основном это была зрелая молодежь в расцвете сил.

Как и в XVIII веке [3: с. 20–21], масоны-иностранцы XIX века в значительной мере сосредотачивались в столице Империи. Наибольшей популярностью среди них пользовалась петербургская ложа «Палестина», созданная на рубеже нулевых — 10-х годов XIX столетия. Она работала до 1813 года исключительно на французском языке, за все время существования в ней состояло 226 братьев. Из них — 43 француза, или почти половина этой национальной группы (45 %).

Второе место занимала ложа «Петра к истине», на «востоке» Петербурга. В ней насчитывалось 457 брата, из них 58 немцев-иностранцев (немногим более 1/3 этой национальной когорты). Вместе с ней в столичной мастерской «Пеликан» в качестве членов и посетителей был 31 немец. Таким образом, эти две ложи «приютили» немногим более половины этой национальной группы (52 %).

Серьезную конкуренцию петербургским мастерским по популярности среди иностранцев-масонов составила преимущественно «купеческая» одесская ложа «Эвксинского понта», вобравшая 65 братьев из 420 (15 %).

Примерно такая же доля — 15 % от всех масонов-иностранцев была в петербургской мастерской «Соединенные друзья». В ней были представлены немцы, французы, итальянцы и др.

Масоны-иностранцы активно работали в руководящих органах российского масонства, в частности, в «Директориальной» ложе «Астрея», Великой провинциальной ложе «Владимира к порядку». Также заметны они были в ложах и степенях высших градусов, входя, таким образом, в масонскую элиту России.

Сравнительная динамика профессиональных занятий масонов-иностранцев в XVIII и XIX веках показана в таблице 3.

Пояснения к таблице 3 применительно к XVIII веку даны в нашей статье о вольных каменщиках-иностранцах XVIII века [3: с. 21].

Анализ данных таблицы 3 показывает, что в наибольшей степени в XIX веке по сравнению с XVIII веком увеличилась численность интеллектуалов (+65 человек) и их удельный вес (+20 %). Эта тенденция отражала потребность российского общества в кадрах высшей квалификации.

Таблица 3

**Профессиональный состав иностранцев, участвовавших
в деятельности российских масонских лож**

Род занятий	Итоговые данные по XVIII в.		Итоговые данные по XIX в.		+ / – абсолютных показателей
	Числен- ность	Уд. вес в %	Числен- ность	Уд. вес в %	
Военнослужащие	33	9	52	12	+19
Чиновники*	35	10	55	13	+10
Чиновники / военнослужащие	16	5	0	0	0
Интеллектуалы	75	21	140	34	+65
Медики и аптекари	16	5	39	9	+23
Купцы и фабриканты	101	29	89	21	–12
Лица ручного труда	26	7	17	4	–9
Неизвестно	48	14	28	7	–20
Итого:	350	100	420	100	+70

Увеличилась численность и удельный вес военнослужащих, чиновников, медиков среди иностранцев-масонов. В XIX веке среди них не обнаружена такая категория как военнослужащие/чиновники. Возможно, это было связано с тем, что универсализм военных (они подчас выполняли функции и дипломатов и управленцев) стал ослабевать. Хотя это явление и не сошло совсем на нет. В частности, продолжалась деятельность военных Ланжерона и Ришелье в качестве руководителей крупных территориальных образований.

Абсолютно и относительно уменьшились группы купцов (в XVIII веке это была самая многочисленная группа, в XIX веке она уступила пальму первенства интеллектуалам, сократившись на пятую часть) и ремесленников. Вследствие этого масонство стало менее демократическим.

Даже неполные данные показывают, что по сравнению с XVIII веком в начале XIX века резко усилился образовательный уровень исследуемой группы. Если в XVIII веке высшее образование, прежде всего университетское, было выявлено у 19 человек (5 %) [3: с. 22], то в XIX веке его имели 79 человек, или 19 % от всех масонов-иностранцев того времени.

Значительно активизировалась деятельность вольных каменщиков-иностранцев в социальной жизни России. Данные унифицированной анкеты показывают, что в XIX веке в этой сфере отмечено 40 человек, или около 10 % группы. Чаще всего «братья» работали в таких общественных организациях, как общества испытателей природы, врачебных и физических наук, фармацевтического, филантропического, сельского хозяйства, вольно-экономического, были попечителями учебных заведений.

Российские масоны-иностранцы, как и в XVIII веке [3: с. 23], в начале XIX века стали руководителями и основателями новых масонских систем. И.В. Бебер, профессор физики и математики, возглавил шведскую систему масонства. Профессор восточных языков И.А. Фесслер создал свою систему. Она включала три традиционных иоанновских степени староанглийского масонства и степени «познания», которые предполагали изучение других масонских течений. Фесслеровское масонство имело упрощенный ритуал, ставило перед своими адептами нравственно-философские задачи, предполагало либеральную религиозность. Доктор медицины и философии Е.Е. Эллизен основал свою масонскую систему. Она, в противовес мистической эзотерике, стремилась к научно-философским воззрениям, считая, что предмет постижения Ордена — не религия, не мораль, но чистая философия, опирающаяся на учение Фихте [4: с. 53–55, 65].

Об усилении влияния масонов-иностранцев на российскую действительность первой четверти XIX века говорит крупнейший русскоязычный биографический ресурс — Русский биографический словарь. Если из изучаемой группы в XVIII веке в него попало 44 фамилии (12 %), то в XIX веке — 74 человека или почти 1/5 часть.

Как уже отмечалось, в исследуемую группу попали урожденные иностранцы, впоследствии принявшие российское подданство или находившиеся на русской службе [3: с. 18]. «Пофамильные» критерии, использованные Г.В. Вернадским [1] при определении национального состава российского масонства, конечно же снижают точность расчетов, но позволяют в общих чертах представить национальный облик российского масонства. Я подсчитал и обработал более 10 тысяч имен российских масонов, выявленных на основе Словаря А.И. Серкова [5]. Они подтверждают вывод Г.В. Вернадского, что треть российских масонов были немцами (в основном остзейскими). Мои данные показывают, что 14 % российских масонов были поляками, 4 % — французами. 10 % российских вольных каменщиков были представителями более 30 наций и невыявленной национальности. Таким образом, в российском масонстве порядка 60 % состава были нерусскими по национальности, но подавляющее большинство из них были российскими подданными.

Дальнейшее уточнение и обработка этих данных позволит сделать более глубокие выводы о роли русского и иностранного компонента в отечественном «королевском искусстве» и тем самым глубже выявить его сущностные черты и роль в российском историческом процессе.

Иностранцы в российском «королевском искусстве» XVIII – первой четверти XIX века были представлены зрелой молодежью в расцвете сил, сосредоточенной в столице империи. Среди них выделялась интеллектуальная элита. Это были люди, состоявшие в профессиональной сфере, в той или иной мере материально обеспеченные. Они были ориентированы на благотворительную деятельность, занимали активную жизненную позицию, стремились к «нравственному совершенству», «обтесыванию “дикого камня” своей

души». Группа имела большой интеллектуальный потенциал, внесла значительный вклад в культурную и социальную модернизацию России.

Литература

1. *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствовании Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999. 569 с.
2. *Карпачев С.П.* Война 1812 г. и русское масонство: статистика и биографика // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2012. № 2 (10). С. 26–23.
3. *Карпачев С.П.* Иностранцы в русском масонстве: вторая половина XVIII века // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (15). С. 18–24.
4. *Карпачев С.П.* Масоны и масонство России XVIII–XXI вв. Особенности российского «королевского искусства». Saarbrücken, 2013. 323 с.
5. *Серков А.И.* Энциклопедический словарь «Русское масонство. 1731–2000». М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.

References

1. *Vernadskij G.V.* Russkoe masonstvo v czarstvovanii Ekateriny' II. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 1999. 569 s.
2. *Karpachev S.P.* Vojna 1812 g. i russkoe masonstvo: statistika i biografika // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2012. № 2 (10). S. 26–23.
3. *Karpachev S.P.* Inostranczy' v russkom masonstve: vtoraya polovina XVIII veka // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2014. № 3 (15). S. 18–24.
4. *Karpachev S.P.* Masony' i masonstvo Rossii XVIII–XXI vv. Osobennosti rossijskogo «korolevskogo iskusstva». Saarbrücken, 2013. 323 s.
5. *Serkov A.I.* E'nciklopedicheskij slovar' «Russkoe masonstvo. 1731–2000». M.: ROSSPE'N, 2001. 1224 s.

S.P. Karpachyov

Masons-Foreigners in the Russian Lodges of the XVIII–XIX centuries Comparative Analysis

The article gives a comparative analysis of groups of masons-foreigners who worked in the Russian masonic lodges of the second half of the XVIII century and the first quarter of the XIX century. The main method used for preparation of this material was standardized questionnaire. The author laid in it such indicators as name, date of life, participation in masonic lodges, professional and social activities.

Keywords: the freemasons; the modernizing paradigm; comparative analysis.

М.И. Долакова

Финансово-экономические реформы С.Ю. Витте

В статье рассматривается сущность и содержание финансово-экономических реформ С.Ю. Витте. Особое внимание уделяется денежной реформе и ее месту в финансовой политике государства. Анализируются указы, на основе которых проводилась денежная реформа.

Ключевые слова: денежная реформа; финансовая политика; золотой монометаллизм; протекционизм; винная монополия.

Конец XIX века был достаточно сложным периодом в истории Российской империи, когда перед государственной властью стояла задача реформирования экономической сферы страны, не допуская при этом изменений в социально-политическом строе. Характерной приметой времени применительно к финансово-экономическому состоянию России стали периодические финансовые кризисы, сопровождавшиеся хроническим дефицитом бюджета и расстройством денежной системы, ростом внешней и внутренней задолженности. В этих условиях самой актуальной задачей стала разработка проекта реконструкции всего финансового механизма государства, проведения глубоко продуманных реформ в финансово-экономической сфере.

Министром финансов в 1892 году назначается С.Ю. Витте, который и принялся за осуществление назревших преобразований. Предложенная им программа социально-экономической модернизации России во многом отвечала стоявшим перед страной задачам — необходимостью сочетать интересы крупных землевладельцев и представителей промышленной буржуазии. Одну из основных политических идей экономической системы Витте можно обозначить так: реформирование экономики без социальных потрясений.

Одним из главных мероприятий финансово-экономической политики С.Ю. Витте стала денежная реформа. В конце XIX века финансовая система государства была расстроена: курс бумажных денег постоянно снижался (в 1888–1896 гг. цена кредитного рубля составляла в среднем 66 и 2/3 копейки золотом) (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 392. Л. 120), золотые и серебряные деньги практически исчезли из обращения. Таким образом, назрела необходимость ликвидации инфляционного бумажно-денежного обращения и введения золотого стандарта с целью укрепления денежной системы, преодоления резких колебаний курса кредитных денег.

Для перехода к золотому стандарту было необходимо формирование золотого запаса государства. Именно эта задача стояла перед Министерством финансов, функционировавшим под руководством С.Ю. Витте [6: с. 14].

Надо отметить, что Витте возглавил Министерство финансов в нелегкий момент, когда кризисные явления в экономике страны усугубились голодом 1891 года. Он начал свою деятельность на этом посту с реформирования самого Министерства финансов, увеличив штат и число отделений, что позволило приступить к подготовке денежной реформы.

Основные положения проекта денежной реформы сводились к следующему: введение золотого монометаллизма; одновременное обращение металлических и бумажных денег с гарантированным разменом последних на золото; превращение Государственного банка в эмиссионный центр страны, ограничение выпуска бумажных денег в пределах, превышающих потребности денежного обращения; предоставление права казначейству принимать золотую монету в уплату налогов и сборов и т. д. [5: с. 70]. Характерно, что проект реформы был опубликован в печати и стал предметом активного обсуждения.

В Российской империи помимо сторонников введения золотого монометаллизма имелись и его многочисленные противники. Против реформы выступали многочисленные дельцы и спекулянты, которым отсутствие твердого курса национальной валюты помогало наживаться за счет спекулятивных операций. Сторонниками бумажного денежного обращения были и помещики — экспортеры сельскохозяйственной продукции. Против золотого паритета выступала и Франция — крупнейший в то время кредитор России, обладавший значительными запасами серебра. В Государственном Совете также было немало противников денежной реформы, в том числе статс-секретари Мансуров и Мордвинов (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–3), тайные советники фон-Дервиз и Шидловский и другие (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 392. Л. 128).

С.Ю. Витте, будучи убежденным сторонником золотого монометаллизма, опирался на поддержку отечественной промышленной буржуазии, которую привлекала стабильная денежная система, сулившая приток иностранных инвестиций и стабильный доход от вложенных в отечественную промышленность средств.

С 1894 года в число функций Государственного банка стало входить формирование золотого запаса за счет средств, полученных от внешней торговли и внешних заимствований. В 1897 году золотой запас России составлял 1 млрд 95 млн руб., и это было самое крупное сосредоточение золота в мире [3: с. 172].

В течение 1895–1897 годов в соответствии с планом С.Ю. Витте правительство осуществило денежную реформу: были разрешены сделки на золотую монету, с установленным курсом (1895 г.); государственные кассы принимали в платежи золотые монеты по рыночному курсу; произошла девальвация рубля (1897 г.); были установлены нормы обеспечения кредитных билетов золотом; была ограничена чеканка и платежная сила серебряной монеты (1898 г.).

Правовое обеспечение реформы осуществлялось на основе императорских указов. Указом от 16 июня 1893 года монетным двором был прекращен прием от частных лиц серебра для перечековки в монету (ПСЗ. Собр. 3. 1893. Т. 13. № 9883).

6 ноября 1895 года император утвердил Мнение Государственного Совета о разрешении кассам правительственных учреждений принимать в платежи золотую монету по установленному курсу — 14 руб. 80 коп. кредитных за империал и 7 руб. 40 коп. за полуимпериал. При этом принималась золотая монета исключительно «новых» чеканов (1886 г. и последующих лет). Принятая монета сдавалась в казначейство (ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 24. Д. 13. Л. 8).

В Указе «О чеканке и выпуске в обращение золотой монеты» от 3 января 1897 года отмечалось, что для устранения недостатков денежного обращения империи на рассмотрение Государственного совета вынесены предложения об установлении новых оснований монетной системы и правил выпуска государственных кредитных билетов. В связи с этим было признано необходимым возобновить чеканку золотых монет: империала (15 руб.) и полуимпериала (7 руб. 50 коп.) и выпуск их в обращение «в целях устранения поводов к сомнениям, порождаемым в населении несоответствием нарицательного достоинства золотой монеты ее цене, определенной для обмена на кредитные билеты» (ПСЗ. Собр. 3. 1897. Т. 17. № 13611).

Золотое содержание кредитного рубля уменьшалось на треть, настолько же уменьшался вес золотого рубля. Таким образом, данный указ затрагивал сущность денежной реформы — введение золотого паритета рубля.

Указ от 29 августа 1897 года был посвящен основам эмиссии кредитных билетов. Он установил, что государственные кредитные билеты выпускаются Государственным банком в размере, строго ограниченном потребностями денежного обращения, под обеспечение золотом. Таким образом, Государственный банк становился центральным и единственным эмиссионным центром страны. Сумма золота, обеспечивающего выпуск кредитных билетов, должна составлять не менее половины суммы выпущенных в обращение кредитных билетов (ПСЗ. Собр. 3. 1897. Т. 17. № 14504).

Указ от 14 ноября 1897 года установил, что кредитные билеты получают хождение наравне с золотой монетой и размениваются на нее (ПСЗ. Собр. 3. 1897. Т. 17. № 14632).

28 марта 1898 года был подписан Указ «Об основаниях обращения серебряной монеты», установивший, что все денежные расчеты ведутся в России на рубли, равные 1/15 империала (ПСЗ. Собр. 3. 1898. Т. 18. № 15187). Устанавливался обязательный прием частными лицами высокопробной серебряной монеты, до 25 руб. при каждом платеже. Казначейство и государственные кассы принимали в серебряной монете любую сумму, но при уплате таможенных пошлин, превышавших 5 руб., они взимались только золотом. Все исчисления сборов, поступлений, платежей стали производиться на золотые рубли. Роль серебра в денежном обращении России была ограничена.

Таким образом, денежная реформа была осуществлена не одним законом, а целым рядом последовательных указов. Это объясняется тем, что в Государственном совете практически не было сторонников данной реформы. Более того, против реформы, как писал сам Витте, «выступала вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке» [2: с. 172]. В результате Витте был вынужден пойти на хитрость и провести реформу без одобрения Государственного совета, не одним, а несколькими указами императора [5: с. 71]. В архиве имеется записка члена Государственного совета Б.Мансурова, который выражает свое возмущение тем фактом, что денежная реформа проводится «без разрешения законодательной власти, в административном порядке» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 392. Л. 268, об.).

Денежная реформа С.Ю. Витте установила в России золотой монометаллизм, который способствовал развитию капиталистического производства, международной торговли, но в то же время провоцировал вывоз капитала [4: с. 176].

С.Ю. Витте в докладе императору отмечал первые итоги денежной реформы: за 1897 год сумма выпущенных кредитных билетов уменьшилась на 122,3 млн руб., а золота прибыло на 109 млн руб., то есть перевес золота над билетами только за год увеличился на 231,3 млн руб. «Рубль из неопределенной, колеблющейся величины стал точным мерилем ценности» (ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 154. Л. 167).

Одним из необходимых условий реализации финансово-правовой программы Витте являлась протекционистская таможенная политика, направленная на развитие собственной российской промышленности. Важная роль в этой политике отводилась сохранению почти запретительных таможенных тарифов, введенных еще в 1891 году, когда по сравнению с 1866 годом обложение некоторых товаров было увеличено в 3–4 раза [7: с. 217]. Таможенный тариф 1891 года был введен как автономный, т.е. как единый и одинаково применимый ко всем торговым партнерам России. Между тем на Западе стала получать распространение система дифференцированных таможенных тарифов, применявшихся к торговым партнерам в зависимости от встречного благоприятствования их таможенной политики на основе особых торговых договоров. Учитывая это обстоятельство, С.Ю. Витте весной 1893 года добился проведения закона, согласно которому тариф 1891 года признавался нормальным, а министру финансов давалось право при необходимости повышать ставки тарифа 1891 года для стран, не оказывающих России наибольшего благоприятствования в торговле, особенно в экспорте хлеба. Впоследствии Витте вспоминал: «Государственный Совет согласился на мое предложение, рассчитывая, что закон останется на бумаге» [1: с. 240].

Одновременно с денежной реформой, а также мерами по привлечению иностранного капитала и протекционистской политикой С.Ю. Витте предпринял меры по увеличению накопления внутренних ресурсов с помощью винной монополии и реформирования системы налогообложения.

Установление винной монополии, т. е. исключительного права государства на продажу спиртных напитков, стало одной из наиболее непопулярных

реформ С.Ю. Витте. Эта мера неоднозначно оценивалась уже современниками С.Ю. Витте, причем в оценке ее преобладают не столько экономические, сколько этические соображения. Идея казенной винной монополии была применена законом от 6 июля 1894 года в четырех восточных губерниях, где отмечались стычки виноторговцев и заводчиков. Монополизация торговли ограничивалась лишь спиртными напитками, водкой и водочными изделиями. Реформа проводилась порайонно. Было обращено особое внимание на охрану интересов «винокуренной» промышленности, впоследствии созданы особые льготы в пользу мелких заводчиков.

Сам С.Ю. Витте писал по поводу винной монополии: «В течение всего моего управления питейная монополия, по завету Александра III, имела, главным образом, в виду возможное уменьшение пьянства. Я говорю “возможное”, поскольку это уменьшение может быть достигнуто путем механическим, полицейским и путем регламентации, так как не надлежит никакому сомнению, что общее отрезвление народа, прочное его отрезвление — возможно и мыслимо только посредством широкого распространения культуры, образования и материального достатка. Я каждый год старался ездить по тем губерниям, в которых вводилась эта новая реформа, и при всех моих объездах внушал акцизному ведомству, что реформа эта вводится не с целью увеличения дохода, а с целью уменьшения народного пьянства и что действия членов акцизного ведомства будут цениться совсем не в зависимости от того, какой доход от этой реформы получается, а исключительно с точки зрения благоустройства, порядка и уменьшения народного пьянства» [1: с. 67]. В то же время винная монополия стала важным источником доходов государственного бюджета, необходимых для промышленного развития страны.

Таким образом, С.Ю. Витте была разработана и реализована на практике концепция финансово-экономической модернизации, которая являлась составной частью целостной программы развития российской промышленности. Так как достижение данной задачи требовало значительного повышения доходной части государственного бюджета, то основное внимание в концепции Витте уделялось именно данному вопросу. В связи с этим программа Витте имела четыре основных составляющих: реформу денежного обращения, привлечение прямых иностранных инвестиций, реорганизацию системы налогообложения и введение винной монополии. Ее реализация позволила добиться решения ряда важных задач, в первую очередь — укрепить рубль и стабилизировать бюджет страны.

Литература

1. *Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3-х т. Т. 1. М.: Изд-во соц.-экон. литературы, 1960. 556 с.
2. Государственные финансы России: XIX – первая четверть XX века: учеб. пособ. для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 304 с.
3. История финансового законодательства России / Отв. ред. И.В. Рукавишников. М.; Ростов-н/Д: МарТ, 2003. 256 с.

4. *Комаров Н.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В.* Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Статут, 2006. 384 с.
5. *Муравьева Л.А.* Золотой рубль С.Ю. Витте // Деньги и кредит. 2003. № 3. С. 67–74.
6. *Пашенцев Д.А.* Особенности правового регулирования денежного обращения в Российской империи второй половины XIX – начала XX века // История государства и права. 2008. № 7. С. 13–16.
7. *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука – Ленинградское отд., 1981. 275 с.

References

1. *Vitte S.Yu.* Vospominaniya: v 3-x t. T. 1. M.: Izd-vo soc.-e'kon. lit-ry', 1960. 556 s.
2. Gosudarstvenny'e finansy' Rossii: XIX – pervaya chetvert' XX veka: ucheb. posob. dlya vuzov. M.: YuNITI-DANA, 2003. 304 s.
3. Istoriya finansovogo zakonodatel'stva Rossii / Otv. red. I.V. Rukavishnikova. M.: Rostov-n/D: MarT, 2003. 256 s.
4. *Komarov N.I., Pashencev D.A., Pashenceva S.V.* Oчерки истории права Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). M.: Statut, 2006. 384 s.
5. *Murav'eva L.A.* Zolotoj rubl' S.Yu.Vitte // Den'gi i kredit. 2003. № 3. S. 67–74.
6. *Pashencev D.A.* Osobennosti pravovogo regulirovaniya denezhnogo obrashheniya v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 7. S. 13–16.
7. *Shepelev L.E.* Czarizm i burzhuaziya vo vtoroj polovine XIX veka: Problemy' torгово-промыш'lennoj politiki. L.: Nauka – Leningradskoe otd., 1981. 275 s.

M.I. Dolakova

Financial and Economic Reform of S.J. Witte

This article considers the nature and content of financial and economic reforms of S.Y. Witte. Particular attention is paid to the monetary reform and its place in the financial policy of the state. The author analyzed decrees, on the basis of which monetary reform was carried out.

Keywords: monetary reform; monetary policy; gold monometallism; protectionism; wine monopoly.

Г.П. Сидоровнин

Конфликт П.А. Столыпин с императором: пролегомены к гибели монархии

В поисках оптимального устройства и развития политической системы России наши современники — государственные и общественные деятели, ученые — часто обращаются к опыту прошлого. В связи с этим представляется целесообразным изучение деятельности председателя правительства дореволюционной России П.А. Столыпина и практики его кабинета, пытавшегося модернизировать монархию сотрудничеством с народным представительством. В предлагаемой статье особое внимание уделяется политическим расхождениям, возникшим в отношениях главных в России персон, а также последствиям опалы Столыпина и его смерти, ставших пролегоменами к «сворачиванию» реформ и вступлению России в Первую мировую войну.

Ключевые слова: Столыпинские реформы; конфликт Столыпина с Николаем II; министерский кризис 1911 года.

В поисках оптимального устройства и развития политической системы России наши современники — государственные и общественные деятели, политологи, социологи, историки и т. д. — нередко обращаются к прошлому опыту, подчас предлагая не только принять его во внимание, но даже взять за образец. Например, по данным ВЦИОМ, «около 28 % россиян не возражают против восстановления монархии в России...» (<http://news.rambler.ru/22031531>). Заметим, что такая тенденция особенно проявилась на фоне мероприятий, связанных с празднованием четырехсотлетия династии Романовых, когда в целом ряде выступлений общественных, политических и религиозных деятелей, а также в контексте приуроченных к дате фильмов, научно-популярных и публицистических произведений был сделан упор на значительных заслугах перед страной и личных достоинствах последнего императора Николая II. Характерно, что при исторических реконструкциях зачастую были заметно смещены и затемнены минувшие трагические события и явления, допущены инверсии, гипотезы и купюры, существенно искажающие реальное положение дел [24]. В качестве примера этого тезиса можно сослаться на историко-публицистический телесериал «Романовы» (<http://www.youtube.com/watch?v=XBa0Tn5kPYs>), где некоторые серьезные просчеты последнего представителя династии просто опущены. Достаточно указать, что в фильме совершенно не обозначена тема прямой вины самодержца и его ближайшего окружения за неготовность к продолжительным боевым действиям [21: с. 78–92] и конфликт в Азии, которые привели страну

к позорному поражению в Русско-японской войне [6: с. 654–662]. Между тем, как справедливо отмечается в ряде источников, она началась «из-за махинаций кучки высокопоставленных аферистов, пользовавшихся покровительством государя императора Николая II» (<http://myrt.ru/history/283-nastojashhie-prichiny-russko-japonskojj.html>). Расплачиваться, как известно, пришлось не только колоссальными финансовыми потерями, но также жизнями сотен тысяч россиян, разгромом русского военного флота и благополучием всей страны (<http://abakus.narod.ru/poter/page9.html>). Однако при современной интерпретации эта страница истории, заслуживающая критического осмысления, зачастую предельно затушевана [17: с. 193, 218].

Следует также заметить, что в ряде современных книг и публикаций при описании государственных мер и реформ, способствующих восстановлению мира в России, а также стремительному укреплению ее экономического, научного и культурного потенциала, существенно умаляется значение созидательной роли председателя правительства П.А. Столыпина. Причем за рамками повествования обычно остается острая тема принципиальных разногласий, возникших между царем и Столыпиным, которые существенно осложнили положение последнего и, по мнению ряда исследователей, стали причиной его преждевременной смерти. Характерно, что при этом обходится вниманием болезненная история вовлечения еще неокрепшей России — вопреки заветам Столыпина — в очередной Балканский конфликт, а следом — в Первую мировую войну. Такой подход, нацеленный на перекалывание вины за крушение исторической России на революционные силы, зарубежных агентов, масонов [20: с. 177–230] и т. д., вместе с тем представляет монархию совершенной формой государственного устройства. Таким образом, вне критического обсуждения оказывается существенный изъян монархического уклада — zaangażированность его политики и полная зависимость даже самых достойных, опытных, заслуженных и самодостаточных деятелей элиты от воли государя. Между тем в той или иной мере эта проблема поднималась в мемуарной литературе С.Ю. Витте [7], А.И. Гучковым [8], В.Н. Кокцовым [11], К.А. Кривошеиным [12], С.Е. Крыжановским [13], В.А. Макаковым [14], М.О. Меньшиковым [16], В.П. Обнинским [18], К. Масси [15], Л.А. Тихомировым [26], а впоследствии в исследованиях А.Я. Авреха [1], П.Н. Зырянова [10], В.С. Дякина [9], А.И. Солженицына [23], Б.Г. Федорова [27], А.П. Бородина [5], Д.Б. Струкова [25].

Исходя из впечатлений дореволюционных публицистов, А.Я. Аврех подтвердил тезис о «предрешенной отставке» премьера после министерского кризиса в 1911 году. Однако при ближайшем рассмотрении аргументация автора не выдерживает серьезной критики и свидетельствует только о противоречиях, которые крайне осложняли отношения Столыпина и государя, вынужденного принять условия главы правительства [5: с. 198–204]. На шестом году службы Столыпина на вершине государственной власти Николай II фактически

признавал его превосходство, при состоявшемся между ними объяснении царь утверждал, что замены реформатору нет, и принял все его условия [11: с. 453–456]. Однако В.С. Дякин (не без оснований утверждавший, что в основе противоречий между премьером и правыми лежали сословные соображения и нежелание последних поступаться своим влиянием на правительственный кабинет) утверждает, что положение Столыпина пошатнулось, так как Объединенное дворянство во время кризиса усилило свое давление на него и государя, а поскольку «обещаниям Николая цена была грош», то дни Столыпина, как главы Совмина, были уже сочтены [9]. Между тем П.Н. Зырянов утверждает обратное, не без основания полагая, что в результате министерского кризиса в руках Столыпина оказался Госсовет [10: с. 61]. Заметим, что это мнение, по сути, совпадает с оценкой Председателя Совета объединенного дворянства графа А.А. Бобринского, считавшего, что положение Столыпина, несмотря на все влияние правых, осталось прочным «благодаря поддержке Государя» [3: с. 149–150]. Наконец, атмосферу среди правых и в окружении государя в период кризиса и после него исследовал на основании многих первоисточников А.П. Бородин, который, вопреки распространенному мнению, делает прочно обоснованный вывод, что отставку Столыпина нельзя было считать «предрешенной», что борьба за правительственный курс еще «продолжалась, и вполне определенный ее исход наметился лишь с убийством Столыпина» [5: с. 198–218].

Заметим, что отдельные публицистические и даже художественные произведения, используя исторический материал, становились по серьезности постановки проблемы и глубине ее осмысления вровень с научными изысканиями. Здесь уместно сослаться на книгу А. Солженицина [23], обстоятельно, с опорой на цитаты и оригинальные тексты, исследующего сферу психологических взаимовлияний реформатора и государя. Причем литератор, как опытный исследователь, препарировал самую деликатную тему: положение русского патриота, который в критическое для отечества время вынужден был «думать — не как развернет свои свободные замыслы, а: как сумеет ввести их в русло монаршей воли», потому что «нестесненно насиловать волю монарха в интересах монархии», как это делал Бисмарк, Столыпин не мог [23: с. 100–102]. Что, разумеется, было неимоверно сложнее, чем просто принимать и проводить в жизнь ответственные решения и нужные меры. Заметим, что вышеуказанный труд (ставший «выемкой» из «Красного Колеса») был выпущен в канун канонизации царской семьи, и, видимо, потому автор уклоняется от категоричных выводов и оценок позиции государя. Следующий пример — широко растиражированная книга американского писателя Роберта К. Масси «Николай и Александра» [15: с. 16], исследующая конфликт от самых первых, еле заметных расхождений Николая II с премьером, последующих разногласий (по еврейскому вопросу), до последних споров, вызвавших вторичную просьбу Столыпина об отставке. Причем автор считает, что царь подпал под влияние «придворной камарильи», а также своей жены Александры, ставшей премьеру врагом — из-за его непримиримой позиции в отношении Г. Распутина [15: с. 255].

Подверстывая вышеизложенное, можно сказать, что тема обострившихся к 1911 году расхождений между Столыпиным и Николаем II в целом на протяжении века не подвергалась сомнению подавляющего большинства. Однако последнее время свидетельства крепнущей неприязни к П. Столыпину Николая II, царской семьи и его ближайшего окружения стали толковаться превратно, сглаживаться или изыматься из контекста некоторых исследований. В свете указанной проблемы особого внимания среди современных монографий заслуживают труды Д.Б. Струкова [24–25]. Примечательно, что при обстоятельном обзоре отношений реформатора и Николая II, который может сделать честь самой серьезной работе, автором, как нам представляется, допускаются субъективные выводы в пользу позиции, поступков и оценок царя. Некоторые факты и обстоятельства, изложенные в привлеченных первоисточниках, остались на втором плане, были опущены или затемнены, уступив место благоприятной для репутации государя трактовке минувших событий, действий и психологии персонажей [23: с. 212–238]. Между тем отношение Николая II к Столыпину в кризисный период 1911 года в известной степени было обусловлено настроением и действиями свиты императора и других исторических персоналий, свидетельства которых прочно вошли в научно-исторический оборот. В самом деле, помимо супруги государя среди недоброжелателей упоминаются также князь В.Н. Орлов, убеждавший царя, что «само существование Думы бесчестит самодержавие»; дворцовый комендант генерал Дедюлин; председатель Госсовета М.Г. Акимов; метивший в главы МВД шеф «охранки» генерал Курлов, а также целый ряд влиятельных правых, осаждавших Николая II письмами или входивших с ним в личный контакт [12: с. 108; 22: с. 386]. Особый разговор — о влиянии Г. Распутина, ставшего премьеру личным врагом и в эту пору уже набравшего значительный вес. Редкую возможность передать отношение к Столыпину в семейной среде самодержца предоставляет свидетельство приближенной к императрице А.А. Вырубовой о том, как царь однажды за чаем сказал: «Столыпин был бы рад занять мое место» [2: с. 67]. С другой стороны, влияние на государя пытался оказать бывший глава правительства Витте, всячески провоцирующий нажим на Столыпина в Госсовете. Причем враги образовали против премьера фронду, всеми средствами компрометируя и мешая ему [5: с. 124–144, 165–177, 198–218]. Таким образом, в атмосфере зависти, интриг, инсинуаций Столыпин нуждался в твердой опоре, но постепенно лишался ее. При обзоре этой темы в научной литературе и публицистике указывается как на ключевой (!) на конфликт, связанный с обращением к царю двух сенаторов (П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова), пользующихся его расположением. Достоверность этого факта неоспорима и подтверждается многочисленными документами, но особенно в этом историческом эпизоде характерна развязка, о которой красноречиво свидетельствует в мемуарах М. Бок, передавая рассказ отца о разговоре с Николаем II [4: с. 204–206]. Атмосферу события воспроизводит и министр В.Н. Коковцов, высказавший сомнение в целесообразности жесткого ультиматума его шефа государю, на что Столыпин ему возразил: «Пусть ищут смягчения те, кто дорожит своим положением,

а я нахожу и честнее и достойнее просто отойти совершенно в сторону...» [22: с. 387]. И по прошествии века этот поступок премьера дает основания к размышлениям: был ли это опрометчивый шаг или единственный способ разбить оппозицию; сказались ли здесь раздражение, усталость Столыпина или его бойцовский темперамент, увлекший за опасную грань? Но Ковцову, предлагавшему «путь борьбы без насилия над законом и над самим Государем», Столыпин ответил: «Лучше разрубить узел разом, чем мучиться», затрачивая драгоценное время и силы. Он сознавал, что «Государь не простит (...), если ему придется исполнить мою просьбу (...)», заметив, «что я отлично знаю, что до меня добираются со всех сторон, и я здесь не надолго» [22: с. 388].

Итак, решительный демарш премьера против заговорщиков стал его пирровой победой, окончательно расстроившей отношения с Госсоветом и Думой и стоившей ему потери расположения государя. Характерно, что неблагоприятный для Столыпина исход предрекали тогда представители всех лагерей. Заметим, что вдовствующая императрица Мария Федоровна, признавая, что царь не может расстаться со Столыпиным, понимая свою вину перед ним, придерживалась, однако, такого же мнения: «...Я не вижу ничего хорошего впереди... и я почти уверена, что теперь бедный Столыпин выиграет дело, но очень ненадолго, и мы скоро увидим его не у дел, а это очень жаль и для Государя и для всей России...» [22: с. 388–389].

Примечательно, что оценки вдовствующей императрицы (в их развернутом виде) не только дают ясный прогноз и характеризуют действия «правых», но обнажают также личные качества Николая II, которые зачастую пытаются скрыть и приукрасить, чтобы поддержать реноме государя. Между тем его ревность к авторитету премьера и болезненное самолюбие, наряду с мягкостью и неуместной порою терпимостью сыграли в этом конфликте самую незавидную роль. Видимо, эти свойства натуры и позволили царю встретиться с представителями фронды, сложившейся в Госсовете, но помешали ему быть до конца искренним со Столыпиным, простить обиду и свою слабость, проявленную во время объяснения с ним. Эту драму исторического объяснения между царем и премьером в полной мере воспроизводит сохранившаяся в российских архивах записка безымянного автора. Примечательно, что письмо написано на специальной бумаге с грифом «Председатель совета министров», и это дает основания для версии, что оно было написано с ведома П. Столыпина. Вот ключевые фрагменты в авторской редакции: «...Государь меня принял и я ему сказал, что прошу его меня уволить... Я ему сказал, что *правые* — это же правые, что они реакционеры темные, льстивые и лживые, лживые потому что прибегают к темным приемам борьбы... И я снова напал на них, говорил Г., что они ведут к гибели, что они говорят: “Не надо законодательствовать, а надо только управлять”» (выделено мной. — Г.С.). Убедившись далее в том, что государь продолжает верить правым, Столыпин

вновь решительно заявил ему об уходе, так как понял, что у него нет больше опоры, но «Государь ничего на мои энергичные упреки не ответил, а *только плакал и обнимал меня. — Мне его искренно жаль!*» [22: с. 391]. Выделенное в тексте открывает самую суть политических расхождений, наметившихся к исследуемому периоду между премьером, сознающим необходимость деятельности представительных органов (Госдумы, прежде всего), и окончательно разочаровавшихся в них государем. Видимо, именно по этой причине внешнее примирение между царем и премьером не смогло в полной мере воспрепятствовать дальнейшему охлаждению их отношений.

Обращаясь к теме других политических расхождений, можно предположить, что они могли укрепиться после знакомства царя с подготовленными Столыпиным «Проектами о преобразовании России», предусматривающими решительную модернизацию управления страной, а также с «Проектом в области внешней политики» [22: с. 404–425]. Однако, поскольку речь идет о чудом сохранившихся (и возможно, неполных, неидентичных!) копиях, то возникает правомерный вопрос: а где же оригинал, который даже после смерти Столыпина никак не мог миновать своего адресата, то есть государя? По свидетельству помощника премьера А.В. Зеньковского, после соответствующей редактуры их намечалось осенью в окончательном варианте представить царю. История подготовки, таинственной пропажи, а также неожиданного издания за рубежом этого документа инициирует немало вопросов, которые не разрешены до сих пор. Между тем версия столыпинских проектов, обнародованная спустя полвека после смерти реформатора, содержит подходы и взгляды, которые шли вразрез с позицией императора, а некоторые впрямую затрагивали прерогативы государя. Не определяя главной задачей обстоятельное знакомство с проектами, обратимся к самым спорным позициям, которые вполне могли вызвать трения между Столыпиным и государем, его окружением, а также правыми. Например: «...лица, населяющие Россию, независимо от их национальности и вероисповедания, должны быть совершенно равноправными гражданами России. Недопустимы никакие ограничения...» [22: с. 407]. Примечательно, что в проекте уделено немало внимания состоянию вооруженных сил: «...Военное министерство обязано... добиться того, чтобы наша армия была бы снаряжена всеми боевыми снаряжениями выше, чем все вместе взятые Германия и Австро-Венгрия...» [22: с. 416]. В нем также говорилось о необходимости улучшения состава и недопустимости неадекватного использования Военным министерством финансовых средств, что автоматически делало противниками проектов как самого государя, так и его ближайшее окружение, нервно откликавшихся на всякую критику и умаление прав. Между тем, как утверждает Зеньковский со слов самого Столыпина, многие из основных положений проектов уже были обсуждены и одобрены Николаем II, а потому возникает вопрос об очевидном несоответствии политики государства с вышеуказанными проектами после смерти премьера. Отсюда возникает предположение, что намеченные Столыпиным меры по реформированию управления Россией

и ее внешней политикой не были приняты во внимание Николаем II. А отсутствие их в госархивах наводит на мысль, что они могли быть уничтожены по распоряжению императора или в период революции...

Таким образом, как представляется при осмыслении вышеприведенных источников и аргументов, Столыпин, для которого государственные интересы, соображения и нравственные начала были превыше всего, даже при обострении возникших с царем противоречий не смог пожертвовать принципами и отступить. Напротив, Николай II принес ему свои извинения и ретировался, но укрепил к Столыпину (после его беспримерного нажима) не лучшие чувства. Как считал император — по целому ряду свидетельств, — председатель правительства его затмевал. Драма их отношений переросла в трагедию именно в силу слабости и противоречивости характера Николая II, не сумевшего справиться со страстями и поддавшегося настроениям окружения и антистольпинской фронды, ожидавших отставки премьера, который имел смелость идти до конца. Заметим, что последующие события: прекращение (по распоряжению императора) следствия по делу виновных в смерти премьера; компрометирующее государя возвышение Г. Распутина; растущее раздражение общества; «министерская чехарда» и вступление (вопреки заветам Столыпина) неокрепшей России в Первую мировую войну) стали прологами революции и Гражданской войны. Это в очередной раз подтверждает, что последний российский монарх оказался не способным верно оценить масштаб и потенциал реформатора, появление которого на исторической сцене было адекватным ответом России на исторический вызов. Монархия, целесообразность восстановления которой в той или иной форме обсуждается ныне, не может служить образцом и гарантом благополучия государственного устройства, а пресловутый «человеческий фактор» остается довлеющим, независимо от строя страны. Позволим себе сделать решающий вывод о том, что основное условие совершенствования России — не смена государственного устройства, которое, как правило, приводит общество к огромным потерям, а концентрация во власти самых достойных государственных деятелей, для которых благо страны выше политических амбиций, клановых выгод и желания зарезервировать себе побольше жизненных благ. А потому глубокое символическое значение обретают ныне последние публичные слова реформатора П.А. Столыпина: «Для лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности. Ответственность — величайшее счастье моей жизни» [19: с. 51].

Литература

1. *Аврех А.Я.* Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.
2. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 58–76.
3. *Бобринский А.А.* // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 149–150.
4. *Бок М.П.* Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М.: Современник, 1992. 316 с.
5. *Бородин А.П.* Столыпин. Реформы во имя России. М.: Вече, 2004. 384 с.
6. *Века А.В.* История России. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 662 с.

7. *Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3 т. Т. II. Таллин; М.: Скиф Алекс, 1994. 576 с.
8. *Гучков А.И.* // Петр Столыпин: сб. / Сост. Г.И. Лыццов. М.: Новатор, 1997. С. 202–203.
9. *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, 1978. 248 с.
10. *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин: политический портрет. М.: Высшая школа, 1992. 160 с.
11. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М.: Наука, 1992. 446 с.
12. *Кривошеин К.А.* А.В. Кривошеин. Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. 352 с.
13. *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 194–201.
14. *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума (воспоминания современника). Лондон, 1991. 260 с.
15. *Масси Р.К.* Николай и Александра. М.: Пресс–Соло, 1996. 608 с.
16. *Меньшиков О.М.* // Петр Столыпин: сб. / Сост. Г.И. Лыццов. М.: Новатор, 1997. С. 210–219.
17. *Мунчаев Щ.М., Устинов В.М.* История России. М.: Норма, 2001. 592 с.
18. *Обнинский В.П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М.: Республика, 1992. 288 с.
19. Последний витязь. Памяти П.А. Столыпина: Цитаты. Саратов: Соотечественник, 1997. 116 с.
20. *Пушкарский Н.Ю.* Всероссийский император Николай II. Саратов: Соотечественник, 1993. 320 с.
21. *Сергеев Е.Ю.* Военная разведка России в борьбе с Японией (1904–1905 гг.) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 78–92.
22. *Сидорович Г.П.* П.А. Столыпин. Жизнь за отечество: Жизнеописание (1862–1911). Саратов: Культурный центр им. П.А. Столыпина, 2002. 640 с.
23. *Солженицын А.И.* Столыпин и царь. Екатеринбург: У-Фактория, 2001. 448 с.
24. *Струков Д.Б.* Столыпин. М.: Вече, 2012. 544 с.
25. *Струков Д.Б.* Столыпин. На пути к великой России. М.: Вече, 2012. 320 с.
26. *Тихомиров Л.* Из дневника // Красный архив. 1935. № 6. С. 186–187; 1936. № 1. С. 171.
27. *Федоров Б.Г.* П.А. Столыпин. М.: Росспэн, 2002. 696 с.

References

1. *Avrex A.Ya.* Stoly'pin i sud'by' reform v Rossii. M.: Politizdat, 1991. 286 s.
2. *Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh.* Nikolaj II // Voprosy' istorii. 1993. № 2. S. 58–76.
3. *Bobrinskij A.A.* // Krasny'j arxiv. 1928. № 1 (26). S. 149–150.
4. *Bok M.P.* Vospominaniya o moem otce P.A. Stoly'pine. M.: Sovremennik, 1992. 316 s.
5. *Borodin A.P.* Stoly'pin. Reformy' vo imya Rossii. M.: Veche, 2004. 384 s.
6. *Veka A.V.* Istoriya Rossii. M.: AST; Minsk: Xarvest, 2005. 662 s.
7. *Vitte S.Yu.* Vospominaniya: v 3 t. T. II. Tallin; M.: Skif Aleks, 1994. 576 s.
8. *Guchkov A.I.* // Petr Stolypin: sb. / Sost. G.I. Ly'sczov. M.: Novator, 1997. S. 202–203.

9. *Dyakin V.S.* Samoderzhavie, burzhuaziya i dvoryanstvo v 1907–1911 gg. L.: Nauka, 1978. 248 s.
10. *Zyryanov P.N.* Petr Stoly'pin: politicheskij portret. M.: Vy'sshaya shkola, 1992. 160 s.
11. *Kokovczov V.N.* Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919 gg. Kn. 1. M.: Nauka, 1992. 446 s.
12. *Krivoshein K.A. A.V.* Krivoshein. Ego znachenie v istorii Rossii nachala XX veka. Parizh, 1973. 352 s.
13. *Kry'zhanovskij S.E.* Zametki russkogo konservatora // Voprosy' istorii. 1997. № 4. S. 194–201.
14. *Maklakov V.A.* Vtoraya Gosudarstvennaya дума (vospominaniya sovremennika). London, 1991. 260 s.
15. *Massi R.K.* Nikolaj i Aleksandra. M.: Press–Solo, 1996. 608 s.
16. *Men'shikov O.M.* // Petr Stoly'pin: sb. / Sost. G.I. Ly'sczov. M.: Novator, 1997. S. 210–219.
17. *Munchaev Shh.M., Ustinov V.M.* Istoriya Rossii. M.: Norma, 2001. 592 s.
18. *Obninskij V.P.* Poslednij samoderzhec. Oчерk zhizni i czarstvovaniya imperatora Rossii Nikolaya II. M.: Respublika, 1992. 288 s.
19. Poslednij vityaz'. Pamyati P.A. Stoly'pina: Citaty'. Saratov: Sootchestvennik, 1997. 116 s.
20. *Pushkarskij N.Yu.* Vserossijskij imperator Nikolaj II. Saratov: Sootchestvennik, 1993. 320 s.
21. *Sergeev E.Yu.* Voennaya razvedka Rossii v bor'be s Yaponiej (1904–1905 gg.) // Otechestvennaya istoriya. 2004. № 3. С. 78–92.
22. *Cidorovnin G.P. P.A.* Stoly'pin. Zhizn' za otechestvo: Zhizneopisanie (1862–1911). Saratov: Kul'turny'j centr im. P.A. Stoly'pina, 2002. 640 s.
23. *Solzheniczy'n A.I.* Stoly'pin i czar'. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2001. 448 s.
24. *Strukov D.B.* Stoly'pin. M.: Veche, 2012. 544 c.
25. *Strukov D.B.* Stoly'pin. Na puti k velikoj Rossii. M.: Veche, 2012. 320 c.
26. *Tixomirov L.* Iz dnevnika // Krasny'j arxiv. 1935. № 6. S. 186–187; 1936. № 1. S. 171.
27. *Fedorov B.G. P.A.* Stoly'pin. M.: Rosspe'n, 2002. 696 s.

G.P. Sidorovnin

Conflict of P.A. Stolypin with the Emperor — Prolegomena to the fall of the monarchy

In the search of an optimal arrangement and development of the political system of Russia our contemporaries — statesmen and public figures, scientists often refer to the experience of the past. In this connection, it seems appropriate to study the activity of the Chairman of the government of pre-revolutionary Russia P.A. Stolypin and practice of his Cabinet, who tried to modernize the monarchy by cooperation with the people's representation. In the proposed article special attention is paid to political controversies arising between the main persons in Russia as well as to the consequences of Stolypin's disgrace and death, which became the prolegomena to the "curtailment" of reforms and Russia's entry into the First World War.

Keywords: Stolypin's reforms; the conflict between Stolypin and Nicholas II; ministerial crisis of 1911.

А.И. Юрьев

Подготовка и проведение Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов (4–28 мая 1917 года)

В статье рассматривается вопрос о подготовке и проведении Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов, состоявшегося в Петрограде в мае 1917 года.

Ключевые слова: эсеры; большевики; Советы крестьянских депутатов; Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

Подлинной опорой эсеров на протяжении всего периода от Февральской до Октябрьской революций и позже являлись Советы крестьянских депутатов. Они были огромной силой, так как выступали от имени более чем 80 % населения тогдашней России.

В марте и апреле 1917 года в губерниях прошли крестьянские съезды. Главные обсуждавшиеся на них вопросы: отношение к новому строю, к войне и о земле. По всем пунктам, как правило, принимались эсеровские резолюции. Сочувственно и с пониманием встретило крестьянство идею Совета крестьянских депутатов, как беспартийной организации, выражающей волю деревни.

6 апреля 1917 года в Москве состоялось совещание представителей Советов крестьянских депутатов Московской области. В совещании участвовали представители от Московской, Костромской, Ярославской, Нижегородской, Тверской, Тульской и Калужской губерний.

Из сообщений с мест выяснилось, что наиболее правильная и полная организация крестьянства проведена в Московской, Ярославской, Нижегородской и Костромской губерниях, где уже были созданы губернские Советы крестьянских депутатов. Совещание отмечало, что на проходивших губернских крестьянских съездах выносились постановления о передаче всей земли в общенародное достояние для предоставления ее трудовому народу, причем коренное разрешение земельного вопроса виделось через Учредительное собрание и ряд практических мероприятий по упорядочению земельных отношений между крестьянами и помещиками. На совещании констатировалось, что Советы крестьянских депутатов оказывают содействие в устройстве гражданского управления, принимают участие в работе комитетов общественных организаций, в продовольственных комиссиях и «вносят успокоение в несознательные слои крестьянской массы». Подчеркивалось, что Советы

крестьянских депутатов приступили также к просветительской политической работе, при губернских Советах создаются издательства народной литературы и крестьянских газет.

Подробно обсуждался на совещании вопрос об организации Всероссийского Совета крестьянских депутатов в Петрограде. Было решено безотлагательно образовать в Петрограде его организационное бюро. Предполагалось, что для этой цели все организованные губернские Советы крестьянских депутатов должны немедленно командировать в столицу не менее двух своих представителей. Совещание сделало важный вывод о том, что из политических партий «наиболее сильное влияние в Советах крестьянских депутатов принадлежит партии социалистов-революционеров» (Земля и Воля. М., 1917. 8 апреля).

12 апреля в Петрограде начались заседания представителей крестьянских организаций 27-ми губерний страны, армии и Всероссийского крестьянского Союза, существовавшего еще с 1905 года, по вопросу о созыве Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Они проходили по инициативе Московского областного совещания представителей Совета крестьянских депутатов центральных губерний России и именовались съездом (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 27).

Участники от центральных губерний играли на съезде активную роль. Так, товарищами председателя стали представители Костромской и Московской губерний, в руководство комиссий съезда вошли представители от Московской, Нижегородской и Смоленской губерний (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 28).

«Горячую речь» перед участниками съезда произнес представитель Партии социалистов-революционеров Бунаков, призвавший к единению в работе «в взбаламученном море», которое представляет собой Россия (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 30).

Съезд принял резолюцию, в которой признавал, что в интересах русского крестьянства и всей русской демократии необходима скорейшая организация крестьянства «снизу доверху», поэтому созыв Всероссийского Совета крестьянских депутатов является «делом неотложным». Съездом были выработаны основные положения о выборах как в местные, так и во Всероссийский Совет крестьянских депутатов, назначен на начало мая созыв этого Всероссийского Совета (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 31).

Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов состоялся 4–28 мая 1917 года в Петрограде. Его главными организаторами были эсеры, под влиянием которых проходили выборы делегатов на местах. Эсеры имели на съезде значительное большинство среди 1115 делегатов от губернских крестьянских съездов и армейских крестьянских организаций. Президиум съезда почти целиком состоял из эсеров, народных социалистов и трудовиков. Таков же был и состав комиссий. Представителей социал-демократии, в том числе большевиков, было мало.

С приветствием к съезду обратился его почетный председатель, лидер эсеров Чернов, «встреченный бурными рукоплесканиями». После него выступал Керенский, которого подхватили на руки, пронесли через весь зал под аплодисменты съезда (Земля и Воля. М., 1917. 7 мая).

На съезде разгорелась острая борьба за влияние между эсерами и большевиками. Работой большевистской фракции руководил непосредственно Ленин. Он обратился к делегатам с открытым письмом, написал проект резолюции съезда, выступил с большой речью. В частности, большевики предложили объявить землю всенародной собственностью и немедленно приступить к бесплатной передаче помещичьих земель крестьянам, не дожидаясь созыва Учредительного собрания.

Крестьянская газета Партии социалистов-революционеров «Земля и воля» обвинила большевиков в том, что они заставляли съезд «сойти с пути планомерной и организованной борьбы за землю. С пути выявления народной воли через Учредительное собрание — на путь самовольных захватов земли явочным порядком». При этом открытое письмо Ленина съезду трактовалось как «прямой, откровенный призыв к анархии, к бунту против революции», как «призыв к борьбе с революцией, к разрушению всего того, что с таким трудом создается организованной трудовой Россией» (Земля и воля. М., 1917. 10 мая).

По всем основным пунктам повестки съезда были приняты эсеровские резолюции, в том числе была одобрена политика Временного правительства. Съезд высказался за продолжение войны и за наступление на фронте, согласился с доводами эсеров отложить решение земельного вопроса до Учредительного собрания. Избранный съездом Исполнительный комитет крестьянских Советов также был по своему составу эсеровским.

При этом следует отметить, что Советы крестьянских депутатов во всех губернских городах были эсеровскими. Эсеры имели подавляющее влияние в уездных и волостных крестьянских Советах, а также в земельных комитетах, которые создавались на местах для осуществления земельной реформы.

A.I. Yuriev

Preparation and Conduct of the First All-Russian Congress of Peasants' Deputies (4–28 May 1917)

The article considers the question of preparation and conduct of the First all-Russian Congress of peasants' deputies, held in Petrograd in May 1917.

Keywords: Social Revolutionaries; Bolsheviks; Soviets of Peasants' Deputies; the First all-Russian Congress of peasants' deputies.

Д.З. Хайретдинов

Духовно-образовательные традиции нижегородских татар

Статья посвящена малоизвестным страницам истории, касающимся религиозно-богословского и гуманитарного просветительства в среде нижегородских татар — особого субэтнуса татарской нации, расселившегося в Российской империи далеко за пределами своей исторической родины. Исследование призвано собрать воедино факты, свидетельствующие о богатых культурных традициях, существовавших у данной группы татар в дореволюционную эпоху.

Ключевые слова: татары; нижгары; суфизм; Нижегородчина; просветительство.

Нижгородские татары-мишари (нижгары) — субэтническое подразделение татарской нации, отличающееся от других татарских субэтносов и этнографических групп особым цокающим говором, менталитетом, брачной эндогамией, историей происхождения и развития. Начиная с XVII века нижегородские татары имели все признаки этноконфессиональной группы, и их этническое развитие происходило под сильнейшим давлением идеологии религиозного обособления от окружающей среды. Сказанное в первую очередь относится к нижгарам, проживавшим на землях своей исторической родины — Нижегородской и северной части Симбирской губерний, а также в рамках землячеств в крупных российских городах. Исторически сложившееся ядро этой группы не приобрело четко выраженного этнического самосознания, которое было замещено конфессионимом «моселман» («мусульмане»); понятие «татарского языка» сменилось равноценным, как казалось долгие десятилетия вплоть до конца XX века, понятием «мусульманского языка»; и вся этническая культура сложилась как вторичная по отношению к культуре религиозной.

Приведем свидетельства Т.Г. Масленицкого конца XVIII века, который лично посещал татар Симбирской губернии. Ныне татарские села северо-запада Симбирской губернии относятся к Нижегородской области, и в этнологическом плане их население представляет собой значимую и неотъемлемую часть нижгар. В качестве доказательства, что Масленицкий побывал именно у этой группы татар, процитируем один абзац из его работы: «...бывают у них с половины мая месяца до окончания июня увеселительные собрания, называемые *Цзийны*» [1: с. 405]. Таким образом, перед нами — не просто татары-мишари, практикующие праздник «джиен» в отличие от казанских татар, но именно цокающие мишари, назвавшие перед автором свой праздник с характерным выговором.

Итак, автор XVIII столетия пишет о быте татар-мишарей: «Алкоран приучает их наблюдать чистоту, которая кажется и непомерна. Они должны ежедневно несколько крат мыться... Обыкновенно едят они в день 4 раза, причем сидят на полах около яств на цыпках же. Как пред едою, так и после оной моются и молятся... Во всяком году постятся они двести пять дней, в которые не столько разбирают пищу, сколько вообще от ядения и пития воздерживаются до самого заката солнца... От молитвы никто нарочно не отгуливается. Если же что-нибудь в том кому воспрепятствует, то он молится уединенно в доме или в поле. [Во время молитвы] сидят они больше на цыпках, а иногда встают и кланяются низко. И долго в сем положении пребывают, да и сверх того приклоняют лицо свое несколько крат и к самой земле» [1: с. 398, 404–405, 408–409].

Мы намеренно не стали цитировать отрывки, касающиеся исламских праздников и основных моментов жизненного цикла у татар, которые и без того прекрасно изучены. Наше внимание приковано лишь к тем сюжетам, которые подчеркивают особую, можно сказать — запредельную религиозность именно этой субэтнической группы татар. Они читают обязательные молитвы «долго», затем молятся «сверх того», при этом активно практикуют и индивидуальные молитвы; постятся две трети дней в году — то есть явно и многократно превышая установленный шариатом срок обязательного поста в 30 дней. Принятие пищи, многократное омовение, проведение праздника — все освящено религиозной традицией, ни один элемент быта не обходится без постоянного произнесения молитв. Таким образом, мы воочию видим элементы такого симбиоза этничности и конфессионализма, которые в итоге привели субэтнос нижегородских татар к особой форме ментальности, когда всё и вся пронизаны религиозными сюжетами.

Неудивительно, что со времен раннего Средневековья идеи ишанизма (форма суфизма у татар) заняли в среде нижгар господствующие позиции. Их носителями выступали абызы и ишаны, затем имамы из числа династий, возводящих свой род к «святым людям». В целом ишанизм сохранялся у нижгар вплоть до Новейшего времени.

По народным поверьям, ишан, или в татарском варианте — «авлия» (святой, праведник), мог снять порчу от сглаза, заговаривать зубную и головную боли, по тайным знамениям предсказывать какие-то события и т. д. «Освятить» новый дом, прочитать молитву перед жертвоприношением мелкого и крупного рогатого скота, дать имя новорожденному, благословить начало любого крупного мероприятия, прочитать молитву на кладбище за упокой души, наконец, провести меджлис и почитать Коран — все это входило в функции ишана.

Суфизм явился тем компонентом, насквозь пронизывающим образ жизни человека, даже не считающего себя истово верующим, который способствовал сохранению религиозности среди большей части татарского населения. Так, традиция почитания суфийских шейхов в наши дни, когда самих ишанов в татарской среде давно уже не осталось, привела к расцвету культа зиярата — паломничества

к их могилам, домам и т. п. Одним из таких мест является небольшое по размерам «кладбище святых» около села Старо-Мочалей Нижегородской области. По местной легенде, здесь захоронены некие шахиды, борцы за веру, признанные святыми [2: с. 154]. До сих пор практикуемое посещение этого места, как считается, укрепляет веру и здоровье человека, дает ему благодать и помогает в трудных ситуациях. Посещается кладбище святых не только татарами со всех окрестных сел, но и верующими русскими из близлежащих мест.

Еще более крупным зияратом на Нижегородчине является дом абыза Садека Абдулжалилова в соседнем селе Овечий Овраг. Шейх братства накшбандийа, богослов, философ, основатель и преподаватель медресе в селе Овечий Овраг, Садек Абдулжалилов-Биккинин (1835–1886) являлся одним из самых известных шейхов Нижегородчины XIX века, слава о котором чрезвычайно широко распространена среди различных групп нижегородских татар вплоть до сего дня [3].

О целом ряде имамов и ишанов сообщается, что они занимались целительством, то есть практиковали исцеление травами и прочими народными средствами, «отчитывали» больных с применением определенных методик и т. п. К суфийским методам исцеления от болезней или недомогания относится, например, способ «выпитого Слова». Для этого желтые иссушенные цветы шафрана измельчают в порошок, заливают небольшим количеством воды и заговаривают полученный настой. Затем на поверхности плоской белой посуды с помощью любого неметаллического острого предмета пишут молитву, используя настой шафрана вместо чернил. Затем в эту посуду наливают несколько капель воды, и надпись смывается, окрашивая воду в желтоватый цвет; буквы молитвы растворяются в воде, которую затем выпивает больной [4].

Но вся эта сфера деятельности является как бы параллельной по отношению к медицине и не в состоянии полностью заместить ее; есть и другое видение тематики. Наиболее подробное ее описание сохранилось в записках академика И.И. Лепехина от 1768 года, когда он побывал в гостях у абыза села Красный Остров (ныне юго-восток Нижегородчины). Среди лекарственных средств, употреблявшихся имамом, мы видим бобровую струю (ныне рассматривается как антистрессовый препарат), киноварь (сульфид ртути, антибиотик), мышьяк, водку, корень сарсапариллы — тропического растения, широко использующегося как противовоспалительное и кровоочистительное средство и т. д. Эти препараты «татары покупают у лекарей дорогою ценою, но могут доставать за посредственную цену чрез друга на Макарьевской ярмарке» [5: с. 102–103].

В отличие от более ранних суфиев нижгарские ишаны Нового времени в основном приветствовали методологические и концептуальные реформы в исламе, проходившие у татар в рамках движения джадидизма. Так, ишан из села Петряксы Хамидулла Альмушев с пониманием воспринял обновленческие методы молодого имама Вафы Сабирова (1885–1966), только окончившего казанское медресе «Мухаммадия», который преподавал в местном

медресе по новому, джадидскому методу. Более того, он оказал ему важную моральную и материальную поддержку, в том числе выдав за него свою дочь [6].

Сам Хамидулла Альмушев (1855–1929) — богослов и просветитель, глубокий знаток исламской культуры, имам-хатыб 4-й мечети села Петряксы, основатель и преподаватель местного медресе, известного как «медресе Хамидуллы», в свою очередь, являлся зятем ишана Садретдина Аллямова (1846–1930) [7]. Альмушев прославился как просветитель, автор книги «Хадж-наме», в которой описано его путешествие и паломничество в Мекку и Медину. Из его записей мы узнаем, что, оказывается, у российских татар в Аравии в конце XIX века были свои вакфы (неотчуждаемое недвижимое имущество религиозного назначения) [8]. Авторитет, которым пользовался этот богослов, был столь велик, что консулы Турции и Франции в Феодосии пришли на вокзал со своими семьями проводить Х. Альмушева во время его возвращения домой.

Аналогично по отношению к джадидизму, и даже в еще более значительной степени, развивалась ситуация в соседнем селе Сафаджай. Здесь сам имам Мухсин (Мухиссунят) Хабибуллин (1871–1937) в 1907 году открыл новометодное медресе. Классы были оборудованы партами (в отличие от тех медресе, которые работали на основе бухарской методологии, где ученики сидели на коврах), досками, глобусами, микроскопами и другими учебными принадлежностями. Не случайно, что после революции 1917 года именно это медресе стало основой для создания Татарского педагогического училища [9].

На мировоззрение ишанов Нового времени повлиял выдающийся уроженец этого села, ученый с широчайшим спектром знаний, предтеча джадидизма Хусаин Фаизханов (1823–1866). Это следует из того факта, что отец М. Хабибуллина, ишан Хабибулла Альмухаммятов сам учился у Х. Фаизханова и использовал в процессе преподавания (в здании мечети) зачатки джадидского метода образования [10].

Фаизханов был предшественником новометодного образования (усуль джадид), во главе угла которого стоял звуковой метод обучения. Он первым из татарских просветителей, убедившись в преимуществе европейской системы обучения, пришел к мысли о необходимости перенесения европейских методов образования на татарскую почву. Зимой 1862–1863 года он написал специальную работу «Ислах аль-мадарис», которой подготовил почву для джадидского медресе [11].

В общем и целом влияние Х. Фаизханова на развитие татарской нации (да и всей мусульманской уммы России), с одной стороны, и на российскую востоковедческую школу — с другой, было огромным, хотя до сих пор и не оцененным. И если имена таких великих деятелей, как Ш. Марджани, И. Гаспринский, Г. Баруди, у всех на слуху, то имя Х. Фаизханова несравненно меньше известно не только общественности, но и многим ученым.

Как считали в начале XX века Р. Фахретдин и Г. Губайдуллин, Фаизханов оказал влияние на становление Маржани как историка и идеи этих двух ученых

«в необычайной степени похожи». Оставшиеся в свое время не опубликованными труды Фаизханова «История Казани» и «Касимовское ханство» «дошли до татарского народа, можно сказать, в полном виде, посредством» книги Ш. Марджани «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» [12: с. 9, 10, 15].

Интересны и отношения Фаизханова с академиком В.В. Вельяминовым-Зерновым в части написания трудов по Крымскому и Касимовскому ханствам. Вельяминов использовал данные, которые собрал Фаизханов в Касимове в 1860 году, как отправную точку для написания 3-го тома своего «Исследования о касимовских царях и царевичах», вышедшего в год смерти Фаизханова, в 1866 году. О том, что Вельяминов полностью доверял данным Фаизханова, известно из анализа их совместного труда «Материалы для истории Крымского ханства» (СПб., 1864), когда академик не считал нужным даже сличать рукописи Фаизханова с оригиналами из архива российского МИДа.

В целом книжная ученость нижгар, по сути, остается все еще не изученной исследователями. Об этом свидетельствуют, к примеру, «Сафаджайские тетради» — единственный из сохранившихся и известных нам нарративный письменный источник по истории татарских сел Нижегородчины, до сих пор не опубликованный. В недалеком прошлом таких источников было много больше. Вот что пишет об этом факте Т.Г. Масленицкий: «И всякая почти [татарская] деревня [Симбирской губернии] знает свои происхождения, а иногда имеет оные и на письме» [1: с. 394]. Возможно, что подобные оригинальные источники дожили до конца XX века: только в 1988 году ученые из Казани обнаружили здесь около 100 источников XIV–XVIII веков, написанных на татарском, арабском, персидском, тюркском и китайском языках! [13: с. 29]

Одним из крупнейших духовных центров, занимавшихся распространением богословской литературы путем переписывания книг, было медресе в нижегородском селе Антяровка. Так, здесь в 1816 году была переписана книга «Джумджула султан» Хусам Катиба XIV века, которая затем активно распространялась по всему региону. Она была довольно популярна у нижегородских татар: несколько ее экземпляров были приобретены для библиотеки Казанского госуниверситета в селе Большое Рыбушкино в 1980-х годах — у Нурии Закировой, Ахмята Ибрагимова и др. [14].

Когда рукописная деятельность в процессе тиражирования исламской богословской литературы в России стала уступать место книгопечатанию, нижгары также активно включились в эти процессы. Об этом свидетельствует такой факт: первая публикация сверхпопулярной среди татар книги Тажетдина бин Ялчыгула (1768–1838) «Рисаля-и Газиза» была осуществлена на пожертвования жителя нижегородского села Пара (Аткуво) по имени Ризван Малай. Эта информация приведена в самом издании, выпущенном в Санкт-Петербурге в 1847 году [15].

Хотя по отдельным работам наших современников казалось, что больше генеалогического древа в XVIII столетии нижгары ничего написать не могли,

представители этого субэтноса являлись и сочинителями богословских трудов. Имам и мударрис села Чуалкиб в Башкирии Нариман Сулейманов был одним из тех нижгарских переселенцев, чьи предки покинули родину. В медресе, названном его именем, было переписано несколько книг, одну из которых — «Мугин аль-хаккям» написал лично Нариман-хазрат. По-видимому, это произошло в конце XVIII века [16: с. 283].

К сожалению, большинство этих трудов не сохранилось, поэтому об этой затерянной странице истории нижегородских татар все еще практически ничего не известно. Нет никакой информации и об используемых ими тамгах, рудименте доисламской рунической письменности, хотя Масленицкий прямо указывает на их существование еще и в XVIII веке [1: с. 407].

Имаму Криушинской мечети Астрахани на рубеже XIX–XX веков Жиганше Абдулжаббарову (1881–1937) принадлежит труд «Тарих-и Астрахан» («История Астрахани»), изданный в Астрахани в 1907 году [17: с. 5; 18: с. 53]. Он являлся выходцем из нижегородского села Шубино, примерно в 1910 году переехал из Астрахани в Киев, заняв здесь место имама «магометанской молельни» [19: с. 46]. Проживая в Киеве, он состоял в переписке с другим именитым выходцем из села Шубино — Ахметзяном Мустафиным (1902–1986), который являлся имамом Московской Соборной мечети в период 1956–1986 годов. Абдулжаббаров в Киеве же стал хафизом — знатоком Корана наизусть. Впоследствии имам был репрессирован и скончался в Архангельской области. Его трактат по истории Астрахани, где автор критикует идеи европейского интеллектуального превосходства и защищает исламские интеллектуальные традиции [20: с. 195], сохранился в единичных экземплярах и нуждается в переиздании.

Своего исследователя ждут труды Мухиссуньята Хабибуллина из села Сафаджай. Нет информации и о письменных трудах имамов начала XX века из соседнего села Петряксы, хотя известно, что Абдулла Бедретдин Петряксы печатался в более позднее время в журнале «Ислам» [21].

Помимо богословских и гуманитарных дисциплин, интерес у просвещенных людей из числа нижегородских татар вызывала и экономическая сфера. Наиболее яркой фигурой в этой сфере был еще один представитель семьи Фаизхановых, младший брат Хусаина — экономист и просветитель Абдалаллям Фаизханов (1850–1910). Одним из его выдающихся трудов является «Мухаррик аль-афкар», опубликованный в Казани в 1893 году. Здесь он развивает идеи труда Х. Фаизханова «Ислах аль-мадарис» и резко критикует постановку преподавания в современных ему медресе, ректоры и преподаватели которых никем не контролировались и зачастую не имели педагогических способностей. А. Фаизханов считал, что неквалифицированных мударрисов должно сменить молодое, более образованное поколение преподавателей [22].

В Новое время фактически складывались династии имамов-мударрисов, поскольку многие преподаватели в сельских школах татарских аулов Нижегородчины были родом из семей сельских имамов. Среди их основателей можно назвать Абубекяра Сейфуллина (село Ендовище), Ильяса Камилова (село

Тукай), Хаμίта Бигилдина (село Ключищи), Хабибуллу Альмухамматова (село Сафаджай) и др. [23: с. 7]. Некоторые из нижегородских имамов получали образование в казанских и уфимских учебных заведениях, часть училась на Нижегородчине. Были среди них и выпускники исламских образовательных учреждений Бухары и Стамбула. Из династий мударрисов вышли в XX веке светские учителя, проявившие способность продолжить процесс обучения в изменившихся условиях жизни мусульманских общин уже в советское время.

Литература

1. *Масленицкий Т.Г.* Топографическое описание Симбирского наместничества. Ч. 1. Б.м., 1785. 526 с.
2. Милли-мэдэни мирасыбыз: Тубэн Новгород (Национально-культурное наследие: Нижний Новгород). Казань; Н. Новгород, М.: ИД «Медина», 2011. 400 с.
3. *Сенюткина О.Н., Мухетдинов Д.В.* Абдулжалилов Садек // Ислам на Нижегородчине: энц. словарь / Сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. С. 6.
4. *Хайретдинов Д.З.* Возрождение культурных ценностей ислама в национальном движении и повседневном поведении татар // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 255–256.
5. *Лепехин И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства (1768–1769 гг.). Ч. 1. СПб., 1795. 550 с.
6. *Сабиров С.В.* Сабиров Вафа // Ислам на Нижегородчине: энц. словарь. С. 149.
7. *Алимова Й., Сенюткина О.Н., Мухетдинов Д.В.* Альмушев Хамидулла // Ислам на Нижегородчине: энц. словарь. С. 18–19.
8. *Альмушев Х.* Хадж-наме // Хадж российских мусульман. № 1. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. С. 61.
9. *Мухетдинов Д.В., Сенюткина О.Н.* Хабибуллин Мухсин; Хабибуллины // Ислам на Нижегородчине: энц. словарь. С. 184–185.
10. *Мухетдинов Д.В., Сенюткина О.Н.* Альмухамматов Хабибулла // Ислам на Нижегородчине. Энц. словарь. С. 18.
11. *Юзеев А.Н., Мухетдинов Д.В.* Фаизханов Хусаин // Ислам на Нижегородчине: энц. словарь. С. 178–179.
12. Хосээн Фэзханов: тарихи-документаль жыентык (Хусаин Фаизханов: историко-документальный сборник) / Отв. ред. Р. Марданов. Казань: Жыен, 2006. 704 с.
13. *Хафизов М.З.* Нижегородские татары: Очерки истории. Н. Новгород: ГИПП «Нижеполиграф», 1997. 224 с.
14. *Исламов Р.* Списки некоторых тюркских литературных памятников средневековья из древнехранилищ г. Казани // Гасырлар авазы (Эхо веков). Казань, 2003. № 1/2. С. 311–314.
15. *Гарифуллин Д.* Чырагы нур сибэ буген дэ (Таджетдин Ялчыголнын тууына 240 ел) (К 240-летию со дня рождения Т. Ялчыгула) // Гасырлар авазы (Эхо веков). Казань, 2008. № 2. С. 200–208.
16. *Фэхреддин Р.* Асар. Т. 1. Казань: Рухият, 2006. 360 с.
17. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2006. 303 с.
18. *Сызранов А.В.* Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань: ИД «Астраханский ун-т», 2007. 181 с.

19. Риндюк Н., Риндюк И. Из жизни мусульман Киева (середина XIX в. – 1917 г.) // Украина и исламский мир. Киев, 2011. № 5. Август. С. 46.
20. Франк Аллен. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / Пер. И. Хайбутдиновой. Казань: РИУ, 2008. 266 с.
21. Петрякси Абдулла. Свобода и ислам // Ислам. Уфа, 1926. № 5 (17). Сентябрь.
22. Хабутдинов А.Ю. Фаизханов Габделгаллям // Ислам на Нижегородчине: энциклопедический словарь. С. 177–178.
23. Ислам на Нижегородчине // Ежегодник. № 3. Н. Новгород: ИД «Медина», 2004. 16 с.

References

1. Maslenczkij T.G. Topograficheskoe opisanie Simbirskogo namestnichestva. Ch. 1. B.m., 1785. 526 s.
2. Milli-me'de'ni mirasy'by'z: Tube'n Novgorod (Nacional'no-kul'turnoe nasledie: Nizhnij Novgorod). Kazan'; N. Novgorod, M.: ID «Medina», 2011. 400 s.
3. Senyutkina O.N., Muxetdinov D.V. Abdulzhalilov Sadek // Islam na Nizhegorodchine: e'nc. slovar' / Sost. i otv. red. D.V. Muxetdinov. N. Novgorod: ID «Medina», 2007. S. 6.
4. Xajretdinov D.Z. Vozrozhdenie kul'turny'x cennostej islama v nacional'nom dvizhenii i povsednevnom povedenii tatar // Suverenitet i e'tnicheskoe samosoznanie: ideologiya i praktika. M.: IE'A RAN, 1995. S. 255–256.
5. Lepexin I. Dnevny'e zapiski puteshestviya po razny'm provinciyam Rossijskogo gosudarstva (1768–1769 gg.). Ch. 1. SPb., 1795. 550 s.
6. Sabirov S.V. Sabirov Vafa // Islam na Nizhegorodchine: e'nc. slovar'. S. 149.
7. Alimova J., Senyutkina O.N., Muxetdinov D.V. Al'mushev Xamidulla // Islam na Nizhegorodchine: e'nc. slovar'. S. 18–19.
8. Al'mushev X. Xadzh-name // Xadzh rossijskix musul'man. № 1. N. Novgorod: ID «Medina», 2008. S. 61.
9. Muxetdinov D.V., Senyutkina O.N. Xabibullin Muxsin; Xabibulliny' // Islam na Nizhegorodchine: e'nc. slovar'. S. 184–185.
10. Muxetdinov D.V., Senyutkina O.N. Al'muxammyatov Xabibulla // Islam na Nizhegorodchine. E'nc. slovar'. S. 18.
11. Yuzeev A.N., Muxetdinov D.V. Faizханov Xusain // Islam na Nizhegorodchine: e'nc. slovar'. S. 178–179.
12. Xose'en Fe'ezханov: tarixi-dokumental' zhyenty'k (Xusain Faizханov: istoriko-dokumental'ny'j sbornik) / Otв. red. R. Mardanov. Kazan': Zhy'en, 2006. 704 s.
13. Xafizov M.Z. Nizhegorodskie tatory': Oчерki istorii. N. Novgorod: GIPP «Nizh-poligraf», 1997. 224 s.
14. Islamov R. Spiski nekotory'x tyurkskix literaturny'x pamyatnikov srednevekov'ya iz drevnexranilishh g. Kazani // Gasy'rlar avazy (E'xo vekov). Kazan', 2003. № 1/2. S. 311–314.
15. Garifullin D. Chy'ragy' nur sibe' bugen de' (Tadzhedin Yalchy'golnyn tuuyna 240 el) (K 240-letiyu so dnya rozhdeniya T. Yalchy'gula) // Gasy'rlar avazy' (E'xo vekov). Kazan', 2008. № 2. S. 200–208.
16. Fe'xreddin R. Asar. T. 1. Kazan': Ruxiyat, 2006. 360 s.
17. Zajcev I.V. Astraxanskoe xanstvo. 2-e izd. M.: Vost. lit., 2006. 303 s.
18. Sy'zranov A.V. Islam v Astraxanskom krae: istoriya i sovremennost'. Astraxan': ID «Astraxanskij un-t», 2007. 181 s.

19. *Rindyuk N., Rindyuk I.* Iz zhizni musul'man Kieva (seredina XIX v. – 1917 g.) // Ukraina i islamskij mir. Kiev, 2011. № 5. Avgust. S. 46.
20. *Frank Allen.* Islamskaya istoriografiya i «bulgarskaya» identichnost' tatar i bashkir v Rossii / Per. I. Xajbutdinovoj. Kazan': RIU, 2008. 266 s.
21. Petryaksi Abdulla. Svoboda i islam // Islam. Ufa, 1926. № 5 (17). Sentyabr'.
22. *Xabutdinov A.Yu. Faizxanov Gabdelgallyam* // Islam na Nizhegorodchine: e'nc. slovar'. S. 177–178.
23. Islam na Nizhegorodchine // Ezhegodnik. № 3. N. Novgorod: ID «Medina», 2004. 16 s.

D.Z. Khairtdinov

Spiritual and Educational Traditions of Nizhny Novgorod Tatars

The article is devoted to the little-known pages of history relating to religious, theological and humanitarian enlightenment in the environment of Nizhny Novgorod Tatars — subethnos of the Tatar nation, settled in the Russian Empire far beyond their historic homeland. The study aims to collect evidence of the rich cultural traditions that existed in this group of Tatars until 1917.

Keywords: tatars; nizhgars; sufism; Nizhny Novgorod land; the enlightenment.

И.С. Фекердинов

Советский ВПК накануне Великой Отечественной войны в оценках российской историографии

В статье на основе широкого историографического материала проанализирована готовность советского ВПК к военному противоборству с Германией. Цель заключалась в анализе интерпретаций российскими историками довоенных приготовлений Советского Союза к будущей войне. Делается вывод о том, что советское руководство сделало все возможное для технического оснащения Красной Армии современными средствами борьбы.

Ключевые слова: военно-промышленный комплекс; Великая Отечественная война.

Одной из причин поражения в приграничном сражении, которую вслед за советской называет и современная российская историография, является проблема неготовности к войне с Германией из-за того, что экономика еще не успела перестроиться на производство вооружений в должном количестве. Отсюда и всяческие отсылки к тому, что Сталин ожидал войну не ранее 1942 года. Это был один из просчетов «вождя народов», который полагал, что война в Европе затянется, но после blitzkriega против Франции этим надеждам не суждено было сбыться.

Исследователи сходятся во мнении, что до войны советским руководством была проведена большая работа по укреплению обороноспособности страны. Это относится ко всем родам войск, которые наполнились современной техникой. Отмечается положительная роль индустриализации [6: с. 49]. Появление новых видов вооружений прямо коррелировало с пятилетками: «До начала Великой Отечественной войны военно-морское строительство в СССР прошло три основных этапа, временные рамки которых в большой степени согласуются с принятием и реализацией пятилетних планов развития народного хозяйства» [10: с. 5].

В российской историографии отчетливо просматривается тот факт, что без иностранной помощи добиться столь впечатляющих успехов в различных

областях экономики не удалось бы. СССР активно сотрудничал с Германией, Америкой, Великобританией, Японией, Францией, Италией и другими иностранными государствами в области технологий. Так, например, историк Т.В. Алексеев пишет: «Значение технической помощи, оказанной фирмой RCA для развития отечественной электровакуумной промышленности, переоценить невозможно... Эта помощь позволила превратить нашу промышленность из кустарной в современную и механизированную [2: с. 179].

СССР удалось создать фактически заново авиа, танковую, судостроительную, химическую, электротехническую промышленность. Удалось достичь внушительных успехов и в количестве производимого вооружения. Например, Советский Союз, начав свою танкостроительную программу в 1932 году, почти сразу же «стал крупнейшим производителем танков, вышел на первое место в мире» [6: с. 54].

Дискуссии идут о том, насколько современным было советское вооружение и в чем заключались недостатки отечественной промышленности. Хотя, объективно, о широких экономических дискуссиях говорить не приходится — российские историки неохотно берутся за исследование экономической стороны событий прошлого.

Например, авиационной промышленностью активно занимаются только два профессиональных историка: А.С. Степанов и М.Ю. Мухин [12; 16]. Существуют работы, посвященные совсем узким проблемам, к примеру, развитию связи и эксплуатационно-технической службы в советских ВВС [1; 4; 14]. То же самое можно сказать и о танковой промышленности, где преуспел А.Ю. Ермолов [6]. Строительством флота накануне войны занимаются В.Н. Краснов, В.А. Золотарёв и В.С. Шмонин [10; 9]. Усилиями нескольких человек невозможно устранить белые пятна и черные дыры в знании отечественной истории. Не удалось, к примеру, обнаружить ни одной российской монографии по производству стрелковых вооружений. Данная тема лишь вскользь затрагивается в работе Н.С. Симонова [15], другие публикации ограничиваются техническими особенностям того или иного оружия [3; 19].

Если говорить о состоянии перед войной войск связи и их оснащённости средствами связи, то ведущими специалистами в этой области являются А.П. Жарский и В.Н. Шептура [7; 17], (Министерство обороны Российской Федерации [сайт]. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11194647@cmsArticle>).

Какие проблемы существовали в советском ВПК? Из проанализированного материала видно, что для советского руководства на первом месте всегда стоял вопрос количества, а не качества выпускаемой продукции, поэтому многие виды вооружений проходили весьма поверхностную проверку. Упор всегда делался на дешевизну производства — на вооружение принималась та техника, производство которой будет менее затратно даже за счет ее эффективности [10: с. 142–143; 13: с. 226–227; 16: с. 438]. В связи с этим еще один важный аспект позиции советского руководства: конструкция изделия должна

быть максимально простой в производстве и состоять из как можно меньшего количества деталей [19: с. 73]. Расчет в принятии такой тактики вооружения был следующим: «Эпоха XX века — эпоха массовых армий. А массовым армиям нужно массовое оружие. Поэтому недостаточно просто создать некий технически совершенный образец, пусть даже он будет вершиной технической мысли и искусства. Должна быть возможность изготовить такое количество экземпляров, которое сможет удовлетворить потребности массовой армии» [5: с. 289].

Исследователи отмечают очень важный момент, который, возможно, и обеспечил конечный исход войны в нашу пользу. Образцы новейшей по тем временам техники, в частности, МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, Т-34 и КВ, были поставлены на конвейер еще до начала Великой Отечественной войны. Во время войны и речи не могло идти о том, чтобы начать производство новых видов вооружений [16: с. 452].

Проблемой всей советской промышленности были слабые и ненадежные двигатели: это относится к авиации, танкам, тягачам, и автомобилям. Например, историк А.С. Степанов пишет: «Авиамоторостроение в СССР на рубеже 1930–1940-х годов, пожалуй, было самым слабым местом в обеспечении быстрого и успешного развития ВВС РККА» [6: с. 57–58; 16: с. 407].

Значительной проблемой советской промышленности предвоенного времени назовем также следующую тенденцию: скудные инженерно-технические ресурсы конструкторских бюро расплылись работой сразу над несколькими проектами одновременно. В.Н. Краснов сообщает: «На одном и том же заводе одновременно строилось по два-четыре крупных корабля разных проектов, что, по мнению некоторых историков флота, являлось также “одним из существенных недостатков военного судостроения”, “приводило к распылению усилий заводов на многих объектах, затягивало сроки сдачи кораблей”» [6: с. 66; 10: с. 31].

Слабой стороной советской промышленности была, несомненно, и низкая квалификация рабочего персонала, обусловленная невысоким образовательным уровнем и текучкой кадров, которые, в свою очередь, были причиной высокого уровня брака и лишнего расхода ресурсов [10: с. 31; 16: с. 117].

Проблема советского судостроения заключалась в непомерном затягивании сроков постройки и испытания головного корабля, так что учесть возможные недостатки в его конструкции и эксплуатации при строительстве серийных «экземпляров» не представлялось возможным. Обычно срок готовности головного корабля совпадал со сроками окончания постройки первых серийных моделей [10: с. 43].

Если брать артиллерию, то она была во многом устаревшей, дореволюционной постройки. К сожалению, не удалось найти статистику соотношения современной и устаревшей техники. Никакая модернизация не может преодолеть недостатки, которые изначально заложены в конструкции. Хотя в Советском Союзе накануне войны был налажен выпуск и современной артиллерийской техники. Самым заметным исследователем в этой области является А.Б. Широкопад [18].

Если брать стрелковое оружие, то, как показывает Ф.К. Бабак на примере винтовки Мосина и винтовки Маузера, оно отвечало требованиям времени и было не хуже немецкого [3: с. 7]. Такой вывод позволяет сделать сравнение ТТХ советского и немецкого индивидуального вооружения на материале книги Ф.К. Бабака «Индивидуальное стрелковое оружие». Видно, что характеристики германского и советского оружия примерно совпадают.

По поводу состояния отечественной электротехнической промышленности накануне войны исследователи приходят к таким выводам:

1. Отечественное производство электротехнических изделий значительно отставало от аналогов передовых капиталистических стран, и Советскому Союзу не удалось преодолеть это отставание [2: с. 30, 69–70].

2. В то же время была создана определенная промышленная база для выпуска собственной электротехнической продукции при помощи западных компаний [2: с. 28–29, 79].

Исходя из вышеперечисленного, можно с уверенностью заявить, что никаких дискуссий среди профессиональных историков по поводу экономической готовности Советского Союза к войне нет. Отдельные ученые подвергают сомнению отдельные аспекты темы или опровергают мифы, сформулированные советской исторической наукой или российскими публицистами. Например, А.С. Степанов доказывает дилетантизм В. Суворова в вопросе состояния советской авиации накануне войны. В. Суворов утверждает, что Сталин планировал выпускать десятками тысяч самолеты «чистого неба» Су-2, в то время как за первое полугодие 1941 года было выпущено 438 таких самолетов. А.С. Степанов также опровергает утверждение, будто Сталину нужно было выпустить 1000 ТБ-7, и Гитлер никогда не осмелился бы напасть. А.С. Степанов резонно аргументирует, что тысячи американских и британских бомбардировщиков не смогли заставить Германию капитулировать в ходе Второй мировой войны. Советский Союз не мог произвести такое количество бомбардировщиков — для этого понадобилось бы 4 тысячи моторов, что привело бы к свертыванию производства других самолетов. Исследователь делает вывод: «Несостоятельность взглядов В. Суворова как серьезного исследователя на примере анализа части его книги, касающейся авиационной тематики, очевидна и вряд ли нуждается в дальнейших комментариях» [16: с. 26–29].

Подводя итоги, можно сказать, что в современной историографии сложилось устойчивое мнение: к началу Великой Отечественной войны оборонная индустрия СССР в целом впервые стала превосходить по количеству, а в отдельных областях военного производства и по качеству показатели нацистской Германии. Был создан военно-экономический потенциал, в конечном счете обеспечивший победу над гитлеровским блоком [11: с. 160].

Проведенное до войны разделение советского машиностроительного комплекса на военное и гражданское производство и соответствующая этой специализации концентрация производства военной продукции в особых,

военно-промышленных технологических комплексах в целом себя оправдало. Наркоматы военной промышленности обеспечили производство основных видов военной продукции в 1940–1945 годах более чем на две трети [15: с. 154].

Литература

1. *Аверченко С.В.* Зарождение и развитие эксплуатационно-технической службы военно-воздушных сил РККА в межвоенный период (1921–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Монино: Военно-воздушная академия им. Ю.А. Гагарина, 2006. 316 с.
2. *Алексеев Т.В.* Разработка и производство промышленностью Петрограда-Ленинграда средств связи для РККА в 20–30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского, 2007. 213 с.
3. *Бабак Ф.К.* Индивидуальное стрелковое оружие. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. 415 с.
4. *Гришин В.В.* Зарождение и развитие связи в отечественных военно-воздушных силах до Великой Отечественной войны (1910–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Монино: Военно-воздушная академия им. Ю.А. Гагарина, 2001. 221 с.
5. *Ермолов А.Ю.* Количество или качество: проблема выбора приоритетов в советской танковой промышленности периода Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: опыт изучения и преподавания: мат-лы межвуз. науч. конф. М.: РГГУ, 2005. С. 287–294.
6. *Ермолов А.Ю.* Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Литера-С, 2009. 310 с.
7. *Жарский А.П., Шентура В.Н.* Уроки и выводы о состоянии сил и средств связи высших звеньев управления Красной Армии накануне Великой Отечественной войны // Связь в вооруженных силах Российской Федерации – 2012. М., 2012. С. 49–54.
8. *Жарский А.П., Шентура В.Н.* Военно-голубиная связь в Красной Армии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11194647@cmsArticle>.
9. *Золотарёв В.А., Шмонин В.С.* Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. М.; СПб: АСТ, 2004. 480 с.
10. *Краснов В.Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны. М.: Наука, 2005. 215 с.
11. *Куманёв Г.А.* Тяжелый выбор (советский пакт о ненападении) // Этот противоречивый XX век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова: сб. ст. М.: РОССПЭН, 2001. С. 152–167.
12. *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М.: Наука, 2006. 320 с.
13. *Николаев Д.Н.* Как создавался самолет-штурмовик Ил-2 // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 225–227.
14. *Паршин В.В.* Военно-теоретические взгляды на боевое применение отечественной авиации, 1921 г. – июнь 1941 г.: Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М.: Военный университет, 1999. 113 с.
15. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.

16. *Степанов А.С.* Развитие советской авиации в предвоенный период (1938–первая половина 1941 гг.). М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2009. 544 с.
17. *Шентура В.Н.* Влияние теории глубокой операции глубокого боя на разработку основ организации связи накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 7. С. 26–30.
18. *Широкорад А.Б.* Артиллерия в Великой Отечественной войне. М.: АСТ, 2010. 637 с.
19. *Шунков В.Н.* Красная Армия: Организация, структура, униформа, знаки отличия, боевые награды, оружие пехоты, танки, артиллерия, авиация. М.: АСТ, 2008. 350 с.

References

1. *Averchenko S.V.* Zarozhdenie i razvitie e'kspluatacionno-texnicheskoj sluzhby' voenno-vozdushny'x sil RKKA v mezhvoenny'j period (1921–1941 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Monino: Voенno-vozdushnaya akademiya im. Yu.A. Gagarina, 2006. 316 s.
2. *Alekseev T.V.* Razrabotka i proizvodstvo promy'shlennost'yu Petrograda-Leningrada sredstv svyazi dlya RKKA v 20–30-e gody' XX veka: dis. ... kand. ist. nauk. SPb.: Voенno-kosmicheskaya akademiya im. A.F. Mozhajskogo, 2007. 213 s.
3. *Babak F.K.* Individual'noe strelkovoe oruzhie. M.: AST; SPb.: Poligon, 2004. 415 s.
4. *Grishin V.V.* Zarozhdenie i razvitie svyazi v otechestvenny'x voenno-vozdushny'x silax do Velikoj Otechestvennoj vojny' (1910–1941 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Monino: Voенno-vozdushnaya akademiya im. Yu.A. Gagarina, 2001. 221 s.
5. *Ermolov A.Yu.* Kolichestvo ili kachestvo: problema vy'bora prioritetov v sovetskoj tankovoj promy'shlennosti perioda Velikoj Otechestvennoj vojny' // Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: opy't izucheniya i prepodavaniya: mat-ly' mezhvuz. nauch. konf. M. : RGGU, 2005. S. 287–294.
6. *Ermolov A.Yu.* Tankovaya promy'shlennost' SSSR v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny'. M.: Litera-S, 2009. 310 s.
7. *Zharskij A.P., Sheptura V.N.* Uroki i vy'vody' o sostoyanii sil i sredstv svyazi vy'sshix zven'ev upravleniya Krasnoj Armii nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny' // Svyaz' v vooruzhenny'x silax Rossijskoj Federacii – 2012. M., 2012. S. 49–54.
8. *Zharskij A.P., Sheptura V.N.* Voенno-golubinaya svyaz' v Krasnoj Armii nakanune i v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // Ministerstvo oborony' Rossijskoj Federacii. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11194647@cmsArticle>.
9. *Zolotaryov V.A., Shmonin V.S.* Kak sozdavalas' voенno-morskaya moshh' Sovetskogo Soyuza. M.; SPb: AST, 2004. 480 s.
10. *Krasnov V.N.* Voенное судостроение накануне Великой Отечественной войны'. M.: Nauka, 2005. 215 s.
11. *Kumanyov G.A.* Tyazhely'j vy'bor (sovetskij pakt o nenapadenii) // E'tot protivorechivy'j XX vek. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAN Yu.A. Polyakova: sb. st. M.: ROSSPE'N, 2001. S. 152–167.
12. *Muxin M.Yu.* Aviapromy'shlennost' SSSR v 1921–1941 godax. M.: Nauka, 2006. 320 s.
13. *Nikolaev D.N.* Kak sozdavalasya samolet-shturmovik Il-2 // Novaya i novejšaya istoriya. 2000. № 2. S. 225–227.

14. *Parshin V.V.* Voенно-teoreticheskie vzglyady' na boevoe primeneniye otechestvennoj aviatsii, 1921 g. – iyun' 1941 g.: Istoricheskoe issledovaniye: dis. ... kand. ist. nauk. M.: Voenny'j universitet, 1999. 113 s.

15. *Simonov N.S.* Voенно-promy'shlennyj kompleks SSSR v 1920–1950-e gody': tempy' e'konomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravleniye. M.: ROSSPE'N, 1996. 336 s.

16. *Stepanov A.S.* Razvitiye sovetskoj aviatsii v predvoenny'j period (1938–pervaya polovina 1941 gg.). M.: Russkij Fond Sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2009. 544 s.

17. *Sheptura V.N.* Vliyanie teorii glubokoj operatsii glubokogo boya na razrabotku osnov organizatsii svyazi nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny' 1941–1945 gg. // Voенno-istoricheskij zhurnal. 2006. № 7. S. 26–30.

18. *Shirokorad A.B.* Artilleriya v Velikoj Otechestvennoj vojne. M.: AST, 2010. 637 s.

19. *Shunkov V.N.* Krasnaya Armiya: Organizatsiya, struktura, uniforma, znaki otlichiya, boevy'e nagrady', oruzhie pexoty', tanki, artilleriya, aviatsiya. M.: AST, 2008. 350 s.

I.S. Fekerdinov

The Soviet Military-Industrial Complex before the Great Patriotic War in Assessments of Russian Historiography

In the article, based on the wide historiographical material, the author analyzed the readiness of the Soviet military-industrial complex to military confrontation with Germany. The purpose of the article was the analysis of interpretations of prewar preparations of the Soviet Union for future war made by Russian historians. The author makes a conclusion that the Soviet government made all possible things for technical equipment of the Red Army with modern with modern means of struggle.

Keywords: military-industrial complex; the Great Patriotic war.

А.А. Павлов

Плебейский трибунат в немецкой историографии XIX века

Статья представляет собой аналитический обзор немецкой историографии XIX века, посвященной римскому институту плебейских трибунов. Дается краткое изложение и анализ концепций трибуната, представленных в трудах Б.Г. Нибура, Т. Моммзена, Э. Херцога, Л. Ланге и др.

Ключевые слова: плебейский трибунат; немецкая историография XIX века.

История современного обращения к плебейскому трибунату восходит к эпохе Возрождения и Просвещения, когда еще не было современной романистики, возникновение которой связано с немецкой школой XIX века. Причины неизменного интереса политической философии и публично-правовой теории этого периода к плебейскому трибунату (и римской конституции в целом) были тесно связаны с кардинальной трансформацией конституционных порядков в Европе и Америке. Опираясь на римский опыт, политическая философия Нового времени (ее демократическое и либеральное крыло) обосновывала необходимость включения института трибуната в современную конституционную практику в качестве механизма контроля над правительством. В этот период были выработаны многие идеи, которые позднее окажут влияние на антиковедов XIX века, а вместе с тем и на их концепции римского института плебейских трибунов.

Первым автором эпохи Возрождения, обратившимся к анализу римского политического устройства, был Никколо Макиавелли (1469–1527 гг.). В своем трактате «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1531 г.), в котором автор демонстрирует знание не только труда Ливия, но и воззрений Полибия и Цицерона, Макиавелли уделил также внимание и роли плебейского трибуната в римской республиканской конституции. По его мнению, смешанное политическое устройство Рима достигло своего совершенства благодаря учреждению плебейских трибунов, а сами трибуны были созданы для безопасности народа и получили такие права и полномочия, что могли всегда быть посредниками

между народом и сенатом и обуздывать дерзость аристократии. Макиавелли положительно оценивает их роль как охранителей свободы не только простого народа, но и, следуя за Цицероном, самой аристократии, как средство, которое помогло народу добиться участия в управлении [2: с. 109–398].

В эпоху Просвещения были выработаны два основных подхода в отношении трибуната, ставших определяющими для последующей политической практики и историографии. Первый связан с Ш.Л. Монтескье (1689–1755 гг.), второй — с Ж.-Ж. Руссо (1712–1778 гг.). Ш.Л. Монтескье, как известно, в XI книге своей работы «О духе законов» (1748 г.) развил теорию о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. При этом он отказался от трибуната как необходимой составной части современной конституции, обвиняя римский трибунат в порочном характере его власти, которая, по его мнению, «причиняла великое зло». Изъяв трибунат из своей политической модели, он оставляет в ней присущую тому «способность препятствования», которую связывает, однако, с системой разделения властей [4: с. 136–164]. Вслед за Ш.Л. Монтескье отказались рассматривать трибунат в качестве необходимого конституционного элемента Э. Сиейес, Э. Кант, Ф. Гегель и ряд других философов и политиков.

Иная модель была создана Ж.-Ж. Руссо. В третьей книге трактата «Об общественном договоре» (1762 г.) он допускает разделение властей, но отдает предпочтение «посредствующим магистратам», значение и место которых раскрывается им в IV книге (пятая глава ее посвящена трибунату). Руссо связывает трибунат с категорией «отрицательная власть», наделяя его задачей стабилизации государственной системы. Трибунат у Руссо, выведенный за пределы общины, не обладает ни законодательной, ни исполнительной властью, но, «не будучи в состоянии ничего сделать, он может всему помешать», выполняя свою функцию блюстителя законов и контроля законодательной власти [5: с. 253–254, 305–307]. Вслед за Ж.-Ж. Руссо немецкий философ И.-Г. Фихте (1762–1814 гг.) в двух трудах по философии права — «Основы естественного права» (1796 г.) и «Система учения о праве» (1812 г.) — подчеркнул, что реальное разделение властей возможно только при внешнем контроле над системой. В связи с этим Фихте противопоставил «абсолютную позитивную власть» (власть управления) «абсолютной негативной власти», которая в его модели предоставлена избранному народом эфорату¹.

Таким образом, в государственно-правовой теории этого времени сложились два направления: одно, восходящее к Ш.Л. Монтескье и отвергшее трибунат в своих моделях политического устройства, можно назвать «антидемократическим», второе, восходящее к Н. Макиавелли и Ж.-Ж. Руссо и рассматривающее трибунат как институт, способный наиболее реально и демократично

¹ И.-Г. Фихте, в отличие от Ж.-Ж. Руссо, предпочел воспользоваться греческим термином. Античные авторы, как известно, связывали функциональное назначение плебейского трибуната и эфората (e.g.: Cic. Resp. II. 57; Leg. III. 16). О концепции И.Г. Фихте см. монографию П. Каталано [14: p. 90–94].

добиваться равных условий для участников политического процесса, — «демократическим». Сторонники обоих направлений исходили из идеи ограничения власти управления, но если равновесие властей ведет к относительному ограничению внутри системы, то трибунал — к абсолютному, ибо находится в противоположности к системе. Политическая философия этого времени выработала категорию «отрицательная власть», отсутствовавшую в античной традиции, с которой связала трибунал, рассматривая его как должность, стоящую на страже интересов народа против произвола управляющих. Модели, разработанные политической философией XVIII века, повлияли на реконструкции плебейского трибунала антиковедами и юристами XIX века.

Зарождение современного научного антиковедения принято возводить к Б.Г. Нибуру, издавшему в 1811–1812 годы свою двухтомную «Римскую историю» [37]. Его работа, выдержавшая ряд изданий, стала примером для многих поколений исследователей, заложила основания дискуссий по многочисленным проблемам ранней римской истории, в том числе по ряду вопросов истории трибунала. В первую очередь это касается предложенных им решений сложных вопросов, связанных с происхождением трибунала и его природой, нашедших впоследствии своих сторонников и противников.

Вслед за трудом Б.Г. Нибура появился ряд специальных диссертационных сочинений историков и юристов, издававшихся, как правило, на латинском языке в виде кратких авторефератов, посвященных отдельным проблемам трибунала: прежде всего происхождению трибунала [9; 44; 49; 52; 53] и специфике властных полномочий трибунов [10; 15; 17; 19; 42; 46]. В середине XIX века стали появляться и первые статьи; внимание их авторов также было сосредоточено на вопросах происхождения трибунала и ранних полномочиях трибунов [21; 23; 30; 35; 40; 41]. Однако наибольшее влияние на последующую историографию оказали все же не эти небольшие специальные работы, а историко-правовые, как у Л. Ланге [26]² и Э. Херцога [22], и правовые, как у Т. Моммзена [32; 33; 34], О. Карловы и др. [7; 25; 28; 43], компендиумы. Рассматривая римскую публично-правовую систему в совокупности, их авторы должны были определить и место трибунала в ней. Следует упомянуть и важные многотомные исторические труды, авторы которых, вслед за Б.Г. Нибуром, большое внимание уделили истории трибунала [3; 24; 31; 47].

В зарубежной историографии XIX века был поднят ряд вопросов, связанных с происхождением трибунала³, которые, в силу состояния источников, остаются дискуссионными и сегодня. Но с точки зрения системного восприятия трибунала важнейшими для его понимания являются вопросы природы

² Ланге издал также в 1883 г. небольшую монографию на латинском языке, посвященную сакральной власти трибунов, текст которой позднее был переиздан в составе сборника статей автора [27].

³ В частности, время создания трибунала, первоначальное число трибунов, избирательное собрание, изначальные права и полномочия и т. д. [6].

трибунской власти и юридического фундамента плебейской магистратуры, которые в историографии XIX века оказались разведенными в силу того, что авторы в своих систематизациях исходили из публично-правовых воззрений своего времени, перенося представления о современном им государстве на римские реалии раннереспубликанской эпохи, что вело к противоречиям в их конструкциях и оппозиции между юридическим фундаментом и природой трибуната. Относительно юридического фундамента были выработаны три основных подхода, в соответствии с которыми создание трибуната произошло либо посредством договора между *plebs* и *populus*, либо через односторонний акт, принятый *populus* (*lex publica*) или *plebs* (*plebiscitum*).

Б.Г. Нибур первым предложил рассматривать в качестве юридического фундамента трибуната договор (*foedus*) между *plebs* и *populus*, заключенный при посредстве фециалов, подобно договору двух свободных общин⁴. По его мнению, он был заключен совместным решением курий и вооруженного плебса, скреплен сенатом и совместным жертвоприношением плебеев и *decem primi* сената. Трактовка Б.Г. Нибура исходила из понимания плебеев как инационального элемента (латинов). Что касается природы трибуната, то Б.Г. Нибур в первом издании своей «Римской истории» (1811 г.) определил трибунат как институт представительства плебса, во втором (1826 г.), как магистратуру плебса, а затем «нации». Таким образом, его позиция относительно природы трибуната кардинально менялась. Первоначально Б.Г. Нибур следовал в оценке трибуната за Ж.-Ж. Руссо, не считая трибунов магистратами, признавая за ними автономию, контроль со стороны народа за властью, «негативный», не связанный с управлением, характер их полномочий⁵. Впоследствии же он включил его в состав магистратов, сначала плебса, а затем «нации», отказался от его автономии, а соответственно «негативной» природы его власти. В силу этого представления трибунат у него постепенно трансформировался в магистратуру народа (*magistratus populi*), вместе с чем трансформировалась и сфера приложения его власти: первоначально таковой был плебс, а затем «нация». Примечательно, что, изменив подход к природе трибуната, Б.Г. Нибур не изменил своего подхода к его основе (*foedus*). Последовавшие за этими двумя различными трактовками природы трибуната Т. Моммзен и Э. Херцог кардинально разошлись в ее понимании; в качестве фундамента трибунской власти оба, однако, видели

⁴ Идея Б.Г. Нибура в XIX в. не нашла широкой поддержки. Отчасти она была воспринята А. Шwegлером и Л. Ланге. Однако на волне критики концепции Т. Моммзена она была на новой основе развита в итальянской историографии XX в. сторонниками «федеративной теории» [12: р. 104; 16: р. 218; 39: р. 87–116]. Анализ концепции и подходов авторов дан в монографии П. Каталано [13: р. 199].

⁵ По этой причине трибуны не могли самостоятельно накладывать штраф, вынося решение к народу, не распускали собрание, а лишь призывали собравшихся разойтись. Б.Г. Нибур считал также, что в силу *foedus* трибуны первоначально избирались центуриатными комициями, допуская необходимость утверждения их решений куриями.

*lex publica*⁶, что указывает на оторванность трактовки природы трибуната от его правового фундамента в историографии XIX века.

Т. Моммзен в «Истории Рима» (1854 г.) отчасти придерживался еще схемы Руссо-Фихте, однако в «Римском государственном праве» (1874 г.), где за основу им взята трехчленная модель Полибия (магистратура, сенат, народ), его позиция меняется⁷. Здесь концепция плебейского трибуната приобретает у него заверченный вид, что не избавляет ее, тем не менее, от противоречий. Т. Моммзен отнес юридическое основание трибуната к центуриатному закону Валерия-Горация 449 г. до н.э. Этот закон, по его мнению, должен был включить трибунал в структуру римского государства. До того трибуны не имели законной власти (*potestas legitima*): их власть, покоившаяся на клятве, данной плебсом в 494 г. до н.э., носила религиозный характер (*potestas sacrosancta*). При этом замена «религиозной» власти властью «законной» в его концепции означала фактически утрату специфического характера трибунской власти (*sacrosanctitas*). Исходя из своей трехчленной систематики, Т. Моммзен помещает трибунов в число магистратов и рассматривает их в соответствующем разделе, посвященном отдельным магистратам. Он не только формально помещает трибунов в число магистратов, но и увязывает их концептуально: они обладают теми же полномочиями, что и магистраты, их власть не отличалась качественно, будучи более сильной (*maior potestas*), в чем, по его мнению, реализуется один из принципов магистратуры — превалирование запрета над приказом. Интерцессию трибунов Т. Моммзен базирует на магистратской коллегиальной интерцессии. Вместе с тем Т. Моммзен вынужден признать, что ряд черт присущих трибунату, не соответствуют восприятию его как *magistratus populi*: он отмечает отсутствие у них *imperium*, соответствующих инсигний, ауспиций, комициальных выборов.

Э. Херцог, как отмечалось выше, видел фундамент трибуната, подобно Т. Моммзену, в *lex publica*. Он считал, что трибунал уже в 494 г. до н.э. был законным образом основан и имел, наряду с этим, религиозную гарантию: закон был принят центуриатными комициями под руководством консула и имел характер *lex sacrata*, поскольку был дополнен клятвой народа. Аналогичный закон, по его мнению, был принят и в 449 г. до н.э. при восстановлении трибуната. Вместе с тем, что касается природы трибуната, Э. Херцог кардинально разошелся с позицией Т. Моммзена. В отличие от последнего, создавшего трехчленную модель, Э. Херцог создает биполярную модель римского республиканского

⁶ Авторитет Т. Моммзена способствовал тому, что большинство последующих исследователей также видели юридический фундамент трибуната в *lex publica* [8: S. 23; 11: S. 7; 18: 36–64; 20: р. 5–8; 29: S. 24–27; 32: S. 2; 36: р. 46; 48: S. 14; 50: S. 101; 51: р. 28].

⁷ В отличие от Полибия, однако, государство у Т. Моммзена имеет не конкретный, а абстрактный характер. Он соотносит понятия *populus* и «государство» и рассматривает магистратуру в качестве носительницы государственной власти.

устройства⁸. Его «Система» состоит из двух частей: «Управление: магистратура и сенат» и «Народ и народное право». Трибунат рассматривается им во второй части в главе, которую он назвал «Институт защиты интересов плебса и гражданства в целом от правительства». Если у Т. Моммзена трибунат оказывается в тени среди магистратур народа, то у Э. Херцога положение трибуната автономно, он, наряду с собранием народа, противопоставляется магистратуре и сенату (в чем видно явное влияние на него концепции Руссо – Фихте), более того, он вообще не рассматривается как магистратура (как таковая — ни народа, ни плебса). Его функция трансформировалась от первоначальной защиты отдельных плебеев к защите плебейской общины в целом и, наконец, всего народа и государственных интересов от произвола правительства. Он исходит из возможности трибунов противостоять всем актам магистратов и сената и связывает его с народным представительством, в чем Э. Херцог сближается с первоначальным воззрением Б.Г. Нибура. «Препятствующую» власть трибунов, исходящую из *auxilii latio*, он считает единственной первоначальной целью института⁹.

Людвиг Ланге в своих «Римских древностях» в вопросе правового фундамента трибуната следовал Э. Херцогу, считая таковым *lex sacrata* 494 г. до н.э. Но, в отличие от Т. Моммзена, он отвергает концепцию коллегиальной *intercessio* трибунов, считая невозможным подчинение трибуната иерархическому принципу *maior potestas*, в чем позже к нему присоединится и О. Карлова. Л. Ланге предложил собственную систематизацию римской магистратуры, которая не опирается на имеющиеся античные систематики, но учитывает специфику отдельных магистратур. Он выделяет четыре типа магистратов. К первому он отнес магистратов с *regium imperium*, а ко второму, — диаметрально противопоставленных им плебейских магистратов. В третью группу он включил цензоров как магистратов, обладавших *regia potestas*, но не имевших *regium imperium*, в четвертую — низших магистратов.

Власть трибунов (он именует ее *dispar potestas*) в трактовке Л. Ланге кардинально отличалась от таковой консулов, диктаторов, преторов, цензоров, тех магистратов, которые являются наследниками царской власти. Трибунат для него — это орган легальной оппозиции для защиты плебеев от империи. Его законная и неприкосновенная власть предоставляла ему первоначально только право *intercessio*. Таким образом, трибунат в его конструкции был особым видом государственной магистратуры, обладавшим первоначально только «отрицательной» властью.

В целом, историография XIX века не выработала общего непротиворечивого подхода к объяснению природы трибуната. Имевшиеся противоречия

⁸ Она также находит свое обоснование в античной традиции (e.g. *Eutr.* I. 11: «Tum et ipse (populus Romanus. — А.П.) sibi tribunus plebis quasi proprios iudices et defensores creavit, per quos contra senatum et consules tutus esse posset»).

⁹ В отечественной историографии ряд близких концепции Э. Херцога идей был высказан в монографии известного юриста Д. Азаревича [1].

были связаны с рядом причин (политических, методологических, герменевтических), в том числе и попытками совмещения современной авторам публично-правовой теории и римской практики, что вело всякий раз к отходу от источников и подходов, предлагаемых самими античными авторами. В таких трактовках оказалась нарушенной связь между трибунатом и плебсом (о чем свидетельствует и немецкий термин, введенный в историографии для обозначения трибунов — *Volkstribunat*, народный трибунат), как и связь между содержанием трибунской власти и ее юридическим основанием. Акцентируя внимание на трибунской *intercessio*, как основной цели трибуната, исследователи фактически игнорировали позитивные полномочия трибунов, и прежде всего в законодательной и судебной сфере, которые исходили из специфического права трибунов *cum plebe agendi*.

Литература

1. *Азаревич Д.* Патриции и плебеи в Риме. Историко-юридическое исследование. Т. 1–2. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1875. 363 с.
2. *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Предисл., коммент. Е.И. Темнова. М.: Мысль, 1996. 639 с.
3. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб.: Наука; Ювента, 1994. 733 с.
4. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов / Пер. с фр. А.В. Матешука. М.: Мысль, 1999. 674 с.
5. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. А.Д. Хаютина. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.
6. *Павлов А.А.* Дискуссионные проблемы раннего плебейского трибуната в немецкой историографии XIX в. // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 12–23.
7. *Пухта Г.* История римского права. М.: Типография Семена, 1864. 584 с.
8. *Altheim F.* Lex sacra. Die Anfänge der plebeischen Organisation. Amsterdam: Pantheon 1940. 44 S.
9. *Belot E.* De tribunis plebis. Paris, 1872.
10. *Bender C.L.* De intercessione tribunicia. Koenigsberg, 1842.
11. *Bleicken J.* Das Volkstribunat der römischen Republik. München: C.H. Beck, 1955. 166 S.
12. *Bonfante P.* Storia del diritto romano. Roma: S.E.L., 1923. Vol. I. 465 p.
13. *Catalano P.* Linee del sistema sovranazionale romano. Torino: Giappichelli, 1965. 308 p.
14. *Catalano P.* Tribunato e resistenza. Torino: G.B. Paravia, 1971. 142 p.
15. *Dockhorn K.* De tribuniciae potestatis origine. Berlin, 1858.
16. *De Francisci P.* Storia del diritto romano. Milano, 1929. Vol. I.
17. *Eigenbrodt A.* De magistratuum Romanorum jure quibus pro pari et pro majore potestate inter se utebantur, imprimis de tribunorum plebis potestate. Leipzig, 1875. 157 p.
18. *Gioffredi C.* Il fondamento della «tribunicia potestas» e i procedimenti normativi dell'ordine plebeo (sacrosanctum – lex sacra – sacramentum) // SDHI. 1945. Vol. 11. P. 36–64.
19. *Grafström K.A.* De tribunis plebis apud Romanos Quaestiones. Upsala, 1860.
20. *Groh W.* «Potestas sacrosancta» dei tribuni della plebe // Studi in onore di Salvatore Riccobono nel XL anno del suo insegnamento. Palermo, 1936. Vol. II. P. 5–8.

21. *Herzog E.* Die lex sacrata und das sacramentum // Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. Leipzig, 1876. Bd. 46. S. 139–150.
22. *Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd. I-II. Leipzig, 1884–1891.
23. *Ihne W.* Ueber die Entstehung und die ältesten Befugnisse des römischen Volkstribunats // RhM. 1866. Bd. 21. S. 161–179.
24. *Ihne W.* Römische Geschichte. 2 Aufl. Bd. I-II. Leipzig, 1893–1896.
25. *Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. Leipzig: Veit & Comp, 1885. Bd. I. 1031 s.
26. *Lange L.* Römische Altertümer. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1876. Bd. I. 964 s.
27. *Lange L.* De sacrosanctae potestatis tribuniciae natura eiusque origine commentatio // Lange L. Kleine Schriften. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht's Verlag, 1887. S. 545–590.
28. *Madvig J.N.* Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Leipzig: B.G. Teubner, 1881. Bd. I. 596 S.
29. *Maschke R.* Zur Theorie und Geschichte der römische Agrargesetze. Tübingen: Mohr, 1906. 116 S.
30. *Meyer Ed.* Der Ursprung des Tribunats // Hermes. 1895. Bd. 30. S. 1–24.
31. *Mommsen Th.* Römische Geschichte. 2 Aufl. Bd. I-III. Berlin, 1856.
32. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I-III. Leipzig, 1874.
33. *Mommsen Th.* Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig: Duncker & Humblot, 1893. 363 S.
34. *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1899. 1078 S.
35. *Neuman W.* On the growth of the tribune's power before the decemvirate // Classical Museum. London, 1849. Vol. 6. P. 205–219.
36. *Niccolini G.* Il tribunato della plebe. Milano: Hoepli, 1932. 203 p.
37. *Niebuhr B.G.* Römische Geschichte. Berlin, 1811–1812. Bd. I–II.
38. *Niebuhr B.G.* Römische Geschichte. Berlin, 1826. Bd. I–II.
39. *Dell'Oro A.* La formazione dello Stato patrizio-plebeo. Milano: Istituto editoriale cisalpino, 1950. 184 p.
40. *Ptaschnik J.* Die Wahl der Volkstribunen vor der Rogation des Volero Publilius // Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien. 1863. Bd. 14. S. 627–38.
41. *Rhein W.* Die Majorität in dem Collegium der römischen Volkstribunen // Philologus. 1850. Bd. 5. S. 137–140.
42. *Rubino J.* Commentatio inauguralis de tribunicia potestate qualis fuerit inde a Sullae dictatura usque ad primum consulatum Pompeii. Cassel, 1825. 54 S.
43. *Rubino J.* Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel: J.C. Krieger, 1839. Bd. I. 504 S.
44. *Schirmer K.* De tribuniciae potestatis origine ejusque ad XII tabulas progressu. Thorn, 1828.
45. *Schmidt J.* Die Einsetzung der römischen Volkstribunen // Hermes. 1886. Bd. 21. S. 460–466.
46. *Schoenbeck H.* De potestate tribunicia. Bromberg, 1852.
47. *Schwegler A.* Römische Geschichte. Bd. I-III. Tubingen, 1856.
48. *Siber H.* Die plebejische Magistraturen bis zur Lex Hortensia. Leipzig: Weicher, 1936. 88 S.
49. *Soldan A.F.* De origine, causis et primo tribunorum plebis numero. Hannover, 1825. 44 p.

50. *Soltau W.* Gültigkeit der Plebiscite. Berlin: S. Calvary, 1884. 175 S.
51. *Stella-Maranca F.* Il tribunato della plebe dalla *lex Hortensia* alla *lex Cornelia*. Lanciano: R. Carabba, 1901. 126 p.
52. *Wehrman P.* Zur Geschichte des römischen Volkstribunats. Stettin, 1887. 24 S.
53. *Wolfram J.S.* De tribunis plebis usque ad decemviralem potestatem. Berlin, 1856.

References

1. *Azarevich D.* Patricii i plebei v Rime. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie. T. 1–2. SPb.: Tipografiya tovarishhestva «Obshhestvennaya pol'za», 1875. 363 s.
2. *Makiavelli N.* Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoj deкаде Tita Liviya. O voennom iskusstve / Predisl., komment. E.I. Temnova. M.: My'sl', 1996. 639 s.
3. *Mommzen T.* Istoriya Rima. T. 1. SPb.: Nauka; Yuventa, 1994. 733 s.
4. *Montesk'e Sh.L.* O duxe zakonov / Per. s fr. A.V. Mateshuka. M.: My'sl', 1999. 674 s.
5. *Russo Zh.-Zh.* Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty' / Per. s fr. A.D. Xayutina. M.: KANON-press; Kuchkovo pole, 1998. 416 s.
6. *Pavlov A.A.* Diskussionny'e problemy' rannego plebejskogo tribunata v nemeckoj istoriografii XIX v. // Problemy' social'no-politicheskoy istorii zarubezhny'x stran. Sy'kty'vkar, 1997. S. 12–23.
7. *Puxta G.* Istoriya rimskogo prava. M.: Tipografiya Semena, 1864. 584 s.
8. *Altheim F.* Lex sacra. Die Anfänge der plebeischen Organisation. Amsterdam: Pantheon 1940. 44 S.
9. *Belot E.* De tribunis plebis. Paris, 1872.
10. *Bender C.L.* De intercessione tribunicia. Koenigsberg, 1842.
11. *Bleicken J.* Das Volkstribunat der römischen Republik. München: C.H. Beck, 1955. 166 S.
12. *Bonfante P.* Storia del diritto romano. Roma: S.E.L., 1923. Vol. I. 465 p.
13. *Catalano P.* Linee del sistema sovranazionale romano. Torino: Giappichelli, 1965. 308 p.
14. *Catalano P.* Tribunato e resistenza. Torino: G.B. Paravia, 1971. 142 p.
15. *Dockhorn K.* De tribuniciae potestatis origine. Berlin, 1858.
16. *De Francisci P.* Storia del diritto romano. Milano, 1929. Vol. I.
17. *Eigenbrodt A.* De magistratuum Romanorum iuribus quibus pro pari et pro maiore potestate inter se utebantur, imprimis de tribunorum plebis potestate. Leipzig, 1875. 157 p.
18. *Gioffredi C.* Il fondamento della «tribunicia potestas» e i procedimenti normativi dell'ordine plebeo (sacrosanctum – lex sacra – sacramentum) // SDHI. 1945. Vol. 11. P. 36–64.
19. *Grafström K.A.* De tribunis plebis apud Romanos Quaestiones. Upsala, 1860.
20. *Groh W.* «Potestas sacrosancta» dei tribuni della plebe // Studi in onore di Salvatore Riccobono nel XL anno del suo insegnamento. Palermo, 1936. Vol. II. P. 5–8.
21. *Herzog E.* Die lex sacra und das sacramentum // Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. Leipzig, 1876. Bd. 46. S. 139–150.
22. *Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd. I-II. Leipzig, 1884–1891.
23. *Ihne W.* Ueber die Entstehung und die ältesten Befugnisse des römischen Volkstribunats // RhM. 1866. Bd. 21. S. 161–179.
24. *Ihne W.* Römische Geschichte. 2 Aufl. Bd. I-II. Leipzig, 1893–1896.
25. *Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. Leipzig: Veit & Comp, 1885. Bd. I. 1031 s.

26. *Lange L.* Römische Altertümer. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1876. Bd. I. 964 s.
27. *Lange L.* De sacrosanctae potestatis tribuniciae natura eiusque origine commentatio // *Lange L.* Kleine Schriften. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht's Verlag, 1887. S. 545–590.
28. *Madvig J.N.* Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Leipzig: B.G. Teubner, 1881. Bd. I. 596 S.
29. *Maschke R.* Zur Theorie und Geschichte der römische Agrargesetze. Tübingen: Mohr, 1906. 116 S.
30. *Meyer Ed.* Der Ursprung des Tribunats // *Hermes*. 1895. Bd. 30. S. 1–24.
31. *Mommsen Th.* Römische Geschichte. 2 Aufl. Bd. I-III. Berlin, 1856.
32. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. I-III. Leipzig, 1874.
33. *Mommsen Th.* Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig: Duncker & Humblot, 1893. 363 S.
34. *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Leipzig: Duncker & Humblot, 1899. 1078 S.
35. *Neuman W.* On the growth of the tribune's power before the decemvirate // *Classical Museum*. London, 1849. Vol. 6. P. 205–219.
36. *Niccolini G.* Il tribunato della plebe. Milano: Hoepli, 1932. 203 p.
37. *Niebuhr B.G.* Römische Geschichte. Berlin, 1811–1812. Bd. I–II.
38. *Niebuhr B.G.* Römische Geschichte. Berlin, 1826. Bd. I–II.
39. *Dell'Oro A.* La formazione dello Stato patrizio-plebeo. Milano: Istituto editoriale cisalpino, 1950. 184 p.
40. *Ptaschnik J.* Die Wahl der Volkstribunen vor der Rogation des Volero Publilius // *Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien*. 1863. Bd. 14. S. 627–38.
41. *Rhein W.* Die Majorität in dem Collegium der römischen Volkstribunen // *Philologus*. 1850. Bd. 5. S. 137–140.
42. *Rubino J.* Commentatio inauguralis de tribunicia potestate qualis fuerit inde a Sullae dictatura usque ad primum consulatum Pompeii. Cassel, 1825. 54 S.
43. *Rubino J.* Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel: J.C. Krieger, 1839. Bd. I. 504 S.
44. *Schirmer K.* De tribuniciae potestatis origine ejusque ad XII tabulas progressu. Thorn, 1828.
45. *Schmidt J.* Die Einsetzung der römischen Volkstribunen // *Hermes*. 1886. Bd. 21. S. 460–466.
46. *Schoenbeck H.* De potestate tribunicia. Bromberg, 1852.
47. *Schwegler A.* Römische Geschichte. Bd. I-III. Tübingen, 1856.
48. *Siber H.* Die plebejische Magistraturen bis zur Lex Hortensia. Leipzig: Weicher, 1936. 88 S.
49. *Soldan A.F.* De origine, causis et primo tribunorum plebis numero. Hannover, 1825. 44 p.
50. *Soltau W.* Gültigkeit der Plebiscite. Berlin: S. Calvary, 1884. 175 S.
51. *Stella-Maranca F.* Il tribunato della plebe dalla *lex Hortensia* alla *lex Cornelia*. Lanciano: R. Carabba, 1901. 126 p.
52. *Wehrman P.* Zur Geschichte des römischen Volkstribunats. Stettin, 1887. 24 S.
53. *Wolfram J.S.* De tribunis plebis usque ad decemviralem potestatem. Berlin, 1856.

A.A. Pavlov

Tribunate of the Plebs in German Historiography of the 19th Century

The paper is the analytical review of German historiography of the 19th century dealing with tribunate of the plebs. The paper contains short description and analysis of tribunate conceptions presented in the studies made by B.G. Niebuhr, Th. Mommsen, E. Herzog, L. Lange and others.

Keywords: tribunate of the plebs; German historiography of the 19th century.

Ж.С. Мажитова

О функциях биев¹ в казахском обществе: некоторые подходы современных российских и казахстанских исследователей к проблеме

В статье рассматриваются подходы современных ученых по вопросам функциональных особенностей бийского института. Ученые отмечают, что бии в казахском обществе сосредоточивали в своих руках широкие полномочия, позволявшие им управлять кочевым обществом.

Ключевые слова: современная российская и казахстанская историография; суд биев; функции биев.

Традиционное казахское общество XVII–XIX веков представляет собой тот тип государственности, когда род является главным звеном политического, общественного и социального устройства. Дисперсное состояние кочевого общества, вытекающее из основного занятия казахов — кочевого и полукочевого скотоводства, предполагало создание таких структур, которые могли сосредоточивать в своих руках рычаги управления общиной. Сезонные перекочевки, отдаленность маршрутов кочевания, разбросанность пастбищных угодий не позволяли центральной власти в лице правителей (ханов) в полной мере и повсеместно контролировать зависимую от времени года жизнь общинников. В таких условиях все полномочия власти на местах соединяли в своих руках бии-предводители, которые обеспечивали жизнедеятельность родовому коллективу, в первую очередь, — сохранение кровнородственных отношений, которые служили фундаментом существования общины.

Современные биеведы ясно говорят, что все вопросы внутренней политики, такие как поддержание внутривидового порядка, решение спорных и конфликтных ситуаций, административные вопросы, связанные со сменой мест кочевания, а также вопросы внешней политики, как то: задачи войны и мира, регулирование отношений с другими государствами в интересах своего народа — находились в руках биев-старшин-родоправителей. Являясь одной из серьезных политических сил в обществе, бии оказывали непосредственное влияние на политику верховных правителей.

Изучение различных аспектов внутренней политики Казахского ханства, роли биев в реализации этой политики получили разностороннее освещение

---

¹ Институт биев — орган власти в традиционном казахском обществе, сосредоточивший в своих руках все властные полномочия, в том числе судебные.

в ряде работ. Особенно острые споры ученых вызвал вопрос о полномочиях бийского института в казахском обществе. Одни ученые (Д.Д. Бажиров, Т.И. Султанов и др.) доказывают, что бии в качестве родового предводителя решали вопросы, охватывающие все сферы жизнеустойчивости кочевого организма, т. е. обладали достаточно широкими полномочиями, включая роль распорядителя и управителя общиной; другие ученые (С.З. Зиманов и др.) склонны видеть в биях только судебных вершителей, которые ограничивали поле своей деятельности правовой функцией. Остановимся более подробно на доводах исследователей.

Для традиционного общества, каковым и было в XVII–XIX веках казахское, присуще неразделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Вопрос полноты обладания биев властью зависел от многих факторов, в том числе от древности и знатности рода, от принадлежности к привилегированной группе, личных качеств. Так, Д.Д. Бажиров отмечает, что казахское общество было стратифицированным и делилось на две большие группы — «ақ сүйек» (белая кость) и «қара сүйек» (черная кость). В условиях отсутствия государственного аппарата управления и при этом — наличия патриархальных отношений, у казахов не существовало специального судебного органа — функции судьи выполняли люди, «которые пользовались в обществе уважением за свой ум и неоднократные справедливые, умелые решения спорных дел» [1: с. 105].

В своей работе Д.Д. Бажиров рассматривает важную роль судебной функции биев. Он отмечает, что бии руководствовались не кодифицированным правом, а обычаями, традициями, верованиями казахов. Поэтому зачастую судебные решения биев зависели от личных качеств «судей», их знаний норм обычного права, желания примирить спорящих (истца и ответчика). Примирительная процедура состояла в заключении брака между детьми спорящих сторон, в результате которого «стороны должны помириться» через обет дружбы, предполагавший, что «друзья никогда и ни в чем не отказывали друг другу. Обыкновенно они поочередно приезжали друг к другу, делали “калау” (выбор чего-либо. — Ж.М.) и без всякого отказа получали ту вещь или скотину, которую выбрали. Бии, пользуясь этим обычаем, заставляли тяжущихся обняться и давали право “калау” истцу, а ответчику в свою очередь определяли для приезда за “калау” самый отдаленный срок» [1: с. 126].

Значительный вклад в изучение вопросов социальной структуры казахского общества внесли известные Санкт-Петербургские историки С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов. Работы ученых отличаются лаконичностью, последовательностью в изложении материала, твердостью научных позиций, вне зависимости от политической конъюнктуры, без «метаний из одной крайности в другую» в угоду официальной идеологии. Позволим себе привести выдержки из более ранних работ этих ученых, в которых вопросы традиционной структуры казахского общества созвучны с их же последними исследованиями.

Ведущий специалист по истории Казахстана дореволюционного периода Т.И. Султанов, знаток персидских и тюркских источников, отмечает: «Бии

казахских жузов пользовались некоторыми особыми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала и судебная, и административная власть. Поскольку бии вершили суд, они просто должны были сохранять в памяти действующее право, а это, кстати сказать, предполагает существование в казахском обществе “касты” профессиональных хранителей юридических установлений и толкователей обычного права, в роли которых и выступали бии. Очевидно, не случайно, что все известные ныне ранние записи фрагментов “Жети Жаргы” были произведены в свое время со слов предводителей родов» [8: с. 98–99]. В более поздней совместной работе С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов эти функции (судебную и административную. — *Ж.М.*) дополняют военными полномочиями: они «придавали биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообщаясь на ежегодно созываемое “народное собрание”. Наиболее влиятельные родоначальники входили в “совет биев” при хане» [4: с. 133; 7].

Основную причину привилегированного положения биев С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов видят в том, что они — представители национальной аристократии (в противовес денациональному сословию — чингизидам), выросшие из самых недр родов и племен, впитавшие коренные традиции и обычаи казахского народа, накапливающие и передающие знания из поколения в поколение. Именно бии осуществляли связь времен, обеспечивая формирование кочевого мировоззренческого синкретизма, сформировавшего лучшие качества народа, такие как «выносливость, спокойствие духа, предрасположенность к общению, толерантность к чужому мнению, любовь к человеку, природе. Вся суть кочевнического менталитета заключалась в том, что человек никогда не должен замыкаться в своем мире. Он — существо коллективное, универсальное, принадлежит вселенной» [9: с. 7].

Значительное место в исследованиях Т.И. Султанова занимает уникальный правовой памятник обычного права казахов «Жеті жарғы» (Семь установлений Тауке хана)².

Не вдаваясь в историю создания памятника, обратим внимание в работе Т.И. Султанова на правотворческую функцию биев. Так, ученый отмечает, что

² Считаем, что накопленный учеными исторический материал позволяет провести самостоятельное историографическое исследование этого правового документа. К тому же в работах Ж.О. Артыкбаева и других ученых дана весьма подробная историография данного вопроса, поэтому полагаем, что останавливаться подробно на этой проблеме нет необходимости. См.: Узбекулы С. Хан Тауке и правовой памятник «Жеті Жарғы». Алматы: Өркениет, 1988. 88 с.; Артыкбаев Ж.О. «Жеті Жарғы» — мемлекет және құқық ескерткіші (зерттелуі, деректер, тарихы, мәтіні). Оқу құралы. Алматы: Заң әдебиеті. 2004. 150 б. («Жеті Жарғы» — памятник государства и права (исследование, документы, история, содержание); и др. Среди историков и правоведов, занимающихся изучением законов хана Тауке, нет единого мнения по многим аспектам этого памятника: времени возникновения уложения Тауке хана, авторства «Жеті жарғы», периода действия законов, более того, варианты этого правового документа записаны на русском языке, поскольку казахское право сохранилось благодаря устной традиции.

существует несколько легенд об авторстве «Жети жаргы» [8: с. 64–77], согласно одной из них Тауке хан собрал в урочище Куль-Тобе (современная Южно-Казахстанская область) знаменитых биев (по одной версии трех — Толе би, Казыбек би, Айтеке би, по другой семь — Толе би, Казыбек би, Айтеке би, Караш би, Сасык би, Мухаммед би, Кокым би), которые, соединив старые обычаи (Касым хана и Есим хана) с новыми, создали это установление.

Источники не отмечают роль биев в составлении сводов законов Касым хана и Есим хана, в то же время несколько преданий гласят о том, что одна из основных ролей в аккумуляции правовых обычаев в стройную судебную систему принадлежит именно биям.

Таким образом, накопление знаний и умений многовекового опыта казахского народа позволило биям сосредоточить в своих руках всю полноту власти. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов обращают внимание на один интересный аспект в этом вопросе. Простудировав большой пласт источников, авторы говорят о том, что многие периоды истории остаются пока неизведанными, однако это не мешает ученым выносить на всеобщее обсуждение некоторые проблемные вопросы истории. По мнению ученых, рубеж XVI–XVII веков стал судьбоносным в истории степи. В этот период происходит смена форм социально-политической организации казахского общества — переход от улусной системы объединения племен к жузовой. Факторов, повлиявших на этот изменение, несколько. С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов подчеркивают, что, хотя и не обладают достаточными фактами, «могущими безусловно доказать справедливость нашего вывода», тем не менее они полагают, что первый фактор — включение «в состав территории с древними центрами городской и оседло-земледельческой культуры, создавшими определенные зоны хозяйственного и культурного притяжения для населения окружающих их степей. Вторым фактором, в известной мере являвшимся следствием первого, было формирование аульной системы расселения, хозяйствования и быта. Именно этот процесс особенно очевиден при анализе источников XVII в.» [3: с. 342]. Этот последний фактор сыграл, по-видимому, ключевую роль, так как переход при кочевании от кибиток на колесах к разборным юртам предопределил, наряду с другими факторами генеалогического и территориального свойства, появление таких зон кочевания, которые не совпадали с улусным (административным) дроблением общеказахской территории. И если при улусном кочевании во главе крупных и малых улусов стояли чингизиды-султаны, обладавшие всей полнотой власти, то новые территориально-родовые связи стали толчком к усилению другой группы — элиты «черной кости» — биев, сохраняющей своими знаниями кочевое мироустройство. Такая переориентация властных полномочий не привела к смене общей парадигмы развития казахского общества, однако привела к смене обозначения зональных сообществ: от улуса к жузу.

Выполняя роль связующего звена между кочевниками и носителями политической власти, бии сосредоточивали функцию механизма социально-политического объединения социума, выдвигали инициативы, которые

вливали на верховную власть в целях защиты интересов своей родовой группы. Для достижения этой цели, как считает казахстанский историк А.И. Оразбаева, они осуществляли следующие функции: «Политическую функцию — служила механизмом вертикальной регуляции общественных отношений и средством согласования интересов властных структур, родоплеменной верхушки и различных социальных слоев населения; социально-правовую функцию — исполняла решение гражданских, имущественных, территориальных и иных споров между родами и племенами, с одной стороны, и между членами одного рода и племени; идеологическую функцию — выполняла сохранение, обогащение и передачу национальной культуры; мобилизационную функцию — обеспечивала внешнеполитическую безопасность» [6: с. 99–103].

В XV веке участие биев в решении государственных дел приняло, по мнению ряда ученых (С. Узбекулы и др.), организационные формы. Речь идет о советах биев и ханском совете. В основном современные исследователи опираются на труды дореволюционных авторов, которые, к сожалению, не могут дать ответы на многие вопросы функционирования этих институтов. Отмечаются разные уровни таких советов: они собирались для решения дел как на уровне рода, так и на общегосударственном.

На важную роль таких советов биев при хане обратил внимание известный казахстанский правовед С. Узбекулы [10]. По мнению ученого, реформы Тауке хана охватили практически все стороны жизни кочевников. Хан разделил земли между общинами исходя из природно-климатических условий региона, определил маршруты кочевания таким образом, чтобы перемещающиеся массы кочевников не встречали на своем пути преград в виде других кочевых общин. Подобного рода мероприятия требовали правового упорядочивания отношений как внутри, так и вне кочевой общины. По мнению С. Узбекулы, хан во внутренней политике руководствовался принципами выдвижения на «руководящие должности в государстве мужей инициативных, умных, честных, предприимчивых, пользующихся уважением и доверием народа. Они должны были обладать не только проницательным умом и безукоризненной честностью, но и личным мужеством» [10: с. 91]. Это в свою очередь привело к включению совета биев в процесс управления, и он стал постоянно действующим органом при хане. Полномочия этой структуры были настолько широки, что, как отмечает исследователь, «сам хан не мог аннулировать его решения. Авторитет этого органа был настолько высок, что даже хан Тауке без согласия “Совета биев”, без его утверждения, не мог, не имел права решать государственной важности дела. По своему государственному статусу “Совет биев” имел право оспаривать решение хана на то или иное действие, он являлся как бы Парламентом и Верховным судом в условиях кочевого образа жизни казахов и утверждал решения, принимаемые по вопросам внутренней и внешней политики» [10: с. 92]. Состав совета избирался всенародно и включал представителей старейшин родов. Таким образом, С. Узбекулы

также считает, что prerogatives биев были достаточно обширными, причем особо выделяет среди них правотворческую.

Не менее значимой была судебная функция биев. Отмечая характерные особенности судебного процесса в казахской степи, С. Узбекулы выделяет несколько признаков бийского правосудия: гласность, третейский характер суда, право апелляции, использование доказательной базы (свидетельские показания, присяга и т. д.), примирение конфликтующих сторон по взаимному согласию. «В обычном праве эти действия назывались “Битим”, “Береке” и “Салауат”» [10: с. 119].

Эти процессуально-правовые институты призваны были привести стороны к взаимному согласию, к удовлетворению морального и материального ущерба. *Битим* предполагал завершение спора мирным соглашением, нарушение которого грозило потерей доверия общинников к словам и действиям нарушителя соглашения. *Береке* служило началом всевозможных сделок, выгодных для обеих сторон. *Салауат*, или прощение, происходило при большом стечении народа, когда стороны прощали друг другу обиды и отказывались от своих претензий. Еще одна разновидность примирительных процедур — «жүгініс» (совещание) [2: с. 85]. На таком совещании рассматривались крупные межродовые конфликты, долгосрочные тяжбы и т. п. В таких случаях обе стороны призывали на совещание более опытного, известного своей справедливостью, мудростью бия — «ара бия», который также старался примирить стороны и прийти к взаимовыгодному решению.

Одним из первых современных исследователей, который осветил роль батыров и биев в казахско-джунгарских отношениях, стал известный казахстанский и российский историк В.А. Моисеев (1948–2007). Исследователь отмечает, что период XVII–XVIII веков стал бы трагической страницей в истории среднеазиатских народов «если бы... дело спасения страны не взял на себя сам народ, выдвинув из своей среды выдающихся организаторов-предводителей — Букенбая, Кабанбая, Саурыка, Тайлака, Джаныбека, Малайсары, Утегена и многих др.» [5: с. 78].

Джунгарское нашествие нанесло непоправимый ущерб Степи. Контроль ойратов (джунгар) над юго-восточными и южными районами кочевий казахов привел к нарушению традиционных маршрутов кочевания, что повлияло на обострение межродовых отношений из-за возникшей земельной тесноты, к опустению городских и ремесленных центров, служивших средоточием обмена товарами между среднеазиатскими народами и кочевыми племенами, к нарушению родовых и этнических связей между кочевниками, оказавшимися в разных государственных образованиях. В этот период политической и экономической раздробленности роль элиты «черной кости» — биев и батыров — значительно возросла.

В.А. Моисеев отмечает значимость всеказахских съездов 1710 и 1726 годов, на которых были приняты решения о создании народного ополчения

и организации отпора джунгарам. Особенно исследователь подчеркивает важность съезда, состоявшегося в местности Орда-Басы к юго-востоку от Туркестана в 1726 году. По его мнению, инициаторами созыва собрания являлись, скорее всего, батыры и бии. В том же году они, объединив силы трех жузов, смогли нанести джунгарам серьезное поражение на берегу реки Буланты. После этой битвы народное ополчение «перехватило инициативу и перешло в контрнаступление. В то же время, пусть и незавершенная, победа над столь грозным противником пробудила в казахском народе чувство национальной гордости, значимости единства» [5: с. 79–81].

Таким образом, бии являлись непосредственными носителями военной власти во внешнеполитической области, причем с этим фактом ханам приходилось не только мириться, но и принимать его как реальность.

Казахский хан в военное время выполнял функции главнокомандующего армией, а в мирное время его внешняя политика ограничивалась дипломатической сферой, которая была подконтрольна совету старейшин и носила, скорее всего, формализованный характер. Однако такой вывод, скорее всего, применим к тем историческим периодам, когда власть хана переживала кризис, и хан был вынужден считаться с мнением предводителей родовых подразделений. Но даже и в период расцвета, к примеру, во времена Тауке хана, роль совета старейшин не утрачивала своих позиций. В.А. Моисеев считает: «Чтобы быть избранным в ханы, недостаточно было одного происхождения, необходимо было доказать свое превосходство над соперниками в богатстве, на бранном поле или в судебных делах, а самое главное — иметь под своей властью как можно больше родов, и, следовательно, поддержку родовой знати — биев и старшин. Действительно, реальная власть казахских ханов порой ограничивалась тем поколением, родом или племенем, в котором он был владельцем» [5: с. 89].

Итак, проводившееся учеными углубленное изучение вопросов внутренней и внешней политики Казахского ханства позволяет говорить о том, что бии играли роль связующего звена между всеми структурными уровнями казахского общества и обеспечивали своей деятельностью его укрепление и развитие.

Литература

1. *Бажиров Д.Д.* Материальное производство и социальная структура кочевников Центрального Казахстана (конец XVIII – первая половина XIX века): дис. ... канд. истор. наук. М., 1990. 177 с.
2. *Қазақ елінің сот билігі.* Алматы: Дидар, 2003. 208 с.
3. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. 3-е изд., исправл. и доп. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 432 с.
4. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.
5. *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.

6. *Оразбаева А.* Историческая роль и социальное значение института бийства в истории казахского народа // Саясат. 1997. № 5. С. 99–103.
7. Султанов Т.И. Рождение казахской государственности. История Казахского ханства. Алматы: Мектеп, 2003. 160 с. Сер. «Слово седьмое».
8. *Султанов Т.И.* «Семь установлений» — памятник права казахов XVII в. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. // Вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. С. 64–100.
9. *Тасмагамбетов И.* Введение // Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 3–7.
10. *Узбекұлы С.* Право кочевой цивилизации казахов. Алматы: Мектеп, 2002. 224 с.

References

1. *Bazhirov D.D.* Material'noe proizvodstvo i social'naya struktura kochevnikov Central'nogo Kazaxstana (konecz XVIII – pervaya polovina XIX veka): dis. ... kand. istor. nauk. M., 1990. 177 s.
2. Қазақ елінің сот билігі. Алматы: Дидап, 2003. 208 с.
3. *Klyashtorny'j S.G., Sultanov T.I.* Gosudarstva i narody' Evrazijskix stepej: ot drevnosti k Novomu vremeni. 3-e izd., ispravl. i dop. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2009. 432 s.
4. *Klyashtorny'j S.G., Sultanov T.I.* Kazaxstan. Letopis' trex ty'syacheletij. Alma-Ata: Rauan, 1992. 378 s.
5. *Moiseev V.A.* Dzhungarskoe xanstvo i kazaxi. XVII–XVIII vv. Alma-Ata: Gy'ly'm, 1991. 238 s.
6. *Orazbaeva A.* Istoricheskaya rol' i social'noe znachenie instituta bijstva v istorii kazaxskogo naroda // Sayasat. 1997. № 5. S. 99–103.
7. *Sultanov T.I.* Rozhdenie kazaxskoj gosudarstvennosti. Istoriya Kazaxskogo xanstva. Almaty': Mektep, 2003. 160 s. Ser. «Slovo sed'moe».
8. *Sultanov T.I.* «Sem' ustanovlenij» — pamyatnik prava kazaxov XVII v. Kochevy'e plemena Priarial'ya v XV–XVII vv. // Voprosy' e'tnicheskoj i social'noj istorii). M.: Nauka, 1982. S. 64–100.
9. *Tasmagambetov I.* Vvedenie // Sultanov T.I. Podnyaty'e na beloј koshme. Potomki Chingiz-xana. Almaty': Dajk-Press, 2001. S. 3–7.
10. *Uzbekuly S.* Pravo kochevoj civilizacii kazaxov. Almaty': Mektep, 2002. 224 s.

Z.S. Mazhitova

On Functions of Biys¹ in Kazakh Society:

Some Approaches of the Current Russian and Kazakh Researchers to the Issue

The article considers the approaches of current researchers regarding the issues of functional features of the biys institution. The scientists point out that biys in Kazakh society concentrated in their hands a wide range of authorities which allowed them to govern the nomadic society.

Keywords: modern Russian and Kazakh historiography; biys' court; biys' functions.

¹ Institute of biys is the authority in the traditional Kazakh society, which concentrated in its hands all the imperious powers, including the judiciary.

Е.М. Копоть

Антиохийская православная церковь и русское присутствие в Сирии при патриархе Герасиме (1885–1891 гг.)

Статья посвящена деятельности Антиохийского патриарха Герасима и русскому влиянию на жизнь патриархата в этот период. Анализ материалов Архива внешней политики Российской империи позволяет по-новому взглянуть на проблему греко-арабского противостояния в Антиохийской церкви, русского влияния на ее жизнь и дать более взвешенную оценку личности патриарха Герасима, используя ранее не известные факты из истории Антиохийского патриаршего престола конца 80-х – начала 90-х годов XIX века.

Ключевые слова: Христианский Восток; Россия и Православный Восток; Сирия; Антиохийский патриархат; греко-арабское противостояние в Антиохии; православные арабы.

История Антиохийского патриархата и его контактов с Россией в конце XIX века изучена сравнительно неравномерно. Классическую работу английского историка Дерек Хопвуда отличает заметная узость источниковой базы [12], а отечественную историографию в целом характеризует небольшое количество специальных работ, посвященных данной теме [5; 6; 10]. Между тем ключевые сюжеты XIX – начала XX века, такие как противостояние «пасущих и пасомых» и арабская церковная революция 1898 года, которым традиционно уделяется пристальное внимание, не могут быть корректно интерпретированы без рассмотрения предшествовавшего периода. Малоисследованными оказываются 80–90-е годы XIX столетия — время правления патриарха Герасима (1885–1891 гг.). Использование материалов Архива внешней политики Российской империи (ф. 180 «Посольство в Константинополе», ф. 208 «Консульство в Бейруте», ф. 337/2 «Российское Императорское Православное Палестинское Общество») и Российского государственного исторического архива, в том числе впервые вводимых в научный оборот, позволяет в новом свете представить ряд дискуссионных проблем. Среди них наиболее сложными являются вопрос о масштабах русского влияния в Сирии, характере греко-арабского противостояния в Антиохийской церкви, виновницей которого зачастую изображается Россия¹, оценка личности и деятельности патриарха Герасима.

¹ Так, Д. Хопвуд замечает, что «рост национального самосознания, желание арабов отстаивать свою независимость и собственную идентичность взлелеяны Россией, которая всегда была готова ловить рыбу в мутной воде» (Hopwood D. Op. cit. P. 159), тем самым прямо обвиняя ее в разжигании филетической розни между греками и арабами Антиохийского патриархата. Необходимо подчеркнуть, что как в работе Н.Н. Лисового, так и М.И. Якушева отчетливо прослеживается влияние оценок Д. Хопвуда.

После подчинения Сирии Османской империей в 1516 году местное православное население было включено в состав общеимперского сообщества верующих — православного миллета. Его возглавлял Константинопольский патриарх, выступавший в качестве духовного и отчасти светского лидера всех православных христиан [2: с. 30–32]. Выполняя важные функции при османском дворе и пользуясь столичным положением, греки-фанариоты² стали доминировать в иерархии поместных церквей империи, в том числе Иерусалимского и Антиохийского патриархатов.

В таких условиях Антиохийская церковь к середине XIX века превратилась в своеобразный периферийный «филиал» монастыря Святого Гроба Господня в Иерусалиме (Святогробского братства) — замкнутой греческой монашеской корпорации, из среды которой выходили патриархи для соседнего патриаршего престола. Русский генеральный консул в Бейруте К.Д. Петкович так описывает сложившиеся между этими церквями отношения: «Они (Патриарх Герасим и Монастырь Св. Гроба Господня. — *Е.К.*) желают, чтобы Антиохийский престол был навсегда связан с Иерусалимским, чтобы можно было, между прочим, сбывать туда выгодным и почетным образом Епископов, оказывающихся беспокойными и опасными соперниками и соискателями в Иерусалиме» (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 247). Внутри Святогробского братства царил дух жесточайшей конкуренции, легко объяснимой тем, что палестинские святыни, превратившись в доходные места, сулили немалые выгоды их держателям. Достаточно сказать, что состояние игумена храма Св. Гроба Господня в конце XIX века оценивалось в 5 млн франков, а годовой доход Иерусалимской патриархии в 1892–1893 годах составлял 1550 тысяч франков (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3363. Л. 109 об.). Настоятельство в монастырях у знаменитых мест поклонения и патриарший престол в Иерусалиме становились предметом соперничества и объектом купли-продажи среди монахов братства. Проигравший в этой борьбе вытеснялся в соседний, менее престижный Антиохийский патриархат, доходы которого за 1885–1891 годы составили всего 1,5 млн пиастров (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 106 об.). Неудивительно, что на такое перемещение иерархии смотрели как на почетную ссылку, мечтая вернуться в Иерусалим.

Итогом сложных взаимоотношений Дамаска и Иерусалима стала ситуация, когда во главе арабской паствы Антиохийского патриархата в течение XIX века стояли выходцы из святогробского греческого монастыря Иерофей (1850–1885 гг.), Герасим (1885–1891 гг.), Спиридон (1891–1898 гг.), бывшие ранее претендентами на патриаршую кафедру в Иерусалиме.

В полной мере «святогробская» корпоративная культура нашла отражение в судьбе и деятельности патриарха Герасима. После смерти Антиохийского патриарха Иерофея, управлявшего церковью 35 лет, местные архиереи не смогли выдвинуть из своей среды единого кандидата, что дало возможность

² От названия квартала Фанар, в котором находилась резиденция Константинопольского патриарха в Стамбуле.

Иерусалимскому патриарху Никодиму выставить кандидатуру Скифопольского митрополита Герасима, являвшегося серьезным конкурентом ему самому. Не жалея денег на бакшиши генерал-губернатору дамасского вилайета Хамди-паше, директору политического департамента Халиль-эфенди-Хури и дамаским старшинам, патриарх Никодим в 1885 году истратил на выборы Герасима более 3000 турецких лир (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1334. Л. 87–87 об.) и даже передал новоизбранному патриарху 1000 турецких лир на путевые расходы. При таких обстоятельствах 29 мая 1885 года патриарший престол «великаго Божьяго града Антиохии и всего Востока» занял греческий подданный родом с полуострова Пелопоннес, хорошо образованный, владевший арабским языком секретарь Иерусалимского патриарха Герасим (Протопапас)³ (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1333. Л. 75).

Перед «лишенной красок», по мнению английского историка Д. Хопвуда [12: р. 163], личностью нового Антиохийского патриарха встали вопросы защиты интересов православного населения перед Османским правительством, борьбы с католической пропагандой, замещения вдовствующих митрополичьих кафедр, открытия духовной семинарии.

В случаях частых притеснений сирийских христиан как со стороны мусульман, так и воинственных друзов Ливана и Хаурана именно патриарх являлся главным ходатаем перед Османским правительством о защите своей паствы. Новоизбранный патриарх весьма примечательно проявил себя в этом качестве.

24 января 1888 года в христианском квартале Мазраа в Бейруте произошла массовая драка христиан и мусульман. Причиной столкновения кроме обычной неприязни между христианами и мусульманами стало еще и враждебное отношение (на почве контрабанды) христианского населения к сторожам «табачного откупа, которые вербуются исключительно между мусульманами» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 53). Мусульмане собрались в квартале Мазраа, «чтобы наказать молодых людей, христиан, которые за несколько дней раньше оказали сопротивление нападению, сделанному на них со стороны мусульман, гвардионов табачного откупа». В результате самих беспорядков и дальнейших

³ Протопапас Константин (1839/41, Астрас (Пелопоннес) — 9.02.1897, Иерусалим). Племянник Лиддского архиеп. Герасима; по обычаю Святогробского братства, в детском возрасте был вызван им в Палестину для приготовления к духовной карьере. Обучался в школе монастыря Св. Креста под Иерусалимом и на математическом факультете Афинского университета. По возвращении в Палестину (1866 г.) преподавал в Крестной школе. Ок. 1870 г. принял монашеский постриг с именем Герасим и был возведен в сан архимандрита. После 1873 г. Герасим занимал различные посты в аппарате Иерусалимской патриархии, с 1877 г. титулярный митр. Филадельфийский. От имени Иерусалимского патриархата участвовал в работе Берлинского конгресса 1878–1879 гг., добиваясь возвращения святогробских имений, конфискованных в 1863 г. в Румынии. Впоследствии пребывал в Стамбуле в должности представителя Иерусалимской патриархии. Во время борьбы за замещение Иерусалимского престола в 1882–1883 гг. выдвигался кандидатом на патриаршество, активно выступал против кандидатуры Никодима. Никодим после избрания в патриарха поторопился убрать Герасима из Стамбула и в 1884 г. отозвал в Палестину, возведя в сан митрополита Скифопольского [7: с. 154].

действий по их подавлению со стороны солдат и жандармов больше всего пострадали христиане, в числе которых было более 30 раненых, двое из которых умерли (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 53 об.).

Основательница русской православной школы в Бейруте М.А. Черкасова оказалась свидетельницей разыгравшегося 22 января первого столкновения: «Я слышала крики и плач и думала сначала, что это пожар... не замечая ни с какой стороны ни пламени, ни дыма, спрашиваю: да где же огонь? — Какой огонь! Не огонь, а убийство, дерутся, стреляют, ранят, мучат, убивают; помощница плачет, прислуга боится, старик-сторож хотя и бодрится, но, видимо, тоже трусит... Сегодня утром собрались некоторые детишки и все с испуганными лицами... и видимо некоторые из старших девочек пришли сегодня лишь для того, чтобы поговорить об этом, выразить свое сожаление и сочувствие, что я одна здесь, что они боятся, как бы меня не убили» (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 62–62 об.).

Кроме того, введенные в беспокойный квартал плац-комендантом Османпашой солдаты, «бесновавшиеся в квартале Мазраа» «под предлогом охранения общественного спокойствия», еще в течение недели оставались там, предаваясь грабежу имущества в домах и лавках (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 52). Родители детей в отчаянии искали последней защиты у М.А. Черкасовой, которой, дабы не навлечь на себя подозрения в политических интригах, приходилось отсылать их в консульство, говоря: «Дело не мое, мое дело — школа, а вы можете обращаться к консулу. На этот совет они приходят чуть не в отчаяние, с плачем выкрикивая: все нас отсылают от себя: один консул к другому, а этот к митрополиту и вы тоже, а нам есть нечего; малые дети хлеба просят, а у нас и муки нет, наши поденщики-работники мужья до семидесяти человек в тюрьме засажены, а если в какой семье и остался кто-либо из мужчин, то он или лежит, изнемогая от ран, или прячется где либо в доме, боясь выйти и попасться на глаза Туркам. По ночам солдаты врываются к нам в дом, под предлогом обыскивания укрывающихся, и отбирают у нас последний кусок хлеба, поедая сваренную пищу и побивая после посуду» (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 69 об.) К.Д. Петкович советовал М.А. Черкасовой не слушать жалоб и не подавать повода к подозрению со стороны турецких властей⁴.

Под влиянием бейрутского кади Рамиз-бея бейрутский мутесариф Несухи-бей, стремясь оправдать жестокости при восстановлении порядка,

⁴ Это была трудноисполнимая рекомендация, так как в среде православных доминировали ожидания от единой России спасения от турецкого владычества. В 1897 г. А.Е. Крымский, оказавшись в Табише (на Ливане), был встречен вопросом молодой ливанки: «Когда же русские придут забрать нас?» Этот вопрос, как он замечает, «был предложен тоном совершенно беззаботным, просто в силу привычки». Когда же он поинтересовался, почему русские должны забрать их, ливанка не задумываясь ответила: «Да ведь мы — русские подданные, московские» [4: с. 175]. «А иные крестятся и говорят: Мы Москоб, то есть православные, что однозначуще для них», — фиксировала то же отношение населения М.А. Черкасова в 1888 г. (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 71 об.).

представил дело как бунт христиан против власти (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 52). В итоге 87 христиан были привлечены к суду (впоследствии благодаря взятке в 10 000 фр., собранной общиной, виновными были признаны только 20, из которых лишь четверых заочно приговорили к каторжным работам) (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 128), что вызвало протесты российского посольства в Константинополе. Первый драгоман посольства И.А. Иванов провел переговоры как с Великим визирем Камиль-пашой⁵, высказавшимся в пользу беспристрастного разбирательства дела Рамиз-беем (пометка на секретном донесении № 48 Генерального консула в Бейруте в посольство в Константинополе от 16 февраля 1888 года: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 51), так и с министром иностранных дел Саид-пашой, который, имея опыт службы в Бейруте, согласился с доводами посольства об отсутствии христианского мятежа и обещал ходатайствовать перед министром внутренних дел (пометка на донесении № 147 Генерального консула в Бейруте в посольство в Константинополе от 8 августа 1888 г.: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 158).

В то же время совершенно неожиданной для всех оказалась позиция патриарха. По желанию сирийского вали Нашид-паши, старавшегося найти в этом деле иностранную интригу, он «прислал в Бейрут своего архимандрита Афанасия... и советовал православным старшинам и духовенству держать себя подальше от Консулов (от русского!) и не допускать жителей к каким бы то ни было протестам и жалобам против местных властей, вместо того, чтобы самому протестовать энергично и пожаловаться перед Генерал-Губернатором и Портою против тяжких обвинений, взводимых Бейрутскими властями... на православных Сирийцев», что выясняется из секретного донесения № 48 от 16 февраля 1888 года генконсула в Бейруте К.Д. Петковича императорскому послу в Константинополе А.И. Нелидову (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 56 об.). Не желая оставаться под бременем обвинений в мятеже, община во главе с митрополитом Гавриилом (Шатилой) решила отправить депешу султану с выражением своих верноподданных чувств. Ее проект был послан к патриарху «вместе с письмом от Митрополита и старшин, в котором заключалась просьба к нему о поддержке и изложение жалобы на разные поступки и действия местных властей и местных мусульман. Его Блаженство удержал у себя проект депеши, а письмо поспешил сообщить лично Сирийскому Генерал-Губернатору, который в свою очередь переслал его Бейрутскому Мутесарифу к сведению и руководству» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 57–57 об.). Такой беспрецедентный поступок, о котором община узнала через православного драгомана мутесарифа, вызвала соответствующую реакцию:

⁵ Камиль-паша Кыбырлы (1822–1913) — видный государственный деятель Османской империи, в 1885–1891 гг. великий визирь. Уроженец о. Кипра (отсюда его прозвище Кыбырлы, т. е. киприот. Во внешней политике Камиль-паша на всем протяжении своей деятельности ориентировался на Англию. По отношению к другим великим державам, в том числе к России, Камиль-паша занимал сдержанную, но в общем уступчивую позицию [1: с. 854–855].

«Все старшины глубоко возмущены и опечалены таким поступком со стороны своего высшего духовного Пастыря и называют его не иначе, как явною изменою или искательством перед Генерал-Губернатором, для зарекомендования своего усердия и своей верности ценою пренебрежения или жертвования интересов всей своей паствы» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 58).

Подобное поведение Герасима (Протопапаса) можно считать довольно характерным. Во все время управления патриархатом он крайне неохотно шел на конфликт с турецкими властями. Боясь быть обвиненным в контактах с русским консульством, он оставлял дело защиты своей православной паствы российскому посольству в Константинополе. Так, в ходе разбирательства по данному делу генерал-губернатор Ливана Васса-паша на запрос от Порты категорически отвечал, что «в этом инциденте не было ни бунта, ни чего-либо другого, похожего на политическое дело или преступление» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 53). Это сравнение неизбежно приводит к неутешительному выводу о том, что патриарх Герасим старался быть «турком» более, чем сами турки.

Похожей тактики он придерживался и в отношениях с католиками. После появления в 1886 году в Бейруте брошюры греко-католиков (униатов), порочащей православную общину, русскому генеральному консулу «стоило больших усилий убедить его в необходимости повидаться с Сирийским Генерал-Губернатором, чтобы обратить его внимание на интриги и действия униатов против православной церкви» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1334. Л. 55 об.). Итогом таких нерешительных действий со стороны иерарха стало появление нескольких «анонимных писем, в которых упрекают его в лени и бездействии, а также в пренебрежении существенными правами и интересами Православной Церкви и православных жителей, к ограждению и охранению которых он призван» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1334. Л. 54 об.-55). Объяснение такому стилю поведения современники находили в нерешительности характера патриарха или в незнании им турецкого языка. Однако такой взгляд, как кажется, не учитывает некоторые особенности биографии патриарха и прежде всего его желание занять куда более привлекательную иерусалимскую кафедру. С этой точки зрения, политика (пусть и в ущерб интересам паствы), исключая возможность обвинения его Портой в русофильстве или неблагонадежности, представляется практически безупречной.

В вопросах финансовых патриарх был заметно активнее. Герасим на первом же собрании Синода в 1885 году обратился к митрополитам с просьбой о двукратном увеличении ежегодного приношения от епархий («нурии») (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1333. Л. 108 об.). В целях увеличения доходов он совершил объезд всех епархий, до того не видевших своего архипастыря (Иерофея) более тридцати лет. Начав с Хамы, он посетил Хомс, Хусн, Сафиту, Аккар, Триполи, Куру (на Ливане), Латакию и Антиохию, Бейрут. Это путешествие принесло ему около 1000 тур. лир, из которых больше половины было отдано в счет долгов Герасима в Иерусалиме и Константинополе (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 60 об.). Причины долгов скрывались в общей культуре иерусалимского

греческого монастыря, довольно метко схваченной в главных чертах В.Н. Хитрово в 1881 году: «Каждый ведет борьбу против всех, с целью получить более доходное место, а при случае патриаршее достоинство, а так как для всякой борьбы, для всякой интриги, а особенно на востоке, необходимы деньги, то погоня за ними сделалась, к крайнему прискорбию, отличительною чертою большинства членов святогробского братства» [8: с. 63].

Характерным в данном контексте оказалось судебное разбирательство, причиной которого было стремление патриарха завладеть доходами Антиохийского подворья в Москве.

С 1879 года Антиохийским патриаршим подворьем в Москве заведовал архимандрит Христофор (Джибара), который «оказался патриотом» и сумел за семь лет своего управления выстроить на территории подворья несколько домов, чем увеличил его доходы более чем в пять раз (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 799). Узнав об увеличении доходов и «желая распоряжаться ими бесконтрольно», Герасим отрешил от должности настоятеля и попытался заменить его одним из монахов Святогробского братства, чем спровоцировал длительный конфликт с участием российского Св. Синода.

В контексте историографической проблемы «греческой ксенократии» в Антиохийском патриархате важно отметить следующую деталь. Во время объезда патриархата в 1887 году Герасимом был рукоположен Епифанийский (Хама) епископ Григорий, молодой (чуть более 30 лет) араб, уроженец Дамаска, который являлся братом архимандрита Христофора (Джибара).

Подводя итог этой стороне деятельности патриарха Герасима, нужно подчеркнуть тот факт, что «когда Герасим приехал в Дамаск в 1885 году, у него не было денег даже на путешествие, а когда оставил патриарший престол, оказалось, по счетным книгам Патриархии, что через его руки прошло 1 ½ миллиона пиастров гласных патриарших доходов» (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 106–106 об.). При этом патриарх всеми силами старался избегать каких-либо трат на общественные нужды.

Усилия католической и протестантской пропаганды, открытие миссионерами общедоступных («даровых») школ и коллегий ставили на повестку дня вопрос об учреждении в пределах Антиохийского патриархата духовной семинарии. «Униаты, которых число в Сирии не превышает 60 тысяч душ, имеют две духовные семинарии и несколько высших светских коллегий, а в пределах православной Антиохийской патриархии, с православным народонаселением в 300 тысяч душ, — не имеется ни одной духовной семинарии, и никаких светских высших училищ», — доносил 28 июля 1893 года генеральный консул в Бейруте вице-директору Азиатского департамента МИД Д.Л. Лисовскому (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 585).

С 1885 года патриарх Герасим публично обещал открыть в Дамаске патриаршую семинарию, однако под предлогом нехватки средств не выполнил этого вплоть до своего отъезда в Иерусалим. Как образно описал эту ситуацию

российский консул в 1886 году, его просят дать хлеб насущный, а он отговаривается тем, что не может «дать жареных фазанов» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1334. Л. 53 об.). Дело, как представляется, было не в том, что умный и образованный Герасим не понимал необходимости этой меры. В июле 1887 года, после поездки по епархиям, он так описывал состояние вверенной его попечению паствы: «Нельзя без сокрушения сердца говорить о глубоком невежестве народа и духовенства... Я сам никогда не мог бы поверить, что может существовать в Сирии такое состояние, если бы своими глазами не видел всего этого и своими руками не коснулся его» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1335. Л. 115). В то же время, принимая во внимание только официальные доходы патриархии, нельзя сказать, чтобы Герасим был лишен возможности открыть хотя бы небольшую семинарию. Таким образом, единственным мотивом, объясняющим поведение патриарха, можно считать его нежелание совершать траты на местные нужды, имея в виду какие-то будущие цели. «Все Патриархи, выходящие из Святогробского греческого монастыря, действующие в Сирии, не обращали и не обращают никакого внимания на религиозные и общественные интересы местного православного народонаселения. Так как все заботы их обращены главным образом на приобретение как можно больше денежных средств, то упадок православия и уменьшение православной паствы не особенно беспокоили их. Напротив, они рады были бы, чтобы число местных православных уменьшилось бы, в том предположении, что чем меньше будет православных, тем меньше они будут тратить... на поддержание православия и православных», — писал в преддверии выборов нового патриарха в 1891 году К.Д. Петкович, имея в виду резкое расхождение интересов России и святогробских иерархов в Сирии (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 117–117 об.).

Отсутствие семинарии было тем более ощутимым, что при освобождении митрополичьих кафедр их было нечем замещать, за неимением подготовленных кандидатов.

За шесть лет патриаршествования Герасима из-за смерти архиереев оказались вакантными митрополии Епифанийская (Хама), Эмесская (Хомс), Селевкийская (Захле), Триполийская, Амидская (Диарбекир), Аркадийская (Аккар), а также переданная в ведение Антиохийской церкви Веррийская (Алеппо) епархия, бывшая до этого в юрисдикции Константинопольского патриархата. Исходя из расхожих представлений об определяющем влиянии националистического мировоззрения на жизнь Антиохийской церкви, можно было бы ожидать замещения митрополичьих кафедр «святогробскими» греками. Однако здесь мы бы ошиблись. На все кафедры были назначены местные уроженцы-арабы, за исключением грека Никодима, который принадлежал к местному клиру и был дьяконом покойного патриарха Иерофея, а затем игуменом монастыря Св. Пророка Илии.

Ответ на вопрос, почему иерусалимские греки не занимали кафедр в Антиохии, лежит в простом сравнении доходов. Например, Веррийской (Алеппо)

епархии на содержание местного епископа выдавалась из Константинополя субсидия в 12 тысяч пиастров (около 3 тыс. фр.) в год (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1337. Л. 112 об.), в то же время доход скевофилакса⁶ храма Св. Гроба Господня превышал 700 тыс. франков. Аналогичные пропорции были в доходах и других митрополитов. Для святогробцев подобное служение могло казаться скорее суровой ссылкой, чем почетным назначением. Греческий иерарх мог взяться за эту ношу либо из соображений фанатичного панэллинизма, либо при материальной поддержке патриарха. Ни того ни другого не наблюдалось. Поэтому единственными претендентами на места епархиальных начальников оказывались или местные уроженцы, или архиереи из греков Антиохийского патриархата, желавшие перемены своей митрополии на епархию с более многочисленной и состоятельной паствой, которая могла бы давать им средства к существованию. В итоге к 1891 году в Триполи, Хаму, Хомс и Захле были назначены митрополитами сирийские уроженцы. Это были Григорий Хаддад, Григорий Джибара, Афанасий Аталла и Герасим Яред соответственно.

Характерна ситуация, сложившаяся в Алеппо. В 1889 году Синодом и патриархом на должность митрополита был избран дамаский уроженец архимандрит Герасим (Масарра), управлявший приходом в Александрии (в Египте). Однако зная, что епархия очень бедна и что патриарх Герасим не может выдавать ему того пособия, которое ранее отпускалось из Константинополя, Герасим (Масарра) отказался принять предложенную ему епархию. Как доносил по этому поводу в Петербург российский консул: «...он предпочел остаться в Александрии с простым титулом Архимандрита, чем бедствовать в Алеппо с громким титулом Митрополита» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1337. Л. 113). Впоследствии данная кафедра была предложена диакону Бейрутского митрополита Гавриила — Григорию (Хаддаду), но и это предложение постигла аналогичная участь. До своего отъезда в Иерусалим Герасиму так и не удалось найти желающего занять Веррийскую (Алеппо) кафедру. Иными словами, предположив (в духе Д. Хопвуда) наличие развитой арабской национальной идеи среди духовенства патриархата, его готовность к самопожертвованию в борьбе с эллинским засильем, мы бы рисковали не найти этому ни одного примера. Арабские архимандриты предпочитали оставлять митрополичьи кафедры вакантными, нежели рисковать своими доходами.

В то же время все филэллинство патриарха Герасима выразилось в переводе митрополита Никодима из бедного Диарбекира, насчитывающего не более 1000 душ православных, в освободившуюся Аркадийскую епархию. Более того, после его отъезда в Иерусалим две епархии так и остались вакантными (Веррийская и Амидская), а третья (Эрзерумская) управлялась престарелым и недееспособным архиереем (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 177).

⁶ Скевофилакс (*греч.* сосудохрани́тель) — духовное лицо, которому поручалось хранить священные сосуды и церковную утварь [9]. В действительности же он управлял всей хозяйственной жизнью патриархии.

Поэтому ситуация, при которой большинство Синода составляли местные уроженцы арабской национальности, выглядит естественно, если принять во внимание, что других претендентов на епархии Антиохийской церкви, не имевших доходных святынь, просто не существовало.

Одновременно и со стороны митрополитов-арабов вряд ли можно усмотреть пробуждение национального чувства. Их наиболее активная часть стремилась скорее к перемене своей епархии на более выгодную, нежели к борьбе за арабское единство. Эдесский митрополит Агапий (*in partibus*)⁷ — один из виновников Триполийской церковной распри — готов был оставаться без епархии, но при патриархе (греке Иерофее), чем стать Директором православной коллегии в Кефтине на Ливане. Впоследствии он использовал поддержку патриарха-грека Герасима для смещения законного митрополита Софрония (Наджара) [3: с. 83–94]. Не лучше был и принявший русское подданство в 1876 году Селевкийский (Захле) митрополит Герасим (Яред), который участвовал в Триполийской расправе с целью перейти из Захле в Триполи (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 57 об.). Во всех случаях их соперниками были митрополиты арабской национальности.

В результате святогробских интриг в августе 1890 года был смещен Иерусалимский патриарх Никодим, а его место в 1891 году занял Антиохийский патриарх Герасим. «Единственное важное событие, совершившееся во время его патриаршества в Сирии, — это возвращение Антиохийской Патриархии Алеппской Епархии; но нельзя сказать также, чтобы это воссоединение было к добру, потому что пока эта Епархия зависела от Вселенского Патриарха, имела своего Архиерея, а теперь остается без онаго», — так скептически описывал его управление К.Д. Петкович (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 165–165 об.).

Подводя итог, необходимо сказать, что деятельность патриарха Герасима, «хорошо образованного, умного, набожного и незлого человека» (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 161), как его характеризовал наш бейрутский дипломатический агент, была производной от общих отношений между Иерусалимом и Дамаском. Стремление всеми возможными средствами (в том числе и сопряженными с нарушениями церковного мира, как, например, в Триполи) увеличить свои доходы и свести к минимуму любые траты (в виде открытия духовной семинарии), боязнь испортить в глазах Порты свою репутацию благонадежного подданного, вкупе с последующим его избранием патриархом Иерусалимским, могут найти объяснение лишь в контексте отношения патриарха к своему избранию на Антиохийский престол как явлению временному. При этом версия об идеологии панэллинизма (иными словами, обвинение в филетизме) как основе его деятельности не находит своего подтверждения при рассмотрении вопроса о замещении вакантных митрополичьих кафедр.

⁷ *In Partibus* (сокр. от *lat. episcopus titularis in partibus infidelium* — «титularный епископ в стране неверных») — обозначение титулярного митрополита, не имеющего своей епархии, носящего историческое название города, которого уже не существует или находящегося на неправославных территориях. В последующем сохраняло память о христианских территориях, попавших в руки неверных (Boudinhon A. *In partibus infidelium* // *The Catholic Encyclopedia*. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/08025a.htm>).

Таким образом, главным недостатком «святогробского» патриарха оказывается не его принадлежность к греческой нации, а сознание преходящего характера его правления в Дамаске. Не имея ничего против рукоположения митрополитов-арабов, особенно если это сопровождалось денежными подношениями (как в Триполи), он под любым предлогом отказывался заниматься проблемой духовной семинарии и образования в епархиях, что не могло не отражаться негативно на церковной жизни патриархата.

Выходом из сложившейся ситуации мог стать патриарх, избранный из числа членов местного Синода, который видел бы благо Антиохийской церкви своим благом, к какой бы нации он ни принадлежал. Придерживаясь такого взгляда, Россия стремилась через консульскую защиту (пример — инцидент в Мазраа), обучение сирийцев в русских духовных семинариях (Герасим Яред и др.), материальную помощь, улажение церковных конфликтов (Триполи) к сохранению сирийского православного населения, не без основания считая, что «главные опоры и основы нашего влияния на Востоке составляли и составляют еще православие и православные. Где этих основ не имеется, там мы чувствуем себя изолированными и не имеем под собою надежной материальной почвы» (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 445 об., 446). Целью русской политики было сбережение православного населения, его воспитание в религиозном духе вне зависимости от его этнической принадлежности.

Литература

1. Дипломатический словарь / Ред.: А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. 855 с.
2. Иванов Н.А. Система миллетов в Арабских странах XVI–XVII вв. // Восток. 1992. № 6. С. 29–40.
3. Копоть Е.М. Триполийская церковная распря (1887–1890) в контексте русского влияния в Антиохийском Патриархате в конце XIX в. (по материалам АВПРИ) // Вестник Московского ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2012. № 4. С. 83–94.
4. Крымский А.Е. Письма из Ливана. 1896–1898. М.: Наука, 1975. 342 с.
5. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 512 с.
6. Панченко К.А. Взаимоотношения османского правительства и православной общины Арабского Востока в XVI – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 334 с.
7. Православная энциклопедия. Т. 11. М.: Православная энциклопедия, 2006. 752 с.
8. Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Православный Палестинский сборник. Т. 1. Вып. 1. / Издание В.Н. Хитрово. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1881. 132 с.
9. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1910. 574 с.
10. Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013. 536 с.
11. Boudinhon A. «In partibus infidelium». The Catholic Encyclopedia. Vol. 8. NY: Robert Appleton Company, 1910. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/08025a.htm>.
12. Hopwood D. The Russian presence in Syria and Palestine. 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Oxford: Clarendon Press, 1969. 232 p.

References

1. Diplomaticeskij slovar' / Red.: A.Ya. Vy'shinskij, S.A. Lozovskij. T. 1. M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry', 1948. 855 s.
2. *Ivanov N.A.* Sistema milletov v Arabskix stranax XVI–XVII vv. // *Vostok*. 1992. № 6. S. 29–40.
3. *Kopot' E.M.* Tripolijskaya cerkovnaya rasprya (1887–1890) v kontekste russkogo vliyaniya v Antioxijskom Patriarxate v konce XIX v. (po materialam AVPRI) // *Vestnik Moskovskogo un-ta*. Ser. 13: Vostokovedenie. 2012. № 4. S. 83–94.
4. *Kry'mskij A.E.* Pis'ma iz Livana. 1896–1898. M.: Nauka, 1975. 342 s.
5. *Lisovoj N.N.* Russkoe duxovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. M.: Indrik, 2006. 512 s.
6. *Panchenko K.A.* Vzaimootnosheniya osmanskogo pravitel'stva i pravoslavnoj obshhiny' Arabskogo Vostoka v XVI – nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk. M., 1996. 334 c.
7. *Pravoslavnaya e'nciklopediya*. T. 11. M.: Pravoslavnaya e'nciklopediya, 2006. 752 s.
8. *Xitrovo V.N.* Pravoslavie v Svyatoj Zemle // *Pravoslavnyj Palestinskij sbornik*. T. 1. Vy'p. 1. / Izdanie V.N. Xitrovo. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1881. 132 s.
9. *Chudinov A.N.* Slovar' inostranny'x slov, voshedshix v sostav russkogo yazy'ka. SPb.: Izdanie V.I. Gubinskogo, 1910. 574 s.
10. *Yakushev M.I.* Antioxijskij i Ierusalimskij patriarxaty' v politike Rossijskoj imperii. 1830-e – nachalo XX veka. M.: Indrik, 2013. 536 s.
11. *Boudinhon A.* «In partibus infidelium». *The Catholic Encyclopedia*. Vol. 8. NY: Robert Appleton Company, 1910. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/08025a.htm>.
12. *Hopwood D.* *The Russian presence in Syria and Palestine. 1843–1914. Church and Politics in the Near East*. Oxford: Clarendon Press, 1969. 232 p.

E.M. Kopot

**The Orthodox Church of Antioch and Russian Presence
in Syria under Patriarch Gerasimos (1885–1891)**

The article is devoted to the activities of the Patriarch of Antioch Gerasimos and Russian influence on the live of Patriarchate in this period. Analysis of materials of Foreign Policy Archives of the Russian Empire allows us to take a fresh look at the problem of Greco-Arab confrontation in Antioch Church, Russian influence on its life and give a more balanced assessment of the personality of the Patriarch Gerasimos, using previously unknown facts from the history of the patriarchal See of Antioch in late 80s – early 90s of the 19th century.

Keywords: Christian East; Russia and the Orthodox East; Syria; the Patriarchate of Antioch; Greco-Arab confrontation in Antioch; the Orthodox Arabs.

С.Л. Кузьмин

Русско-Монгольское соглашение 1912 года и независимость Монголии

Обсуждается история подписания в столице Монголии — Нийслэл-хурэ (Урге) Русско-Монгольского соглашения (или договора) 21 октября/3 ноября 1912 года. Это первое соглашение, подписанное Россией и Монголией после провозглашения ею независимости от империи Цин. Показано, что причиной провозглашения независимости Монголией в 1911 году были не попытки России превратить ее в свою колонию, а «новая политика» империи Цин, проводившаяся с целью китаизации вассальных и зависимых стран монголов, тибетцев и мусульман. По содержанию, способу выработки и заключения это был документ о создании независимого государства, каковым его и считали монголы, а также многие эксперты того времени и китайские власти. Русский и монгольский варианты имели терминологические различия, самым существенным из которых было признание автономии (в русском варианте) или независимости (в монгольском варианте) относительно Китая.

Ключевые слова: Монголия; Россия; Цин; империя; независимость; автономия; международные отношения; соглашение; договор.

В 1911 году Внешняя Монголия, являвшаяся вассалом империи Цин, объявила независимость как монархическое государство под властью великого хана, которым монголы возвели главу своей буддийской церкви — Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухту VIII. Власти нового государства объявили о реинтеграции Внешней Монголии (Халхи) с Внутренней, которая находилась под более сильным цинским контролем.

Почему это произошло? Создавая империю Цин, маньчжуры на разных основаниях включали в нее земли Монголии, к тому времени уже несколько столетий раздробленной на самостоятельные и зачастую враждовавшие уделы. Одним из результатов этих раздоров стало то, что князья Внешней Монголии, над которой нависла угроза завоевания Джунгарским ханством западных монголов, признали над собой сюзеренитет маньчжурского императора. Произошло это на сейме в Долон-норе в 1691 году. Решения сейма не были закреплены письменным актом. Тем не менее собравшимся был оглашен указ императора Сюаньэ (девиз правления — Канси) о решении организовать Халху «по одному образцу с 49 знаменами [Южной Монголии] и... титулы также сделать одинаковыми с 49 знаменами» [9]. Многие монгольские князья, не согласные с этим, перекочевали в Россию.

В империи Цин, наиболее крупной частью которой был завоеванный маньчжурами Китай, монголы смогли более-менее мирно жить около 200 лет, сохраняя свою национальную самобытность. Для китайцев (ханьцев), численно

преобладавших в империи, существовал ряд ограничений — на миграцию в Маньчжурию и Монголию, на смешанные браки, на колонизацию, аренду монгольских земель и т. д.

Во второй половине XIX века положение изменилось. Империя стала входить в полосу кризисов. Социально-экономические предпосылки революции были минимальными, но ее мощным ускорителем была экспансия Запада, вызывавшая у ханьцев антиманьчжурские настроения [8: с. 6]. Цинское правительство провозгласило новую политику. Она преследовала следующие цели: ослабить влияние России и Японии в Монголии; ассимилировать монголов китайцами; заменить монгольский кочевой уклад на китайский крестьянский; сделать Монголию военным плацдармом; подавить сопротивление монголов [2: с. 4]. Интересы самих монголов и условия, на которых они признавали правление маньчжурской династии, в расчет уже не принимались.

Цинское правительство разрешило китайцам колонизировать земли Внутренней Монголии после восстания ихэтуаней 1899–1901 годов. 11 апреля 1907 года были отменены статьи законодательства, запрещавшие китайскую колонизацию (Архив внешней политики Российской империи — АВПРИ. Ф. Китайский Стол, 1907–1909. Д. 250. Л. 105). Были созданы специальные структуры по распродаже монгольских земель. Туда хлынули сотни тысяч китайских колонистов из внутренних районов Китая, появились чисто китайские города. Уже в 1908 году в ряде княжеств Внутренней Монголии китайцы численно превосходили монголов [7: с. 18–19].

Оказалось, что жесткое ограничение китайской миграции — даже в течение столетий — не гарантия от быстрой колонизации тогда, когда для нее возникнут подходящие условия.

Недовольство местного населения пресекалось карательными мерами. В отношении него теперь проводилась политика китаизации. Как представляли китайцы будущее Монголии, ясно из слов цзяньцзюня (военного губернатора) Энь Цзе: «Когда Монголия будет, наконец, сплошь вся заселена китайцами, то она представит собою вторую Великую стену для нашего государства» [14: с. 104–105]. Следует отметить, что новый курс проводили не сами маньчжурские императоры: страной правил режим вдовствующей императрицы — регентши Цыси, лишившей легитимных императоров реальной власти.

Новая политика разрушала основания, на которых монголы признавали сюзеренитет маньчжурских императоров. Китайская колонизация стала главной причиной национально-освободительного движения. Жители Внешней Монголии знали об эксцессах во Внутренней Монголии. Они понимали, что их ждет примерно то же, когда эта политика достигнет их страны.

В 1910 году амбанем (гражданским губернатором) в столицу Внешней Монголии — Их-хурэ был назначен маньчжур Саньдо. Его задачей было воплотить в жизнь план колонизации страны. Через год началась колонизация Внешней Монголии китайцами. В июле 1911 года прошло тайное собрание 18 лам и феодалов этой страны под председательством главы ее буддийской церкви —

Богдо-гэгэна VIII. На нем решили отделиться от Китая при поддержке России. В Петербург отправили посольство во главе с Чин-ваном Ханддоржем (Хандадоржи, Ханда-ван). В письме, направленном русскому царю, сообщалось о новой политике китайцев. В МИД России направили послание, где описывались притеснения со стороны китайцев, экономические выгоды России в Монголии и т.д. Узнав о посольстве, Саньдо ввел крутые меры по недопущению сближения монголов с Россией [5: с. 38–40].

В 1911 году началась Синьхайская революция, проходившая под лозунгами ханьского национализма. Она разрушила империю Цин и увенчалась провозглашением национального государства китайцев. Монголы также заявили свое право на самоопределение. 1 декабря 1911 года в Их-хурэ было обнародовано воззвание с объявлением независимости. В нем говорилось, что на землях маньчжуров и китайцев происходит переворот, а Монголия изначально была независимой и поэтому решено образовать независимое монгольское государство [5: с. 49]. Произошел мирный переворот, китайские солдаты были разоружены, Саньдо 4 декабря выехал в Кяхту. Мирный исход дела был обеспечен русскими казаками из охраны консульства, одним из которых был Г.М. Семенов, будущий агаман.

29 декабря 1911 года в Их-хурэ прошла торжественная церемония возведения Богдо-гэгэна VIII на престол великого хана (Богдо-хана) Монголии. По старому монгольскому обычаю, он был возведен на трон представителями разных монгольских народностей и социальных групп. Так тибетец, глава буддийского духовенства Монголии, внесший решающий вклад в ее независимость, стал последним великим ханом монголов (первым был Чингис-хан). В наше время этот день является официальным праздником — Днем независимости Монголии.

Успех провозглашения независимости был обусловлен активной националистической деятельностью правящих слоев Монголии, поддержкой императорского российского правительства и нежеланием китайских солдат защищать маньчжурское господство [7: с. 49].

В 1912 году была провозглашена Китайская республика. Она предъявила претензии на все земли распавшейся империи Цин. Поэтому Монголии требовались международное признание и поддержка. Эту поддержку она искала в России. Россия отнеслась сочувственно к национально-освободительному движению монголов. Кроме того, она имела экономические интересы в Монголии, а главное была заинтересована иметь надежный буфер, отделяющий ее от Китая [13: с. 374] — тем более в период его нестабильности.

Вместе с тем Россия была связана международными обязательствами, которые заставляли ее действовать очень осторожно. По соглашениям с Японией 1907, 1910 и 1912 годов сферой влияния России были Северная и Западная Монголия и Северная Маньчжурия, а сферой влияния Японии — Южная Маньчжурия и восток Внутренней Монголии. Поэтому Россия вынуждена была советовать властям Внешней Монголии отказаться от намерения присоединить Внутреннюю Монголию. Долгие переговоры России с Китаем, которые начались еще в конце

1911 года, к лету 1912-го зашли в тупик: китайцы готовили военную интервенцию, сеяли рознь среди монгольских феодалов, с крайней жестокостью подавляли народные выступления во Внутренней Монголии.

В Китае до сих пор считают, что национально-освободительное движение монголов было инспирировано Россией, которая хотела сделать Монголию своей колонией [17]. Это заблуждение. Российская империя никогда не собиралась присоединять Монголию [12: с. 44], не старалась включить ее в свою империю [3: с. 212]. Монголы поднялись на национально-освободительную борьбу по своей инициативе. Причины этого изложены выше.

В августе 1912 года специальным дипломатическим представителем России в Нийслэл-хурэ (так теперь называлась столица Монголии) был назначен опытный российский дипломат И.Я. Коростовец. Он привез проект соглашения, в котором Монголия признавалась автономией в составе Китая. Коростовец вступил в переговоры с правительством Богдо-хана. Переговоры эти были непростыми. Монгольские руководители стремились сохранить объявленную независимость, воссоединить страну с другими монгольскими территориями — Внутренней Монголией и Баргой, назначить в Россию постоянного представителя. Коростовец в деталях описал в своем дневнике перипетии этих переговоров [11: с. 85–211; 13: с. 53–159].

В итоге стороны пришли к компромиссу. Русско-Монгольское соглашение было подписано в Нийслэл-хурэ (Урге) 21 октября/3 ноября 1912 года (дата по старому и новому стилям). Опубликовано факсимиле русского и монгольского вариантов этого соглашения [13: с. 422–428]. Статья 1 начиналась фразой: «Императорское Российское правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами». Статья 2 закрепляла привилегии русских подданных, согласно приложенному к соглашению протоколу (они получали ряд преференций: свободу передвижения, торговли, банковской деятельности и т. д.). В статье 3 говорилось, что если монгольское правительство сочтет нужным вступить в отдельный договор «с Китаем или другим иностранным государством», то новый договор не должен нарушать настоящий без согласия правительства России.

Соглашение подписали: с монгольской стороны — председатель совета министров Сайн-нойон-хан¹ Намнансурэн, министр внутренних дел Да-лама Цэрэнчимэд, министр иностранных дел Чин-ван Ханддорж, военный министр Жун-ван Гомбосурэн, министр финансов Жун-ван Чагдаржав, министр юстиции Жун-ван Намсарай, с российской стороны — полномочный представитель И.Я. Коростовец. Николай II выразил благодарность Коростовцу.

Русский и монгольский варианты имели некоторые различия. Общественный строй Монголии в русском варианте обозначался как «автономный»,

¹ Здесь и ниже перед именами даны титулы князей и должности лам.

а в монгольском ему соответствовал термин, который переводится также как «самоопределение» и «самостоятельность» («өөртөө тогтнож өөрө эзэрхэх») (ст. 1). Эти же термины использовались для обозначения именно независимости в монгольском тексте Монголо-тибетского договора 1913 года («өөртөө эзэрхэн» — ст. 1, «өөртөө тогтнон» — ст. 2). Все тексты и факсимиле опубликованы [5: с. 404–406, 610–611, 619–676; 10: кн. 1, с. 46–48, кн. 2, с. 16–23]. В то время в монгольском языке не было современного оборота «тусгаар тогтнол» для обозначения понятия «независимость», и для него использовались другие обороты — указанные выше [15: с. 94–102].

Перед подписанием оба варианта соглашения были зачитаны, сличены и подписаны [12: с. 233]. Они имеют равную юридическую силу: в них не оговорен приоритет одного из вариантов. Следовательно, монгольская сторона имела все основания утверждать, что Россия признала Монголию как независимое государство. Некоторые исследователи в КНР тоже справедливо отмечают, что Русско-Монгольский договор 1911 года сделал Монголию независимой [18: р. 22–26].

По содержанию, способу выработки и заключения это был документ о создании независимого государства, каковым его и считали монголы, а также многие эксперты того времени и китайские власти. Примечательно, что подписавший документ Коростовец сам считал его признанием именно независимости Монголии [13: с. 198].

Следует отметить, что недавно провозглашенную Китайскую республику Россия тогда еще не признала. Признание последовало позже: 23 сентября 1913 года (АВПРИ. Ф. Китайский Стол. Оп. 761. Д. 234. Л. 265). Получается, что Монголию как государство Россия на договорной основе признала раньше, чем Китайскую республику. Более того, в ст. 3 Китай обозначался как иностранное государство относительно Монголии (см. выше). Важным было и то, что в договоре не обозначались границы Монгольского государства. В результате, например, Барга могла трактоваться как часть Монголии под защитой России [16: с. 24–25].

Опираясь на русский вариант соглашения, Россия и другие мировые державы в официальных заявлениях трактовали статус Монголии как автономию, а не как независимость. В своем дневнике И.Я. Коростовец отмечал, что во время переговоров министр иностранных дел С.Д. Сазонов в телеграмме указал, «чтобы в русском тексте не было упомянуто о независимости Монголии от Китая» [13: с. 123]. Это позволяло российскому МИД ссылаться на русский текст, где речь шла об автономии. В официальной переписке так трактовал соглашение и Коростовец.

МИД Монголии направил ноту с извещением о договоре с Россией правительствам Великобритании, Франции, Германии, США, Японии, Дании, Нидерландов, Бельгии и Австрии через их консульства в Харбине [1: с. 18; 5: с. 333]. Письма в Голландию, Данию и Австрию, которые не имели консульств в Харбине, вернулись через сайда (наместника) Барги. По решению монгольского правительства письма в первые две страны были переданы через посланников в Петербурге, а письмо в Австрию не послали, так как она находилась во враждебных отношениях с Россией.

При подписании соглашения, кроме упомянутого выше протокола, стороны обменялись тремя декларациями: «1) о признании нами неприкосновенности монгольской территории, 2) о праве монгольских купцов ввозить в Россию сырье беспошлинно, 3) о праве России определить, на какой район Монголии распространяются даваемые гарантии. Кроме того, обменялись нотами о признании нами независимости монгольского правительства и хана» [13: с. 142].

Соглашение вызвало возмущение китайских националистов. МИД Китая известил о непризнании соглашения и потребовал его денонсации, на что получил отказ. Гоминьдан инспирировал в Китае движение против «агрессии» России. Сунь Ятсен выступил с фантастическим проектом посылки полумиллионной армии против России, а из Китая в Ургу направились эмиссары для подкупа и агитации князей [11: с. 85–211; 13: с. 153].

Китай стал оказывать давление на Россию, требуя пересмотра соглашения. В результате в 1913 году была подписана Русско-Китайская декларация, признававшая Монголию частью Китая. Она была подписана без участия Монголии. Поэтому Монголия не признала ее: ведь она уже была признана Россией без участия Китая. В результате начались новые переговоры, и было подписано новое — трехстороннее Кяхтинское соглашение 1915 года между Россией, Монголией и Китаем, где три стороны признали Монголию автономией Китая. Наряду с русским, монгольским и китайским вариантами был и французский. Он служил образцом для того, чтобы на этот раз избежать разночтений. Но пункты договора 1912 года в значительной мере вошли в соглашение 1915 года. Благодаря этому Монголия при покровительстве России фактически оставалась независимой от Китая.

Позже, пользуясь слабостью России в результате двух революций 1917 года и гражданской войны, Китайская республика нарушила это соглашение и оккупировала Монголию [6: с. 64–68.]. Россия тогда не могла помочь, а другие мировые державы отказались сделать это. Все свелось к бесполезным дипломатическим маневрам. Независимость Монголии восстановил барон Р.Ф. Унгерн в 1921 году. Позже, благодаря помощи СССР, Монголия смогла сохранить свою независимость и получить широкое международное признание.

Литература

1. *Батбаяр Ц.* Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилца [Международные отношения Монгольского государства периода Многими Возведенного]. Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүүррээлэн, 2008. 177 с. (на монг. яз.).
2. *Батсайхан О.* Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) [Монгольская независимость и Китайско-Русско-Монгольское Кяхтинский договор 1915 г.]. Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи, 2007. 160 с. (на монг. яз.).
3. *Батсайхан О.* Монгол ундэстэн бурэн эрхт болох замд (1911–1946) [Монголия на пути национального государства (1911–1946)]. Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи, 2007. 396 с. (на монг. яз.).
4. *Батсайхан О.* Монголо-русское соглашение 1912 г. // Восток. 2009. № 3. С. 60–69.

5. *Батсайхан О.* Монголын суулчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба [Последний великий хан Монголии Богдо-гэгэн VIII Джебцзундамба]. Улаанбаатар: Адмон, 2011. 707 с. (на монг. яз.).
6. *Белов Е.А.* Как была ликвидирована автономия Внешней Монголии // *Азия и Африка сегодня.* 1997. № 5. С. 64–68.
7. *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Восточная литература, 1999. 239 с.
8. *Белов Е.А.* Краткая история Синьхайской революции 1911–1913. М.: Восточная литература, 2001. 160 с.
9. *Ермаченко И.С.* Маньчжуро-монгольские отношения до и после образования империи Цин (XVII в.): дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1971. 266 с.
10. Известия МИД. 1913. Кн. 1. С. 46–48; Кн. 2. С. 16–23.
11. *Коростовец И.Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. – май 1913 г. // *Россияне в Азии.* 1995. № 2. С. 85–211.
12. *Коростовец И.Я.* От Чингис-хана до Советской республики. Улан-Батор: Адмон, 2004. 560 с.
13. *Коростовец И.Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 г. – май 1913 г. Улаанбаатар: Адмон, 2009. 440 с.
14. *Патрушева М.А.* Китайская колонизация Маньчжурии и политика Цинского правительства (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1981. 220 с.
15. *Тачибана М.* [Русско-Монгольский договор о дружбе 1912 г. и международные отношения] // *Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец [Монголо-русский договор 1912 г. и И.Я. Коростовец].* Улаанбаатар, 2013. С. 94–104 (на монг. яз.).
16. *Штейнфельд Н.* Важная недомолвка в Ургинском договоре // *Вестник Азии.* 1913. № 15. С. 23–26.
17. *Liu Ch.* [Внешняя политика Юань Шикая по вопросу об автономии Внешней Монголии] // *Journal Baicheng Normal College.* 2005. № 4. P. 74–78 (на кит. яз.).
18. *Zhu Y.* [К обсуждению независимости Монголии] // *Yili jiao yu xue yuan xue bao.* 2003. № 3. P. 88–92 (на кит. яз.).

References

1. *Batbayar Cz.* Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилца [Международные отношения Монгольского государства периода Мнoгими Возвeдeннoгo]. Улаанбаатар: Mongol ulsy'n Shinzhle'x ухааны' академи Түүхийн хүррээлэн, 2008. 177 с. (на монг. яз.).
2. *Batsajxan O.* Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) [Mongol'skaya nezavisimost' i Kitajsko-Russko-Mongol'skoe Kyaxtinskij dogovor 1915 g.]. Улаанбаатар: Mongol Ulsy'n Shinzhle'x Ухааны' Академи, 2007. 160 с. (на монг. яз.).
3. *Batsajxan O.* Монгол ундэстэн бүрэн эрхт болох замд (1911–1946) [Mongoliya на пути nacional'nogo gosudarstva (1911–1946)]. Улаанбаатар: Mongol Ulsy'n Shinzhle'x Ухааны' Академи, 2007. 396 с. (на монг. яз.).
4. *Batsajxan O.* Mongolo-russkoe soglashenie 1912 g. // *Vostok.* 2009. № 3. С. 60–69.
5. *Batsajxan O.* Монголын суулчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба [Poslednij velikij xan Mongolii Bogdo-ge'ge'n VIII Dzhebczundamba]. Улаанбаатар: Адмон, 2011. 707 с. (на монг. яз.).

6. *Belov E.A.* Kak by'la likvidirovana avtonomiya Vneshnej Mongolii // Aziya i Afrika segodnya. 1997. № 5. S. 64–68.
7. *Belov E.A.* Rossiya i Mongoliya (1911–1919 gg.). M.: Vostochnaya literatura, 1999. 239 s.
8. *Belov E.A.* Kratkaya istoriya Sin'xajskoj revolyucii 1911–1913. M.: Vostochnaya literatura, 2001. 160 s.
9. *Ermachenko I.S.* Man'chzhuro-mongol'skie otnosheniya do i posle obrazovaniya imperii Cin (XVII v.): dis. ... kand. ist. nauk. M.: In-t vostokovedeniya AN SSSR, 1971. 266 s.
10. *Izvestiya MID.* 1913. Kn. 1. S. 46-48; Kn. 2. S. 16–23.
11. *Korostovecz I.Ya.* Devyat' mesyacev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Urge. Dekabr' 1912 g. – maj 1913 g. // Rossiyanе v Azii. 1995. № 2. S. 85–211.
12. *Korostovecz I.Ya.* Ot Chingis-xana do Sovetskoj respubliki. Ulan-Bator: Admon, 2004. 560 s.
13. *Korostovecz I.Ya.* Devyat' mesyacev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Mongolii. Avgust 1912 g. – maj 1913 g. Ulaanbaatar: Admon, 2009. 440 s.
14. *Patrusheva M.A.* Kitajskaya kolonizaciya Man'chzhurii i politika Cinskogo pravitel'stva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): dis. ... kand. ist. nauk. M.: In-t vostokovedeniya AN SSSR, 1981. 220 s.
15. *Tachibana M.* [Russko-Mongol'skij dogovor o družbe 1912 g. i mezhdunarodny'e otnosheniya] // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец [Mongolo-russkij dogovor 1912 g. i I.Ya. Korostovecz]. Ulaanbaatar, 2013. S. 94–104 (na mong. yaz.).
16. *Shtejnfel'd N.* Vazhnaya nedomolvka v Urginskom dogovore // Vestnik Azii. 1913. № 15. S. 23–26.
17. *Liu Ch.* [Vneshnyaya politika Yuan' Shikaya po voprosu ob avtonomii Vneshnej Mongolii] // Journal Baicheng Normal College. 2005. № 4. P. 74–78 (na kit. yaz.).
18. *Zhu Y.* [K obsuzhdeniyu nezavisimosti Mongolii] // Yili jiao yu xue yuan xue bao. 2003. № 3. P. 88–92 (na kit. yaz.).

S.L. Kuzmin

Russian – Mongolian Agreement of 1912 and the Independence of Mongolia

The paper discusses the history of signing Russian – Mongolian Agreement (or treaty) of the 21st October / 3^d November 1912 at Nijslel Khuree (or Urga), the capital city of Mongolia. This was the first agreement signed by Russia and Mongolia after its proclamation of independence from the Qing Empire. The author shows that the cause of the proclamation of independence by Mongolia in 1911 was not attempts of Russia to transform Mongolia into its colony, but the «new policy» of the Qing Empire pursued with the aim of sinification of vassal and dependent countries of the Mongols, Tibetans and Muslims. In content, a method of generating and signing this was the document about creation of an independent state, which the Mongols considered it to be, as well as many experts of the time and the Chinese authorities. Russian and Mongolian versions of the Agreement contained terminological differences. Recognition of the autonomy (in the Russian version) or independence (in the Mongolian version) from China was most sufficient of them.

Keywords: Mongolia; Russia; Qing; empire; independence; autonomy; international relations; agreement; treaty.

М.А. Рябота

Восточный вопрос как направление британской внешней политики в годы Первой мировой войны

Статья посвящена анализу внешней политики британского правительства на Восточном направлении накануне и в годы Первой мировой войны. Автор выделяет характерные черты этой политики и связывает ее с характером изменений, происходивших внутри и вокруг Османской империи, стоявшей на пороге распада.

Ключевые слова: Османская империя; Великобритания; Восточный вопрос; внешняя политика; Первая мировая война.

Восточный вопрос в политике Великобритании в начале XX века как явление

Восточный вопрос, его территориальные рамки (так называемый географический аспект) в российской и зарубежной историографии рассматривались с разных точек зрения. Одни исследователи видели его лишь в проблеме проливов (Босфор и Дарданеллы), другие включали в него европейскую часть Османской империи и российское Закавказье, третьи расширяли тему, включая в содержание Восточного вопроса еще и Афганистан, Персию, Индию [4: с. 3].

В российской историографии и публицистике, как правило, не связывали Восточный вопрос в политике Великобритании с точки зрения российской угрозы позициям Британии в Индии. Хотя уже во второй половине XIX века в британском внешнеполитическом курсе произошел заметный сдвиг — главным содержанием британской политики на восточном направлении стала защита своих интересов в Индии [5]. То же самое произошло и в английском обществе — проблемы угрозы британской Индии со стороны России занимали большое место в английских СМИ и парламентских дебатах. «Большая игра», как стали называть Восточный вопрос в Великобритании, стала проблемным ядром политики, дипломатии и военных планов Британии в этот период. Кроме того, территориальные рамки вопроса переместились на Ближний и Средний Восток (Афганистан, Иран) и российскую часть Средней Азии.

В начале 20-го столетия ситуация кардинально поменялась. Получив в свое распоряжение Египет, Кипр, и особенно Суэцкий канал, Британская империя перестала так сильно зависеть от черноморских проливов как транспортного узла в Азию и Индию. Кроме того, в 1907 году было заключено российско-британское соглашение, по которому разграничивались интересы двух империй

в Персии, Афганистане и памиро-тибетском регионе, что сняло с повестки дня вопрос «русской угрозы Индии». Но тут же для британского империализма возникла другая опасность, причем с неожиданной стороны — индийские мусульмане, единоверцы мусульман самой могущественной восточной империи того времени — Османской. Хотя именно в начале XX века одним из главных стал вопрос раздела Османской империи европейскими державами.

Сама Первая мировая война стала войной империй и их интересов. Одни (Великобритания, Франция, Германия) воевали за лидерство в мировой колониальной политике, другие (Россия, Османская и Австро-Венгерская империи) — за сохранение и укрепление своих границ и включение сопредельных территорий [13: р. 54]. Однако результаты войны получились такими непредсказуемыми и неоднозначными, что говорить о достижении поставленных целей со стороны хотя бы одной из участниц мирового конфликта попросту невозможно.

Состояние Османской империи в годы Первой мировой войны

К началу Первой мировой войны слабость и внутренняя несостоятельность Османской империи для западных держав были очевидны. К 1914 году Османская империя — экономически отсталая аграрная страна со слаборазвитым и диспропорционально устроенным промышленным производством. Накануне Первой мировой войны именно на территории Османской империи произошел ряд серьезных международных конфликтов: многократные вооруженные выступления в Македонии и Албании, войны (Итало-турецкая 1911 г., две Балканские 1912–1913 гг.), политическая напряженность, противоречия на межэтнической почве, изменившие национальный состав населения этого региона в целом. Ситуация усугублялась засильем европейского капитала и промышленности. Османская империя фактически даже не могла вести самостоятельную таможенную политику: из-за низких таможенных ставок экспансия дешевых импортных товаров на внутренний турецкий рынок приводила к уничтожению турецкого, традиционно высокохудожественного, кустарного производства [3: с. 87].

Тем не менее начало Первой мировой не застало империю врасплох. Во-первых, она сразу же отменила кабальные капитуляционные соглашения с европейскими державами, а во-вторых, выступила на стороне Германии против Великобритании и Франции — основных держателей акций турецкой экономики. Но война, особенно начала военных действий на турецкой территории (Галлиполи, Дарданеллы), стала катастрофой для шаткой османской экономики: массовая мобилизация людей, транспортного и рабочего скота после вступления Турции в войну привела к резкому дефициту рабочих рук в сельском хозяйстве и промышленности.

Итог войны для Османской империи — паралич экономики и всей финансовой системы, подкосивший турецкую армию и ее боеспособность — недостаток артиллерии и боеприпасов, устаревшее вооружение, резкое падение дисциплины в турецкой армии. Крах Османской империи был предreshен.

Еще одно противоречивое явление общественной жизни Османской империи того времени — национальные конфликты, вылившиеся в кровавые столкновения на территории страны. В тот период именно здесь наиболее явно проявился феномен политической активности наций, определяющийся тремя факторами — социальным, этническим и геополитическим [6: с. 72]. Столкнувшись, эти факторы подняли волну межэтнического насилия, сопоставимого с последующими событиями такого характера в XX веке.

Репрессии против христианского населения Османской империи (армян, ассирийцев) — это не только вопрос состояния Османской империи и ее национальной политики того периода, а вопрос отношения к этим событиям европейских держав. Факт в том, что ни активное общественное движение в странах Европы и США, ни осуждение геноцида армян и ассирийцев турками не помогли дипломатам и политикам держав, как союзников, так и противников Османской империи в Первой мировой войне, предотвратить эти кровавые события. Германия, понятно, не решалась оказывать давление на своего восточного союзника в этом вопросе. Страны Антанты, военные противники Османской империи, также несут свою часть ответственности за события, особенно Великобритания и ее непоследовательные действия. Уже в середине 1916 года появился подробный доклад лорда Брайса о фактах массового уничтожения армян в Османской империи [17: р. 101]. Однако конкретных шагов по его прекращению от британского МИД не последовало. Рассчитывать на то, что британское правительство отправит на спасение погибающих сотен тысяч армян хотя бы десятую часть сил, которые бесплодно пытались захватить Галлиполийский полуостров [18: р. 179], также не приходилось. А после поражения и выхода из войны Османской империи британская политика снова показала свой эгоистичный характер — народу турецкой Армении так и не вернули его права на территорию, на которой веками проживали его предки. Драматичной оказалась и судьба другого христианского народа на территории Турции — ассирийского, столетиями проживавшего в горных районах Восточной Анатолии.

Идеология пантюркизма и панисламизма и ее влияние на Великобританию

Важно отметить, что впервые ведущие европейские державы, никогда не скрывавшие своих притязаний на Восток, столкнулись с обратным процессом — Восток ответил Западу вопросом, за которым встала реальная сила, реальная угроза. Об этом говорили и масштаб притязаний пантюркистов и панисламистов — в зону их интересов входили территории Российской и Британской империй с проживающими на них мусульманами и тюрками (Закавказье, Поволжье, Средняя Азия, Крым, Индия, Египет).

Впрочем, не стоит преувеличивать значение этой пропаганды, так как к тому времени сама Османская империя находилась в стагнации, достигнув своего территориального максимума. Панисламизм и пантюркизм, принципы имперской

политики Турции в тот период стали идеологической агонией некогда могущественной империи. В целом панисламистская пропаганда в странах Антанты в годы войны не была массовой, ограничивалась отдельными акциями. Более того, война скорее объединила британских мусульман в их лояльности своему правительству, чем приблизила к турецкому султану. Не имея серьезного политического, экономического, религиозного влияния в Великобритании и странах Европы, османская панисламистская пропаганда не могла организовать массовых выступлений против властей своих военных противников [1: с. 83]. Бесспорно, одна из причин неэффективности этой идеологии — плачевное состояние Османской империи в тот период.

Противоречия России и Великобритании как часть Восточного вопроса

Один из самых острых и актуальных вопросов Первой мировой войны — противоречия между союзниками по Антанте, в частности, Россией и Великобританией. Эти противоречия достаточно четко обозначили суть имперского мышления в мировой политике, глобализировав Восточный вопрос. Колониальная политика европейских стран на восточном направлении с началом и после окончания Первой мировой войны уже не могла развиваться в прежнем направлении. Причина очевидна — то поведение, которое продемонстрировали европейские политики для достижения своих целей в регионе, было настолько «откровенным», что никакими дипломатическими усилиями прикрыть эту «откровенность» было уже невозможно [14: р. 37]. При этом надо отметить, что, несмотря на то, что Британия до конца осталась верна своим колониальным целям, в войне с Османской империей — к тому времени уже страной со слабой экономикой и кучей внутренних социальных конфликтов — великая морская держава потерпела неудачу.

Еще один фактор, повлиявший на исход войны, — союзнические отношения стран — участниц Первой мировой войны определялись по большей части необходимостью (отношения Германии и Османской империи, Великобритании и ее союзников по Антанте). Не секрет, что отношения Великобритании и России имели особенно противоречивый характер, в том числе и на турецком фронте [8: с. 58].

Эти противоречия, как следствие военно-политических неудач стран Антанты на османском театре военных действий, имеют свою историю и причины, обусловленные историко-культурным процессом.

Основные аспекты этих политических противоречий:

1) мусульманский вопрос. Дипломатические, политические и экономические цели европейских стран в отношении исламских стран сталкивались с очевидным сопротивлением «восточной ментальности», вылившейся в экстремистскую идеологию османов начала XX века;

2) экономическая экспансия западных стран в регион Центральной и Юго-Западной Азии конца XIX – начала XX века;

3) острые межэтнические противоречия в Османской империи, приведшие к уничтожению некоторых народов, лишению их земли, национального самосознания.

Осознавая очевидную слабость и скорый распад Османской империи, Великобритания претендовала на наиболее значительные территориальные приобретения — линию Суэцкий канал — Индия: в первую очередь это Месопотамия и Аравийский полуостров, Египет к началу войны уже был под английским управлением, плюс планы на Палестину. Британская империя к началу войны — классическая **метрополиальная** колониальная держава: присоединенные территории управляются представителями верховной власти метрополии, но сохраняется и местная власть. Основа взаимодействия — учет местных национальных и духовно-культурных особенностей, но ассимиляция затрудняется из-за отсутствия прямых контактов между населением метрополии и колонии [12: p. 120].

Колониальный опыт подсказывал британцам благоприятное для них развитие событий и достижение поставленных целей, основное условие — если опасные конкуренты в лице Германии и России лишатся возможности ведения активных действий. Российско-германское столкновение и последующее изматывающее противостояние виделись Британии лучшим решением вопроса, а вступление в войну Османской империи напрямую затрагивало Грецию и Болгарию и снижало шансы России на получение черноморских проливов. Османская империя снова оказалась в эпицентре союзнических противоречий.

Восточный (конкретнее — османский) вопрос с началом войны становится для воюющих сторон одним из главных в их целях. Цели у каждой из стран были свои: Германии и России Османская империя нужна была в качестве воюющей либо нейтральной стороны, у Великобритании, решавшей больше политические задачи, была другая цель — сделать Османскую империю военным соперником Антанты, тем самым предрешив ее окончательный раздел, а после планировавшейся победы еще и укрепив свои позиции в Азии. Британские планы османского участия в войне были очевидны. Свидетельство тому — конфискация в самом начале войны дредноутов «Султан Осман» и «Мехмед Решад V», которые строились по заказу для турецкого флота на британских верфях, а также благосклонное отношение к отмене младотурецким правительством Капитуляций [16: p. 41]. Все это определенно говорило о цели Британии и стран Антанты — не привлечь Турцию на свою сторону, а сохранить свои преференции на ее территориях, не заботясь, останутся ли эти территории турецкими или перейдут в другой статус.

Итак, между Россией и Великобританией с самого начала Первой мировой войны имелись и серьезные противоречия. Характерный факт, во многом объясняющий причины этих противоречий, — британское общественное мнение ставило Россию в тот же ряд деспотических держав, что и Османская империя [15: p. 241].

Эти разногласия и ментальная несовместимость сразу сказались на союзнических действиях, в том числе на турецком фронте: перед войной и с ее

началом не были заключены военно-морские соглашения, совместные планы боевых действий на фронте не разрабатывались, зачастую они скрывались от союзников, поспешное объявление Британией войны Османской империи состоялось без согласования с союзниками по коалиции. Все это вписывалось в британские планы по разделу Османской империи — вымотать Россию войной на два фронта (а выход из войны на турецком фронте означал для России потерю проливов), ослабить ее экономически (лишить ее юг важнейшего морского пути на европейский рынок), отсечь у Германии шанс на захват части Востока, тем самым достигнув цели №1 на этом направлении — раздел Турции на самых выгодных для себя условиях, попутно решив важный для Британии вопрос «защиты Индии» [7: с. 13].

Очевидно, что союзничество с Россией было для Британии скорее военной необходимостью, а не реальным положением дел.

Первая мировая война как перелом в колониальной политике Великобритании и новое восприятие Восточного вопроса

Первая мировая война стала переломной вехой в отношении к Восточному вопросу. Впервые Восточный вопрос приобрел этнополитический, социальный и религиозный характер — реакция стран и народов Востока стала все больше влиять на ситуацию в Европе [9: с. 68]. Подобная трансформация Восточного вопроса наиболее четко прослеживается при анализе следующих аспектов:

1) коалиции европейских держав и их цели в войне: территориальный и экономический раздел Османской Порты, изменение традиционного союзнического взаимодействия в решении Восточного вопроса (окончание внешнего противостояния России и Великобритании и включение в него новых игроков — Германии);

2) появление проблемы межэтнических конфликтов как составной части Восточного вопроса (армянский, курдский, арабский и ассирийский вопросы) и влияние религиозно-националистической пропаганды на народы Западной Европы (идеология пантюркизма и панисламизма);

3) новая постановка Восточного вопроса в Британии после событий 1917 года в России — начало взаимопроникновения идеологии социализма и идеологий национально-освободительного, религиозного и антиколониального характера;

4) в условиях первого мирового конфликта британский традиционный стиль дипломатии — осторожность и перестраховка при принятии любых решений, умалчивание или поиск компромисса для сглаживания острых противоречий, — дал сбой и оказался малоэффективным. Британская империя, доминировавшая в вопросах колониальной политики в течение трех предшествующих веков, в начале XX столетия потерпела на Восточном направлении неудачу, имевшую серьезные последствия в дальнейшем.

Резюмируя, выделим **основные характерные черты** британской внешней политики на Восточном направлении в годы Первой мировой войны:

1. Отношение Великобритании к событиям в Османской империи накануне Первой мировой войны свидетельствует о метрополиальном характере ее колониальной политики. Преследуя геополитические и военно-стратегические интересы, эта политика все больше использует инструменты экономического и финансового давления, а не основывается на территориальных завоеваниях.

2. В годы, предшествующие началу Первой мировой войны, значимым объектом во внешней политике Британии становится Османская империя, борьба за которую с Германией стала новым поворотом в развитии Восточного вопроса.

3. Ни Россия, ни Великобритания не искали убедительных доводов для привлечения Османской империи на свою сторону, напротив, стремились видеть в ней не союзника или нейтральную сторону, а в большей степени военного соперника, чего они с успехом и добились в дальнейшем.

4. В годы Первой мировой войны противоречия союзников по Антанте (в первую очередь России и Великобритании) стали очевидны практически во всех областях взаимодействия — политической, экономической, дипломатической. Точка пересечения интересов России и Великобритании — судьба ближневосточного региона и возможно скорый раздел разваливающейся Османской империи. Обоюдное недоверие России и Великобритании привели к неудачам Британской империи на первых этапах войны на восточном направлении.

5. Внутренняя политика Османской империи в начале Первой мировой войны привела к политической и военной зависимости от Германии [2: с. 74]. Военные поражения накануне (в итало-турецкой и Балканской войнах) и в начале Первой мировой войны значительно сократили территорию страны и создали почву для культивирования идеологии пантюркизма как государственной политики, приведшей к уничтожению христианского населения империи.

6. В Британской империи пантюркистская и панисламистская пропаганда вызывала заметные опасения. Она стала своего рода бумерангом для европейских держав, которые впервые столкнулись с подобной стороной Восточного вопроса. Однако из-за распада Османской империи превратить войну империалистическую в войну религиозную у турецких лидеров не получилось. Тем не менее активная борьба с панисламистской идеологией в годы Первой мировой войны стала одной из первостепенных задач внутренней и внешней политики Великобритании [10: с. 14].

7. Национальная политика младотурецких властей во время Первой мировой войны хоть и вызывала широкий резонанс в Европе, в частности, в Великобритании, все же остановить массовое истребление населения в Османской империи не удалось. Будучи военными противниками, страны Антанты не имели эффективных рычагов воздействия на турецкую верхушку, кроме прямых военных действий, которые приводили к захвату тех территорий, где происходил геноцид народов. Не было проведено или даже намечено никаких союзнических совместных действий для прекращения дальнейшего уничтожения армян

и других национальных меньшинств Османской империи [11: с. 184]. Тем не менее одним из «позитивных» итогов Первой мировой войны стало включение в сферу Восточного вопроса этнических, религиозных и социальных особенностей нацменьшинств бывшей Османской империи.

8. В военно-стратегическом плане противоречия России и Великобритании приводили к крупным неудачам на турецком театре военных действий Первой мировой, особенно на начальных этапах войны: провал Дарданелльской операции, серьезно осложнивший положение стран Антанты.

Тем не менее случаи плодотворного союзнического взаимодействия были, и они показали, что там, где стратегические планы и их осуществление не зависели от политических интересов и дипломатических недоговоренностей, там взаимодействие согласовывалось с военной необходимостью, что в итоге способствовало и политическим успехам.

Сильный внутренний удар нанесла Великобритания по Османской империи в ее арабских провинциях. Именно здесь Британская империя наиболее успешно проводила политику отторжения от Османской империи территорий, манипулируя внутренними этническими, экономическими и культурными противоречиями.

9. Конфликты в Османской империи военного периода сопровождались глубочайшим экономическим кризисом страны, ставшим непосильным бременем для народов империи. Способствовали ему и страны Антанты, успешно проводившие план экономической блокады османских территорий, в первую очередь Великобритания. Тем не менее именно Первая мировая война и ее итоги для страны вывели на авансцену политической жизни новых лидеров, испытавших на себе и радости побед в сражениях с намного превосходящим их технически соперником, и горечь итогового поражения, которые повели страну к обновлению (М. Кемаль).

10. Многие противоречия британской политики и дипломатии на Восточном направлении в период Первой мировой имели свои корни в настроениях британской общественности по поводу того или иного политического или военного вопроса. Эту тенденцию можно проследить в процессе изучения общественного мнения в британском обществе как в отношении к союзникам по Антанте, так и к Османской империи. Отношения Британской империи с Османской — это история как противоречий и конфликтов культур, так и их взаимодействия, взаимопонимания, помощи, а значит, еще одно свидетельство непрерывности и единства историко-культурного процесса, при всей сложности и неоднозначности отдельных исторических фактов и социокультурных явлений.

Литература

1. *Горошков Н.П.* Пантюркизм и панисламизм в российской истории и историографии / Под ред. М.В. Иордана, Р.Г. Кузеева, С.М. Червонной. М.: Б.и., 2001. С. 80–96.

2. *Еремеев Д.Е.* Становление республиканской Турции (1918–1939). М.: Гуманитарий, 2004. 220 с.

3. *Коптевский В.Н.* Россия – Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества. М.: ИВ РАН, 2003. 431 с.
4. *Костяшов Ю.В., Кузнецов А.А., Сергеев В.В., Чумаков А.Д.* Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII – начале XX в. Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. 106 с.
5. *Лурье С.* Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации. URL: <http://svlourie.narod.ru/imperium/asia.htm> (Дата обращения: 27.08.2014).
6. *Оганджян А.* 1915 год — неоспоримые свидетельства: австрийские документы о геноциде армян. СПб.: Б.и., 2005. 224 с.
7. *Павлович М. (Вельтман М.П.).* Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена – Болдуина 1925 г.). М.: Прометей, 1925. 202 с.
8. Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы / Отв. ред. Н.Ю. Ульченко, Г. Казган. М.: ИВ РАН, 2003. 299 с.
9. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 155 с.
10. *Сваранц А.* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Гуманитарий, 2002. 600 с.
11. *Селчук Акилин Сомель.* Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции, 1699–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. С. 177–206.
12. *Bruce C.* Twice a Stranger. London: Granta Books, 2007. 277 p.
13. *Cenk Avci.* The skies of Gallipoli. Istanbul: Nart Yayıncılık, 2003. 100 p.
14. *Erickson E.J.* Ordered to die: A History of the Ottoman Army in First World War. Westport: Greenwood Press, 2001. 273 p.
15. *Fromkin D.* A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. NY: Holt Paperbacks, 2009. 645 p.
16. *Hickey M.* The First World War: The Mediterranean Front 1914–1923. Oxford: Osprey Publishing, 2002. 99 p.
17. *Niam Turfan M.* Rise of the Young Turks: Politics, the Military and the Ottoman Collapse. London – NY: I.B. Taurus Publishers, 2000. 490 p.
18. *Travers T.* Gallipoli 1915. London: Tempus, 2004. 415 p.

References

1. *Goroshkov N.P.* Pantyurkizm i panislamizm v rossijskoj istorii i istoriografii / Pod red. M.V. Iordana, R.G. Kuzeeva, S.M. Chervonnoj. М.: Б.и., 2001. С. 80–96.
2. *Eremeev D.E.* Stanovlenie respublikanskoj Turcii (1918–1939). М.: Gumanitarij, 2004. 220 s.
3. *Koptevskij V.N.* Rossiya – Turciya: e'tapy' torгово-e'konomicheskogo sotrudnichestva. М.: IV RAN, 2003. 431 s.
4. *Kostyashov Yu.V., Kuznecov A.A., Sergeev V.V., Chumakov A.D.* Vostochny'j vopros v mezhdunarodny'x otnosheniyax vo vtoroj polovine XVIII – nachale XX v. Kaliningrad: Kaliningr. un-t, 1997. 106 s.
5. *Lur'e S.* Russkie v Srednej Azii i anglichane v Indii: dominanty' imperskogo soznaniya i sposoby' ix realizacii. URL: <http://svlourie.narod.ru/imperium/asia.htm> (Data obrashheniya: 27.08.2014).

6. *Ogandzhanyan A.* 1915 god — neosporimyy'e svidetel'stva: avstrijskie dokumenty' o genocide armyan. SPb.: B.i., 2005. 224 s.
7. *Pavlovich M. (Vel'tman M.P.)*. Sovetskaya Rossiya i kapitalisticheskaya Angliya (ot e'poxi czarizma do pravitel'stva Chemberlena – Bolduina 1925 g.). M.: Prometej, 1925. 202 s.
8. Rossijsko-tureczkie otnosheniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy' / Otv. red. N.Yu. Ul'chenko, G. Kazgan. M: IV RAN, 2003. 299 s.
9. Rossiya, Zapad i musul'manskij Vostok v kolonial'nyu e'poxu. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. 155 s.
10. *Svarancz A.* Pantyrkizm v geostrategii Turcii na Kavkaze. M.: Gumanitarij, 2002. 600 s.
11. *Selchuk Akilin Somel'*. Osmanskaya imperiya: mestny'e e'lity' i mexanizmy ix integracii, 1699–1914 // Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive: sb. st. / Pod red. A.I. Millera. M.: Novoe izd-vo, 2004. S. 177–206.
12. *Bruce C.* Twice a Stranger. London: Granta Books, 2007. 277 p.
13. *Cenk Avci.* The skies of Gallipoli. Istanbul: Nart Yayincılık, 2003. 100 p.
14. *Erickson E.J.* Ordered to die: A History of the Ottoman Army in First World War. Westport: Greenwood Press, 2001. 273 p.
15. *Fromkin D.* A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. NY: Holt Paperbacks, 2009. 645 p.
16. *Hickey M.* The First World War: The Mediterranean Front 1914–1923. Oxford: Osprey Publishing, 2002. 99 p.
17. *Niam Turfan M.* Rise of the Young Turks: Politics, the Military and the Ottoman Collapse. London – NY: I.B. Taurus Publishers, 2000. 490 p.
18. *Travers T.* Gallipoli 1915. London: Tempus, 2004. 415 p.

M.A. Ryabota

The Eastern Question as a Direction of British Foreign Policy during the Years of the First World War

This article is devoted to the analysis of the foreign policy of the British government in the East direction before and during the years of First World War. The author points out the characteristic features of this policy and links it to the nature of the changes taking place inside and around the Ottoman Empire, which was on the brink of disintegration.

Keywords: The Ottoman Empire; Great Britain; the Eastern Question; foreign policy; the First World War.

А.Е. Лазутина

Роль Исмаила Урбена во франко-алжирских отношениях

В статье рассматривается деятельность и взгляды Исмаила Урбена, сенсимониста, одного из главных «проповедников» «арабофильства» и вдохновителя политики «Арабского королевства» Наполеона III. Автор дает возможность взглянуть на колонизацию Алжира с другой, гуманной позиции, стоящей на защите прав местного населения и выдвигающей на первый план цивилизованный путь.

Ключевые слова: Исмаил Урбен; колонизация Алжира; «Арабское королевство»; сенсимонизм; «арабофильство».

Проблемы франко-алжирских отношений колониального периода достаточно хорошо и основательно изучены как русскими, так и зарубежными учеными. Но, несмотря на многогранность аспектов исследования истории Французского Алжира, совершенно незаслуженно в отечественной науке не освещена роль личности Исмаила Урбена (до принятия ислама в 1833 году — Тома Урбена).

Изучение деятельности и взглядов этого выдающегося человека дает возможность взглянуть на светлые страницы истории франко-алжирских отношений времен колонизации, оценить гуманный подход и активную защиту прав местного населения, признание приоритета цивилизованного пути развития.

Несмотря на относительно недавнюю войну за независимость Алжира (1954–1962 гг.) и современную непростую ситуацию во Франции по вопросу иммигрантов, история франко-алжирских отношений несколько сглаживается благодаря деятельности таких людей, как И. Урбен. Надо отметить, что благодарная Франция почтила память об этом общественно-политическом деятеле, и 2013-й стал во Франции годом празднования 200-летия со дня его рождения.

Убежденный сенсимонист, урожденный француз с африканскими корнями, переживший веру, он являлся одной из главных фигур «арабофильской» политики того периода. Ученые-историки Алжира и французской колонизации, такие как Марсель Эмерит, Шарль-Андре Жюльен, Шарль-Робер Ажерон, Ани-Рей-Голдзегер, Мишель Левалуа в своих работах подтверждают роль И. Урбена и его соратников в распространении и начале проарабской политики [2; 5; 6; 8; 13]. И. Урбен посвятил около полувека Французскому Алжиру в качестве военного переводчика, политического советника в Париже и Алжире, как этнолог, историк, публицист. Он стал настоящим «проповедником» проарабской политики и защитником интересов местного населения:

пытался примирить интересы Франции и иммигрантов с интересами алжирцев, экономический и социальный прогресс — с уважением к исламу и их культуре, предлагал заменить «колонизацию» «цивилизацией».

Исмаил Урбен (Тома Урбен) родился 31 декабря 1812 года в Гвиане. Внебрачный сын марсельского торговца и «цветной» женщины, он был отвергнут французским обществом: незаконнорожденный мулат. По словам французского историка А. Левалуа, эти социальные травмы «оставили ему рану на всю жизнь» и послужили стимулом для исследований сложных противоречий колониального общества [7: р. 10].

Отчасти именно это обстоятельство привело его к сенсимонистам. Согласно определению в философском словаре, сенсимонизм — это учение графа Сен-Симона и его учеников. Сенсимонизм — это теория равенства, нацеленная на управление обществом по принципу «От каждого по способностям, каждому по труду». Представляет собой одновременно и что-то вроде религии (проповедниками которой были Анфантен и Базар), и социалистическую теорию, осуждающую частную собственность — источник эксплуатации трудящихся. Цель сенсимонизма — прекращение эксплуатации человека человеком, отмена частного наследования с последующим распределением его в зависимости от потребностей и способностей. Сенсимонизм предусматривает программу технического образования, пригодную для индустриального общества [1].

И. Урбену было восемнадцать лет, когда он встретил сенсимонистов. Соблазнившись принципом «от каждого по способностям, каждому по труду», он был принят ими как человек «новой расы» (из-за цвета кожи) в качестве члена их «семьи» в Менильмонтане. Находясь под впечатлением этих идей, он отправился вместе с ними в Египет.

Помимо симпатии к арабскому миру, которую он сразу испытал по приезду на Восток, новоиспеченный сенсимонист чувствовал некое «сообщничество» с арабами [5: р. 73]. Он пытался найти свое место в восточном обществе. Желание погружения в арабскую цивилизацию привело его не только к изучению языка, но и такому важному событию в жизни, как принятие ислама в 1833 году. Он выбрал себе символичное имя проповедника: Исмаил, сын раба, внебрачный ребенок, кинутый своим отцом [5: р. 73; 11: р. 91]. В знак своего присоединения к исламу Урбен совершил культовое обрезание.

Видный французский исследователь, специалист по истории Алжира, Ш.-Р. Ажерон свидетельствовал: Урбен сам написал министру в феврале 1837 года, что «осмелился сделать обрезание, чтобы заслужить большее доверие у арабов», а отцу Анфантену (одному из проповедников сенсимонитского общества), объяснил свой шаг желанием «доказать мусульманам и арабам свою привязанность к ним» [8: р. 16]. При этом Исмаил Урбен не отрекся ни от христианства, ни от сенсимонизма, сформулировав свою мечту, — эру толерантности между церковью и мечетью, между Иисусом и Мухаммедом в сенсимонистском духе.

Чтобы занять место «посредника между мусульманами и христианами, черными и белыми», И. Урбен не только обратился в ислам, но и женился

на мусульманке, что действительно повлияло на его проникновение в более закрытую жизнь мусульман.

В 1837 году И. Урбен был отправлен в Алжир в качестве военного переводчика. Он работал при генерале Бюжо в Оране, в алжирском штабе, у герцога Орлеанского и Омальского. За десять лет, которые он провел в Алжире, будучи мусульманином, знающим арабский язык, имеющим жену мусульманку с алжирскими корнями и дочку, Урбен хорошо изучил эту страну, ее обычаи и нравы. Это помогло ему не только в карьерном росте, но способствовало также глубокому личному осмыслению этой страны и огромной симпатии к ее культуре и местным жителям.

Прежде всего его взгляды отличались от исследований других востоковедов и сенсимонистов тем, что он опирался на свой личный опыт «сложного персонажа» и «чувствительного негра» [7: р. 9].

Он не смотрел на местное население Алжира с «позиции превосходства» более продвинутой цивилизации. Хотя, согласно иерархии цивилизаций сенсимонистов, «глобус» делился на три региона по уровню развития: «Африка и некоторые части Азии, находящиеся в состоянии, близком к племенному строю; остальная часть Азии и мусульманский мир имели уровень “организованной цивилизации”»; Запад как наиболее развитый регион должен... посвятить Восток в свои открытия, поскольку только Запад может взять на себя судьбы остального мира» [12: р. 81].

В первую очередь Урбен видел алжирцев глазами социолога и политика, а не этнолога. Он «не записал» их в какую-либо этническую группу, а считал объединенным религией и настоящим национальным чувством обществом: сначала сплоченным сопротивлением колониальному захвату, потом — оппозицией грабежам земель и юридическим претензиям ассимиляции и религиозного обращения [8: р. 24].

В переписке с Урбеном его учитель и друг — сенсимонист Гюстав д'Эштал подделился своей идеей о делении рас по цвету кожи и естественном их неравенстве: черные — слуги, белые — независимые. Г. д'Эштал высказывал идею о том, что черные — это «женская» раса, так как им присуща мягкость, физическая красота, а белые — «мужская» раса, с техническим складом ума и развитым логическим мышлением [12: р. 83]. И. Урбен назвал это учение подложным. Его самого больше интересовали предубеждения в отношении к черной расе, нежели этнологические исследования.

И. Урбену хотелось «вернуть справедливость черным» [4: р. 45]. Будучи «апостолом униженных рас», от трепетно защищал в первую очередь местное алжирское население. Мечтая о создании франко-мусульманского Алжира, И. Урбен выступал против критической позиции по отношению Запада к Востоку на основе стереотипных представлений об этой культуре. Он с помощью сравнения двух миров пытался пролить свет на «простоту и толерантность мусульманских нравов» [8: р. 137].

И. Урбен выступал против западных стереотипов, которые «извращали» местные нравы, унижали женщин, считая их «женщинами для удовольствия,

всегда готовыми пожертвовать добродетелями и семейным долгом по малейшему капризу своего рассудка» [8: р. 138]. Он был противником мнения, что ислам повинен в «несовершенстве общественного порядка».

Для И. Урбена, как борца против поверхностных и «уродующих» взглядов на мусульманское общество, задача виделась в том, чтобы собрать наблюдения, полученные «во время вдумчивого прочтения Корана, во время долгих дней, проведенных среди мусульман», в пользу симпатии, которая соединила бы французов и алжирцев [8: р. 139].

И. Урбен показывал различия между Востоком и Западом, чтобы народы могли понять друг друга, а не для того, чтобы усугублять разрыв между ними. Из анализа различий двух культур он извлекает собственное видение новой сенсимонистской веры: «соединить верой христиан и мусульман» [11: р. 93].

Несмотря на культурные и религиозные различия между восточным и западным миром, согласно И. Урбену, люди страдают от одних и тех же бед: «самые большие беды — это моральные» [11: р. 96]. Таким образом, спасти оба мира возможно с помощью новой веры, которая осуществит моральную трансформацию обществ. В трансформации исламизма должен быть духовный элемент, в трансформации католицизма — материальный [11: р. 96].

Несмотря на изложение взглядов сенсимонистов о колонизации Алжира в книге Анфантена «Колонизация Алжира», И. Урбен имел свою собственную точку зрения.

Каковы были основные идеи И. Урбена? Какой он видел идеальную цивилизацию, применимую к Французскому Алжиру? Ответы на эти вопросы содержатся в двух работах, написанных им: в 1861 году под псевдонимом Жоржа Вуазена «Алжир для алжирцев» и в 1862 году под своим именем — «Французский Алжир. Местное население и иммигранты». В этих трудах наиболее четко и основательно отразились взгляды автора, которые он сохранил до конца своей жизни. Именно эти небольшие книги, названные самим И. Урбеном брошюрами, рассматриваются западными историками как манифест политики «Арабского королевства».

Большую часть своей первой работы «Алжир для алжирцев» И. Урбен написал до путешествия императора Наполеона III в 1860 году в североафриканскую колонию. Но решение о публикации данного произведения автор принял лишь после «арабофильской» речи Наполеона III 19 сентября в Алжире, что свидетельствует о некоторых сомнениях И. Урбена в проарабской ориентации царствующей персоны.

Речь Наполеона III настолько вдохновила И. Урбена, что он использовал часть этого выступления в качестве эпиграфа к своему труду: «...первый долг Франции — заняться благополучием трех миллионов арабов» [19: р. 23].

Прежде всего в своей работе И. Урбен задает вопрос: способны ли мусульмане к совершенствованию? На этот счет у него нет сомнений: «Как и мы, они [алжирцы] способны к совершенствованию и прогрессу. Это неоспоримо» [19: р. 30]. Характерной для его взглядов является мысль об индивидуализации, самоидентичности каждого народа [19: р. 32]. Красной нитью в произведении и во взглядах «арабофилов» прослеживается мысль

о прогрессе как эволюции, а не революции: «Le progres est une evolution et non une revolution» [19: р. 36]. И. Урбен и его единомышленники являлись приверженцами постепенного, ненасильственного изменения ситуации. Они считали, что спешное насаждение своих порядков колонистами в стране с совершенно другим укладом жизни и иной ментальностью могли лишь развить агрессию и отторжение у автохтонов.

Автор убедительно говорит о необходимости исследования истории доколониального Алжира, его социальной организации и политических аспектов, так как изучение этих вопросов поможет лучше понять психологию туземцев, выяснить, какие нововведения они способны принять и с какими последствиями [19: р. 43]. Такая позиция И. Урбена свидетельствует о дальновидности его размышлений.

В своей работе И. Урбен анализирует изменения в жизни Алжира в результате французского завоевания: разграничение светской жизни и духовной; прогресс в общественном образовании — создание начальных арабо-французских школ, колледжей и высших учебных заведений (медресе); прогресс в бытовом укладе жизни местного населения, — все это исследователь считает позитивными достижениями французской колониальной политики.

Надо уточнить, что к реформе образования И. Урбен отнесся с особым трепетом, и для него эта часть социальной политики была важнейшей вехой в процессе цивилизации колонии. Будучи назначенным в бюро по делам Алжира в 1846 году, уже в 1849 году он составил «Ноту об общественном мусульманском образовании», в которой настаивал на идее полного восстановления старой системы общественного образования с последующими ступенчатыми и осторожными нововведениями [9: р. 53]. В начальной школе он предлагал ввести сборники по географии и арифметике на арабском языке; в средней школе то же самое, но с добавлением занятий по истории, химии, физике; для высших школ пригласить профессоров из Туниса и Египта. Эти меры были направлены на постепенное изменение образовательной системы алжирцев, в то время как колонисты пытались насадить французскую систему образования, невзирая на культурные и другие различия. Часть идей И. Урбена нашла отражение в декрете 14 июля 1850 года «О создании начальных арабо-французских школ».

И. Урбеном был подготовлен также проект декрета о высшем мусульманском общественном образовании, в который он буквально вложил всю заботу и душу, о чем сообщает своему другу Гюставу д'Эшталю в переписке [9: р. 88]. Он ввел некоторые важные изменения в текст, представленный Правительственным Советом. Проект предусматривал уроки арабской грамматики и мусульманских законов, а Урбен предложил восстановить урок теологии (toughhid), разместить школы около мечети. Эти идеи легли в основу декрета 30 сентября 1850 года «О создании высших общественных мусульманских школ». Ценность образовательной реформы И. Урбен видел не только в просвещении местного населения, но и в «разружении» фанатизма местных мусульман-алжирцев.

В третьей главе «Алжира для алжирцев» И. Урбен не забывает упомянуть о противоречии действий и решений правительства в вопросе о статусе

алжирцев: «...Местное население не может считаться французами, тогда как, путешествуя за границу, они находятся под политической защитой Франции» [19: р. 125]. Более полно эти вопросы рассматриваются автором в его второй работе «Французский Алжир. Местное население и иммигранты».

Наконец, говоря о «наших мусульманах алжирцах», И. Урбен предлагает некоторые меры, способные, по его мнению, улучшить процесс цивилизации. К примеру: публикация словарей арабских имен, создание собраний по мусульманскому культу, уважение французскими судами мусульманского закона, улучшение и пропаганда арабо-французских школ для мальчиков и девочек, создание школ искусств и профессий для алжирцев, установление одинаковых налогов для всего Алжира, создание общества взаимной безопасности и благотворительной организации и т. д.

Второй труд И. Урбена «Французский Алжир. Местное население и иммигранты» посвящен рассмотрению вопросов, связанных со статусом коренного населения и иммигрантов после завоевания французами этой колонии. Алжир был объявлен французской землей, следовательно, автохтоны не считались иностранцами ни в Алжире, ни во Франции. Однако разница в гражданских и политических правах для местного населения, с одной стороны, и французов, с другой, была слишком очевидна, и Урбен счел это несправедливым.

В этой связи И. Урбен указывает, что истинный интерес Франции в Алжире заключается в политическом доминировании, а именно: поддержании общественного порядка, взимании налогов, эффективной поддержке военных сил и все прочее, что приумножает престиж, честь, богатство родины [20: р. 114]. Надо отметить, что эта идея достаточно правдоподобна и справедлива: Наполеон III воплощал в своем лице бонапартизм, видевший свою миссию во внешнеполитической экспансии, экономическом прогрессе, возвеличивании страны.

И. Урбен разделил колонизацию на индустриальную — для иммигрантов, и сельскохозяйственную — для местного населения. И это важно, так как местное население наиболее всего приспособлено как физически, так и исторически к земельным работам в условиях тропического климата, в отличие от французов, которые не могли долго находиться под палящим солнцем.

Эти две работы не прошли незамеченными в то время — колонисты приняли их негативно и критиковали, а сторонники проарабских взглядов писали автору восторженные письма. Но самое главное, И. Урбену удалось повлиять на взгляды царствующей персоны Франции и его политику «Арабского королевства». Это проявилось как в политических решениях императора вроде отмены системы распределения (*cantonnement*), так и в письмах, написанных 6 февраля 1863 года генералу Ж.-Ж. Пелисье и 20 июня 1865 года будущему маршалу П. Мак-Магону, основой для которых послужили тексты И. Урбена. По данным, изложенным французским историком Мишелем Левалуа в предисловии к книге «Французский Алжир. Местное население и иммигранты», император во время ужина произнес И. Урбену, занимавшему пост личного переводчика и советника Наполеона III: «Господин Урбен, я заимствовал вашу работу [“Французский Алжир. Местное население и иммигранты”], чтобы написать мое письмо от 6 февраля» [20: р. 29].

Хочется отметить: несмотря на то, что должность советника-докладчика в Государственном совете не давала И. Урбену большой власти, она, тем не менее, позволяла ему быть в курсе решений относительно всех важных вопросов и проектов. Благодаря дружбе с генералами Э. Флери и де ла Руе, полковником Лапасе, доктором Огюстом Виталем, офицером арабских бюро генералом де Неве, Урбен как в Париже, так и в Алжире мог свободно обмениваться с ними информацией. Так, И. Урбену удалось многое сделать для Французского Алжира при принятии следующих законов: защиты земельной собственности племен; создания арабских бюро, разделенных по округам; создания арабо-французских школ; высших мусульманских учебных заведений (медресе); модернизации мусульманского правосудия.

Изучая труды и взгляды И. Урбена и исследователей колониального Алжира, можно полностью согласиться со словами французского исследователя Алена Месауди, который в своей статье «Информировать, обучать. Военные переводчики и учреждение первого ученого алжирского корпуса (1830–1870 гг.)» пишет, что, несмотря на привязанность в период Второй Империи всех военных переводчиков к двойной культуре: к своей родине и новой стране, в которую они приехали (Алжир), И. Урбен являлся «исключительным», так как ему удалось не только опубликовать свои многочисленные политические и научные работы, но и стать вдохновителем политики «Арабского королевства» [10: p. 97–112].

Исходя из вышеизложенного, И. Урбен представляется прогрессивно мыслящим человеком, последовательным в своих взглядах относительно проблем франко-алжирских отношений, актуальных по сей день. Как показало время, французскому народу неплохо было бы прислушаться к словам И. Урбена: «...Франции следует полюбить и уважать побежденный народ, а не показывать им ненависть навсегда заклятых врагов» [19: p. 29].

Литература

1. *Жюльи Д.* Философский словарь: пер. с франц. М.: Международные отношения, 2000. 544 с.
2. *Ageron Ch.-R.* «L'Algerie algerienne» de Napoleon III à de Gaulle. Paris: Sindbad, 1980.
3. *Ageron Ch.-R.* Les Algeriens musulmans et la France (1871–1919), these pour le doctorat es lettres presentee a la Faculte des lettres et sciences humaines de l'Universite de Paris, PUF (Publications de la Faculte des lettres et sciences humaines de Paris-Sorbonne, serie Recherches, t. 44 et 45), 1968, 2 vol., 1298 p., 22 tableaux, 12 graphiques bibliographie, index nominum et tables, p. 397–414.
4. *Eichthal G. d'et Urbain I.* Lettres sur la race noire et la race blanche. Paris: Paulin, 1839.
5. *Emerit M.* Les saint-simoniens en Algerie. Paris, Societe d'edition Les Belles Lettres, Publications de la Faculte des lettres d'Alger, II serie, t. XV, 1941.
6. *Julien Ch.-A.* Histoire de l'Algerie contemporaine, t. 1, La conquete et les debuts de la colonization 1827–1871. P. 422–426. Alger, Casbah editions, 2005.
7. *Levallois A.* Les écrits autobiographiques d'Ismaÿl Urbain. Homme de couleur, saint-simonien et musulman (1812–1884). Paris: Maisonneuve & Larose, 2005.
8. *Levallois M.* Ismaÿl Urbain, Une autre conquête de l'Algérie, 1812–1884. Paris: Maisonneuve & Larose, 2001.

9. *Levallois M.* Ismayl Urbain. Royaume arabe ou Algerie franco-musulmane? 1848–1870. Paris: Riveneuve editions, 2012.
10. *Messaoudi A.* «Renseigner, enseigner. Les interpretes militaires et la constitution d'un premier corpus «algerien» (1830–1870)» // «Revue d'histoire du XIX siècle», 41. 2010, 97–112.
11. *Régnier Ph.* Ismaÿl Urbain, Voyage d'Orient, suivi de Poèmes de Ménilmontant et d'Égypte. Paris: L'Harmattan, 1993.
12. *Reuillard M.* Les Saint-simoniens et la tentation coloniale: Les explorations africaines et le gouvernement néo-calédonien de Charles Guillain (1808–1875). Paris: L'Harmattan, 1995.
13. *Rey-goldzeiguer A.* Le Royaume arabe. La politique algerienne de Napoleon III (1861–1870). Alger: Societe nationale d'edition et de diffusion (SNED), 1977.
14. *Urbain I.* «Notice sur l'ancienne province de Constantine» // Tableau de la situations des etablissements francais dans l'Algerie en 1840. Paris, Imprimerie nationale, 1841. P. 307–308.
15. *Urbain I.* «Notice sur l'ancienne province de Tittery» // Tableau de la situations des etablissements francais dans l'Algerie, 1843–1844. Paris, Imprimerie nationale, 1845. P. 398–399.
16. *Urbain I.* Algerie. Du gouvernement des tribus de l'Algerie. Paris, J. Rouvier, 1848, 42 p. Extraits de la Revue de l'Orient et de l'Algerie, oct. – nov. 1847, tome II.
17. *Urbain I.* Chretiens et musulmans, Francais et Algeriens. Paris, J. Rouvier, 1848, 42 p. Extraits de la Revue de l'Orient et de l'Algerie, oct. – nov. 1847, tome II.
18. *Urbain I.* De la tolerance dans l'islamisme, 1 avril 1856, p. 63–81. Paris, impr. De Pillet fils aine, 1856, 19 p. Extrait de la Revue de Paris, 1 avril 1856. Reedite par le Centre Abaad, Saint-Ouen, 1992.
19. *Urbain I.* L'Algerie pour les Algeriens. Reedition et preface de Michel Levallois. Paris: Seguiet Atlantica, 2000.
20. *Urbain I.* L'Algerie francaise, indigenes et immigrants. Reedition et preface par Michel Levallois. Paris: Seguiet Atlantica, 2002.
21. *Vaillant J.B.Ph.* [redige par Urbain Ismayl], «Rapport presente a l'Empereur sur la situation de l'Algerie en 1853». Paris, Imprimerie imperial, 1854, et Tableau de la situation de la situation des etablissements francais dans l'Algerie, 1852–1854, Paris, Imprimerie imperial, 1855.

References

1. *Zhyulia D.* Filsofskij slovar': per. s francz. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2000. 544 s.
2. *Ageron Ch.-R.* «L'Algerie algerienne» de Napoleon III à de Gaulle. Paris: Sindbad, 1980.
3. *Ageron Ch.-R.* Les Algeriens musulmans et la France (1871–1919), these pour le doctorat es lettres presentee a la Faculte des lettres et sciences humaines de l'Universite de Paris, PUF (Publications de la Faculte des lettres et sciences humaines de Paris-Sorbonne, serie Recherches, t. 44 et 45), 1968, 2 vol., 1298 p., 22 tableaux, 12 graphiques bibliographie, index nominum et tables, p. 397–414.
4. *Eichthal G. d'et Urbain I.* Lettres sur la race noire et la race blanche. Paris: Paulin, 1839.
5. *Emerit M.* Les saint-simoniens en Algerie. Paris, Societe d'edition Les Belles Lettres, Publications de la Faculte des lettres d'Alger, II serie, t. XV, 1941.
6. *Julien Ch.-A.* Histoire de l'Algerie contemporaine, t. 1, La conquete et les debuts de la colonization 1827–1871. P. 422–426. Alger, Casbah editions, 2005.
7. *Levallois A.* Les écrits autobiographiques d'Ismaÿl Urbain. Homme de couleur, saint-simonien et musulman (1812–1884). Paris: Maisonneuve & Larose, 2005.

8. *Levallois M.* Ismaÿl Urbain, Une autre conquête de l'Algérie, 1812–1884. Paris: Maisonneuve & Larose, 2001.
9. *Levallois M.* Ismaÿl Urbain. Royaume arabe ou Algerie franco-musulmane? 1848–1870. Paris: Riveneuve editions, 2012.
10. *Messaoudi A.* «Renseigner, enseigner. Les interpretes militaires et la constitution d'un premier corpus «algerien» (1830–1870)» // «Revue d'histoire du XIX siècle», 41. 2010, 97–112.
11. *Régnier Ph.* Ismaÿl Urbain, Voyage d'Orient, suivi de Poèmes de Ménilmontant et d'Égypte. Paris: L'Harmattan, 1993.
12. *Reuillard M.* Les Saint-simoniens et la tentation coloniale: Les explorations africaines et le gouvernement néo-calédonien de Charles Guillain (1808–1875). Paris: L'Harmattan, 1995.
13. *Rey-goldzeiguer A.* Le Royaume arabe. La politique algerienne de Napoleon III (1861–1870). Alger: Societe nationale d'edition et de diffusion (SNED), 1977.
14. *Urbain I.* «Notice sur l'ancienne province de Constantine» // Tableau de la situations des etablissements francais dans l'Algerie en 1840. Paris, Imprimerie nationale, 1841. P. 307–308.
15. *Urbain I.* «Notice sur l'ancienne province de Tittery» // Tableau de la situations des etablissements francais dans l'Algerie, 1843–1844. Paris, Imprimerie nationale, 1845. P. 398–399.
16. *Urbain I.* Algerie. Du gouvernement des tribus de l'Algerie. Paris, J. Rouvier, 1848, 42 p. Extraits de la Revue de l'Orient et de l'Algerie, oct. – nov. 1847, tome II.
17. *Urbain I.* Chretiens et musulmans, Francais et Algeriens. Paris, J. Rouvier, 1848, 42 p. Extraits de la Revue de l'Orient et de l'Algerie, oct. – nov. 1847, tome II.
18. *Urbain I.* De la tolerance dans l'islamisme, 1 avril 1856, p. 63–81. Paris, impr. De Pillet fils aine, 1856, 19 p. Extrait de la Revue de Paris, 1 avril 1856. Reedité par le Centre Abaad, Saint-Ouen, 1992.
19. *Urbain I.* L'Algerie pour les Algeriens. Reedition et preface de Michel Levallois. Paris: Seguiet Atlantica, 2000.
20. *Urbain I.* L'Algerie francaise, indigenes et immigrants. Reedition et preface par Michel Levallois. Paris: Seguiet Atlantica, 2002.
21. *Vaillant J.B.Ph.* [redige par Urbain Ismaÿl], «Rapport presente a l'Empereur sur la situation de l'Algerie en 1853». Paris, Imprimerie imperial, 1854, et Tableau de la situation de la situation des etablissements francais dans l'Algerie, 1852–1854, Paris, Imprimerie imperial, 1855.

A.E. Lazutina

The Role of Ismail Urbain in French-Algerian Relations

This article considers the activities and views of Ismail Urbain — saint-simonian, one of the major «preachers» of «arabophilia» and an inspirer of the policy of «Arab kingdom» of Napoleon the Third. The author provides a glimpse at the colonization of Algeria from the other, humanistic viewpoint which protects the rights of local people and highlights the civilized way.

Keywords: Ismail Urbain; colonization of Algeria; «Arab kingdom»; saint-simonism; «arabophilia».

М.Н. Супрун

**Полярные конвои в воспоминаниях
американских ветеранов.
Рецензия на монографию
M. Scott «Eyewitness Accounts
of the Murmansk Run, 1941–1945»
(The Edwin Mellen Press, 2006. 240 p.)**

Едва ли найдется что-либо более ужасное в воображении человека, чем мифический ад. Первое, что приходит на ум для приближенного сравнения ада с земной преисподней, — это картины войны. «Холодный коридор ада» — так называли моряки кратчайший, северный маршрут в СССР поставок союзников. Сыплющиеся из-за облаков бомбы и пузырьковый след торпеды из морской пучины были лишь внешними атрибутами войны на море. Ужаснее была постоянная близость и ожидание крадущейся смерти. Смертью грозил даже, казалось, спасительный от атак шторм. Не раз ураганные ветры и волны Атлантики скручивали, как фольгу, палубу и надстройки, а корпус корабля разламывали на части. И не дай бог оказаться в воде, температура которой едва колеблется возле точки замерзания. Десять минут пребывания в ней не оставляли никакой надежды на спасение. Постоянное напряжение истощало, доводило до иступления, лишало рассудка... А что может быть страшнее для человека?

Все это пережили люди, часто несколько казенно именуемые «ветеранами северных конвоев». Их осталось немного и, к великому сожалению, с каждым годом становится все меньше. Тем дороже каждое их слово, мысль, впечатление о пережитом.

Именно эти люди и стали авторами новой книги профессора Марка Скотта «*Мурманские конвои в воспоминаниях очевидцев, 1941–1945 гг.*». Ценность этой книги уже в том, что каждый из очевидцев привнес в исследование истории конвоев то, что едва ли нашло бы отражение в официальных документах, составляющих, как правило, основу исторических трудов. Трудно

представить, чтобы в официальных отчетах, к примеру, были бы приведены описания русских женщин военной поры (*Brigadier General James O. Boswell. Archangel at War, 1941*), характеристика быта жителей северных русских портов (*J. Richardson. The «Francis Scottsky», Moonshine, and Timmy*), скрытой проституции, голода и попрошайничества в России (*Cpt John de Cato. Hagling with the Gum-Gum Boys*), рассказы о сердечных отношениях простых русских людей с иностранцами (*J. Richardson. The «Francis Scottsky», Moonshine, and Timmy*). Причем если и были в этих отношениях идеологические трения, то они многим запомнились более в комических эпизодах. Американский моряк, прижимаясь щекой к щеке в танце с русской девушкой Татьяной, прослушал от нее в популярной форме основы марксистской теории (*Cpt John de Cato The Forggoten Convoy*).

Не смогут в полной мере передать официальные документы и пресса тех лет впечатления очевидцев от общения с русскими (*Rear Admiral Samual B. Frankel. Memoirs of the Wartime Murmansk*), ощущения от бомбардировок, торпедных атак (*Ned Necht. Trapped in the Arctic Twilight*), буйства стихии (*John Sheridan. Saved by Snow*). Не все могли выдержать подобное напряжение. В этом кошмаре убежденные атеисты становились яркими приверженцами веры (*Virgil Sharp «Evaparated by a Torpedo»*). Казалось бы, закаленные дальними походами «морские волки» еще до начала вражеских атак прыгали за борт, ища спасения (или смерти?) в море (*Donald Murphy «PQ-15: A Hellish Green Light»*).

Каждый из них видел смерть, и для каждого она отразилась на сетчатке глаза в какой-то незабываемой детали-символе. Хорошо известна фотография ужасающей силы взрыва «*Mary Luckenbach*» 14 сентября 1942 года в конвое PQ-18. А для 2-го помощника Х. Хостеттера она осталась в памяти в виде лежащей на воде шляпы. Для моряка Вирджила Шарпа она появлялась в виде улыбки немецкого пилота, «делавшего свою работу» на бреющем полете. Подобные штрихи порой говорят много больше, чем пространные описания.

Безусловно, любые воспоминания несут отпечаток субъективизма, не всегда точны в деталях. Человеческая память несовершенна. Но не в этом ли субъективизме особая прелесть мемуаров как исторического источника? А то, что воспоминания современников событий — один из ценнейших материалов для историка, давно ни у кого не вызывает сомнений. Именно таким безусловно ценным источником по истории северных конвоев времен Второй мировой войны и является новая книга Марка Скотта.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2015, № 1 (17)**

Долакова Макка Исрапиловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, культурологии и туризма Казанского федерального университета (makka7@mail.ru).

Карпачев Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (spk1950@yandex.ru).

Копоть Евгений Михайлович — старший преподаватель кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (jenius1@yandex.ru).

Кузьмин Сергей Львович — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник института Востоковедения РАН (ipe51@yahoo.com).

Лазутина Анастасия Евгеньевна — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (nastyalazutina@gmail.com).

Мажитова Жанна Сабитбековна — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории стран ближнего зарубежья МГУ им. М.В. Ломоносова (mazhitova_69@mail.ru).

Павлов Андрей Альбертович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета (aapavlov@rambler.ru).

Рябота Мария Александровна — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (rma312@rambler.ru).

Сидоровни Геннадий Павлович — аспирант кафедры новейшей истории народов России Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, (pimen2004@mail.ru).

Супрун Михаил Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Северного Арктического федерального университета (suprun.ru@mail.ru).

Фекердинов Ильяс Саидович — аспирант кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета (secutor@mail.ru).

Хайретдинов Дамир Зинюрович — кандидат исторических наук, ректор Московского исламского института (rectormiu@mail.ru, khair2009@yandex.ru).

Юрьев Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (Yuriev@mgsu.ru).

«МСТТУ Vestnik» / Authors,
Series «Historical Studies», 2015, № 1 (17)

Dolakova Makka Israpilovna — Ph.D. (History), docent, Museology, Culturology and Tourism department, Kazan Federal University (makka7@mail.ru).

Karpachyov Sergei Pavlovich — Doctor of History, full professor, History of Russia department, MCU (spk1950@yandex.ru).

Kopot Evgenii Mikhailovich — senior lecturer, History of Russia department, Sholokhov MSHU (jenius1@yandex.ru).

Kuzmin Sergei Lvovich — Ph.D. (Biology), senior research fellow, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Science (ipe51@yahoo.com).

Lazutina Anastasija Evgenjevna — postgraduate of World History department, MCU (nastyalazutina@gmail.com).

Mazhitova Zhanna Sabitbekovna — Ph.D. (History), docent, postgraduate, History of neighboring countries department, Lomonosov Moscow State University (mazhitova_69@mail.ru).

Pavlov Andrey Al'bertovich — Ph.D. (History), docent, Department of Russian and Foreign History, SyktSU (aapavlov@rambler.ru).

Ryabota Maria Alexandrovna — postgraduate of World History department, MCU (rma312@rambler.ru).

Sidorovnin Gennadii Pavlovich — postgraduate, Modern History of Peoples of Russia department, Ogarev Mordovian State University (pimen2004@mail.ru).

Suprun Mikhail Nikolaevich — Doctor of History, full professor, head of History of Russia department, Northern Arctic Federal University (suprun.ru@mail.ru).

Fekerdinov Ilyas Saidovich — postgraduate, History and Theory of Historical Science department, Russian State University for the Humanities (secutor@mail.ru).

Khairtdinov Damir Zinurovich — Ph.D. (), rector of the Moscow Islamic Institute (rectormiu@mail.ru, khair2009@yandex.ru).

Yuriev Alexander Ivanovich — Doctor of History, full professor of History of Russia department, Sholokhov MSHU (Yuriev@mgg.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 1 (17), 2015

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
Е.П. Карезина
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 06.04.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 7 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.